

НОАМ ХОМСКИЙ

КЛАССОВАЯ ВОЙНА

ПОЛИТИКА

noam chomsky

class warfare

Interviews with David Barsamian

Common Courage Press
Monroe, ME 1996

НОАМ ХОМСКИЙ

КЛАССОВАЯ ВОЙНА

Интервью
с Дэвидом Барзамяном

Праксис
Москва 2003

ББК 66.4
Х76

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Заглядывая вперед. Интервью 10 лет спустя	9
«Откат назад». Возвращение дикого капитализма	27
История и память	111
Федеральное резервное управление	183
«Ограбь бедного и накорми богатого»	213
Израиль. Бдительный полицейский на посту	291

Хомский Н.

Х 76 Классовая война: Интервью с Дэвидом Барзамьяном / Пер. с англ. С. А. Мельникова. — М.: Практикс, 2003. — 336 с. — (Серия «Политика»).

ISBN 5-901574-36-2

В этой книге известный американский интеллектуал и политический деятель размышляет о глубоком кризисе, нависающем над современными западными обществами, чьи социально-экономические проблемы достигли таких масштабов, что пришло время говорить о новой «классовой войне». Опираясь в своей аргументации на обширный фактический материал, Хомский вскрывает противоречия, порождаемые нарастающим глобальным капитализмом, и предлагает его всеобъемлющую критику.

ББК 66.4

Copyright © Noam Chomsky
and David Barsamian 1996.
First published by Common
Courage Press

© С. А. Мельников,
пер. с англ., 2003

© А. Кулагин, оформление
обложки, 2003

© Издательская группа
«Практикс», 2003

ISBN 5-901574-36-2

ВВЕДЕНИЕ

Это третья книга из серии сборников интервью Ноама Хомского. В ней он комментирует политику американских правящих классов. Комментарии оказались пророческими. Корпорации и их политические союзники ведут безжалостную классовую войну против трудящихся. Под маской «финансовой ответственности» происходит разворачивание гигантского проекта по социальному переустройству. Нет никаких сомнений, чью сторону займет Хомский в этой последней реинкарнации классовой войны. Для него солидарность это не абстрактное понятие, но жизненный, объединяющий принцип.

Интервью были записаны в кабинете Хомского в Массачусетском технологическом институте и по телефону с 1994 по 1996. Некоторые транслировались в рамках серии моих еженедельных программ «Альтернативное радио», некоторые — в Боулдере, штат Колорадо.

Похвалы Хомскому, как и выдвигаемые против него обвинения, слишком многочисленны, и слишком хорошо известны, поэтому нет никакого смысла затевать по этому поводу дискуссии. Для тех, кто симпатизирует его взглядам, существует определенное число возможных ответов. Однако волей-неволей испытываешь благоговение перед огромным трудолюбием и непоколебимыми принципами Хомского, ощущая, что его способности не имеют себе равных. Еще одна возможность выбора заключена в том, чтобы воплотить его простую формулу позна-

ВВЕДЕНИЕ

ния мира и изменения общественной жизни: «История никогда не знала иных ответов, кроме как: „Давайте сделаем это!“» Правда, то, что нужно делать, не похоже на изучение квантовой физики или санскрита.

«Классовая война» выражает надежду на то, что читатель сделает правильный выбор и присоединится к политическому действию. Хомский так подводит итог своим бесчисленным книгам, интервью, статьям и речам: «Я всегда считал, что должен делать подобного рода вещи». То, что личность с подобными убеждениями стремится внести свой вклад в столь важное дело, является для меня источником бесконечного вдохновения.

*Дэвид Барзамян
март 1996*

ЗАГЛЯДЫВАЯ ВПЕРЕД. ИНТЕРВЬЮ 10 ЛЕТ СПУСТЯ

20 ДЕКАБРЯ 1994 ГОДА

[Дэвид Барзамян] Д. Б.: Ноам, со времени нашего первого интервью прошло 10 лет. Насколько я знаю, Вы очень редко даете интервью, так что, наверное, хорошо его помните.

[Ноам Хомский] — В самом деле, я помню каждое слово. (Смеется.)

Д. Б.: Я тоже отлично его помню, потому что у меня была масса технических проблем. Я не мог справиться с диктофоном, позвонил Вам и сказал: «Ничего не выйдет». Потом мне удалось его наладить. В любом случае, это было 10 лет назад. В одной рецензии на книгу «Как удержать толпу в повиновении» утверждается, что наши с Вами отношения представляют собой «симбиоз». Нужно ли нам беспокоиться на этот счет?

— Поскольку это симбиоз на большом расстоянии, то, по-моему, тут все в порядке.

Д. Б.: Прекрасно. Я хочу начать с того, чем обычно принято заканчивать. Ваши ближайшие планы. Мне известно, что в январе Вам предстоит поездка в Австралию.

— Кажется, это идея двадцатилетней давности.

Д. Б.: Будут ли новые книги?

— Сейчас в разгаре работа над одной довольно специальной книгой по лингвистике. Кроме того, я держу в голове давно обещанную книгу о философии языка. Что касается вопросов политики, то здесь я не вполне уверен. Я мог бы объединить ряд статей и слегка их оосовременить. У меня просили злободневные развернутые статьи по поводу текущих событий, и я мог бы это сделать. Но я не уверен. Есть ощущение, что рынок несколько перенасыщен моими книгами. Так что я, возможно, сделаю перерыв.

Д. Б.: Как относительно работы для «Z»? Вы собираетесь продолжать ее?

— О, конечно. Как раз сейчас у меня выходит пара статей. Собственно говоря, статья одна, но она была слишком длинная, так что ее разбили на две части. Они выйдут в январе и феврале. Будет ряд других публикаций. И другие журналы.

Д. Б.: Во время нашего последнего разговора Вы заметили, что работа в области лингвистики поистине захватывающая. Звучало неподдельное воодушевление в Вашем голосе. Что именно привлекает вас в лингвистике сейчас?

— Это сложно объяснить в двух словах. В любой работе есть своего рода ритм, в любой научной работе, я полагаю. Приходят интересные идеи, и вы начинаете по-новому смотреть на вещи. Другие люди начинают проверять эти идеи и применять их.

Они сталкиваются со всевозможными трудностями и стараются их преодолеть. Какое-то время работаешь в более или менее определенных рамках. А потом приходишь до предела этих рамок или тебя вдруг озаряет, и ты видишь, что на все можно взглянуть иначе и этот новый способ лучше старого и решает множество нерешенных доселе проблем. Ты поднимаешься на новую ступень. Вполне возможно, что именно такой момент наступает у меня сейчас. Прежде это случалось со мной всего дважды или трижды. На этот раз особенно захватывающе. Кажется, есть способ показать, что основная часть человеческого языка, основная часть механизмов, соотносящих звук и значение, являются не только всеобщими, но с определенной точки зрения поистине оптимальными. То есть, рассуждая вообще, если бы вы проектировали некую систему, если бы вы были Богом, проектирующим некую систему, вы создали бы ее очень похожей на существующую. Кроме этого в языке много замечательного. У него есть свойства, это уже давно известно, которых вы вообще не найдете у биологических организмов, эти свойства скорее напоминают те, которые можно встретить в неорганическом мире, не знаю почему. Если это справедливо, то это особенно замечательно в свете того, что от биологической системы вы и не ожидаете никакой оптимальной организации.

Д. Б.: Все это вы почерпнули из общения со студентами и коллегами?

— По большей части это моя работа, хотя, конечно, все это неоднократно обсуждалось. Здесь можно говорить о множестве совместных начинаний.

Каждую осень я провожу курс занятий, это нечто среднее между лекциями и семинарами. Уже 30 или 40 лет люди приезжают чуть ли не со всего света. Приезжают из других университетов, и даже представители иных специальностей. Некоторые постоянно на протяжении лет 20-ти или 30-ти. Приезжают из северо-восточного региона, из Канады и Мэриленда. Много приезжих из Европы. Занятия проходят очень живо: сперва моя лекция, потом долгое обсуждение. Иногда это удивительно интересно. Иногда не очень. Этой осенью, точнее, в этом году и в прошлом, но особенно в этом, во время лекций для меня многие вещи стали на свои места. Как раз об этом я сейчас пишу.

Д. Б.: Это замечательно. Я рад за Вас, что Вы так поглощены своей работой.

— Она меня всегда захватывала, но как я уже сказал, во всем есть определенный ритм. Иногда это медленный терпеливый поиск в определенных рамках, а иногда внезапное озарение, которое, кажется, одним махом решает множество проблем и открывает фантастические перспективы. Может быть, это самое интересное из того, о чем я думал. Другой вопрос, верно это или нет.

Д. Б.: И интересно, среди всей этой живой работы приходила ли Вам мысль о том, чтобы уйти на покой?

— Конечно, в моем возрасте такие мысли неизбежны. Есть вопросы, для оптимального решения которых необходимы постоянное развитие научной

отрасли и расширение сферы исследования. Есть, в конце концов, частная жизнь. Есть многое, что я хотел бы сделать. Есть также проблема распределения времени и сил.

Д. Б.: А как у Вас обстоят дела со здоровьем?

— Прекрасно.

Д. Б.: Это не преувеличение?

— Нет.

Д. Б.: Последние недели я перечитывал Вашу книгу «Поворотное течение» (Turning the Tide), в особенности раздел, посвященный контракте правых, а также росту и силе правых организаций и институтов.

— Любопытно. Я тоже это читал.

Д. Б.: В самом деле?

— Действительно, моя статья в «Z» начинается ссылкой на события, происходившие в 1980 и 1984 годах, я имею в виду выборы тех лет. Она начинается с кое-каких моих комментариев, почерпнутых отчасти из того самого раздела. Аналогия просто поразительная.

Д. Б.: Мне это тоже пришло в голову. Интересно, а недавние...

— Это словно повторение.

Д. Б.: Выборы в ноябре 1994.

— То, что произошло, и та ложь относительно произошедшего полностью идентичны.

Д. Б.: Ложь относительно...

— Я об этом писал уже тогда, в середине 80-х. Выборы 1980 и 1984 годов называли «великой победой консерваторов», «революцией Рейгана» и так далее. Но на самом деле произошло совсем другое. Население все больше отдалялось от рейгановской политики. Фактически никто среди обычных людей и не представлял, что такое «консерватизм» как явление. Только 4% или 8% или около того. У Рейгана, конечно, не было и трети избирателей. Более того, большинство и не хотело осуществления его законодательной программы. Фактически люди проголосовали против. Они чувствовали себя весьма далекими от системы, им не нравилось то, что происходило. Их собственные интересы, такая разновидность либерализма «Нового курса», грубо говоря, не были четко сформулированы в политической системе, поэтому они либо вообще не голосовали, либо голосовали против. Хотя улыбка Рейгана им imponировала больше, чем хмурые брови Мондейла, но те люди, у которых было хоть какое-то мнение, примерно 70% избирателей, не одобряли политики Рейгана. А среди неголосовавших этот процент был еще выше.

Во многом то же самое произошло и в этот раз. Тогда это называли «великой победой консерваторов», потому что этого хотела определенная часть элиты. Они хотели уничтожить жалкие остатки го-

сударства всеобщего благосостояния и перенаправить социальную политику на еще большую защиту интересов власть имущих и привилегированных слоев общества. Этого они хотели. Таким образом они интерпретировали голосование. Поперек спектра. По большей части это были либералы. Практически то же самое произошло и теперь. Если вы сравните последующие выборы, вы увидите, что выборы 1992 и 1994 годов практически идентичны, с небольшой разницей в процентном отношении, приписываемой тому факту, что голосование еще больше, чем обычно, склонилось в сторону богатых.

Среди неголосовавших, которых, несомненно, большинство, подавляющее число называют себя сторонниками демократии, но то, что они подразумевают под демократией, сильно расходится с тем, что принято считать демократией на современных выборах. Недоверие к «новым демократам» разновидности Клинтона гораздо сильнее, чем к так называемым традиционным демократам, традиционным либералам. Если взглянуть на результат, то мы увидим, что те демократы, которые рассчитывали на традиционные группы избирателей, к примеру, на рабочих или женщин, так вот эти демократы вполне преуспели. Проиграли «новые демократы» типа Клинтона. Если посмотреть на опросы общественного мнения, легко понять почему. Общественное мнение решительно отвергает политику Клинтона и Гингрича практически по всем пунктам. Но большинство людей просто не чувствуют себя сопричастными. Когда их спрашивают, к примеру, важно ли было на этих выборах получить консервативный Конгресс, примерно 12% избирателей

говорят: «Да». Другими словами, практически никто. Это очень напоминает начало 80-х. Причина, по которой это происходит, заключается, повторяю, в том, что в такой политике заинтересованы привилегированные и власть имущие слои общества. Поэтому они будут кричать на всех перекрестках, что власть они получили от народа, даже если народ им никогда ничего не вручал. Это означает дальнейшее сужение спектра избирательного права. Не под давлением народа, а исключительно благодаря воле элиты. Вот чего они хотят. И в этом нет ничего удивительного. Для них это хорошо.

Клинтон и его советники решили трактовать итоги этого голосования в том смысле, что следует продолжать двигаться дальше в сторону непопулярных мер, вместо того, чтобы сказать: «Мы должны говорить с большей частью населения, которая против того, что мы делаем и еще больше против того, что делают республиканцы». Они интерпретируют это именно так, хотя опросы общественного мнения указывают на противоположное. Все потому, что они хотят действовать в этом направлении.

Д. Б.: Скажите мне такую вещь: насколько я помню, в 80-е, во время правления Рейгана, элитные средства массовой информации высказывались вполне одобрительно как в отношении его самого, так и в отношении его программы. А сейчас и New York Times, и Washington Post едко критикуют политику Клинтона.

— Так было до выборов. С тех пор они поутихли. Это входило в программу Гингрича: он хотел сфокусировать внимание на том, что сам называет

«культурными аспектами». Это не лишено смысла, поскольку, когда вы намереваетесь ограбить слепых людей, вы едва ли станете заострять их внимание на вопросах экономики. Налицо два пункта программы: обворовать слепых и обогатить богатых. Я не заметил, чтобы официальные СМИ высказывались против этой программы. Вы читали, например, сегодняшние передовицы? Есть ли в них какое-нибудь осуждение Клинтона за вчерашнее заявление, что он собирается сократить состав правительства и урезать государственные субсидии на размещение ядерных отходов и т. д.? Сомневаюсь. Сам я еще газет не читал.

То, против чего они выступают и чем взволнованы, это то, что называется ими в стиле Гингрича «наступлением на культуру», потому что в действительности это такое же покушение на ценности элитных групп. Думаю, есть своего рода внутреннее противоречие в том, что элитным группам нужно быстро договариваться между собой. Для того, чтобы протолкнуть ту социальную политику, которая их на самом деле интересует, то есть распределение ресурсов к еще большей выгоде богатых и еще большее, чем раньше, понижение статуса основного населения, — так вот, чтобы скрыть все это, им и приходится добиваться общественной поддержки. Для любого дела необходима хоть какая-то поддержка. Добиться ее на социальном или экономическом поприще невозможно. Остаются «культурные аспекты». Кое-что здесь напоминает 1930-е годы, точнее сказать, Германию 1930-х. Нужно уметь направить общественное внимание на что-то еще. Отсюда сосредоточенность программы Гингрича на том, что он называет «восстановлением американской цивили-

лизации»: а это означает сокращение прав женщин, молитвы в школах, урезывание свободы слова, нападки на гражданские свободы и тому подобные вещи. Это то, что богатые и власть предержащие не любят, потому что им это выгодно. Прежде всего, в вопросах культурной политики они предпочитают казаться «либералами». Им нужна своеобразная свобода, основы которой были бы поколеблены, если бы намерения Гингрича были серьезными. Отсюда противоречие. Это очевидно.

Пару недель назад, например, передовица *New York Times* выступила в защиту контркультуры.

Д. Б.: Да, меня это удивило.

— Я считаю, что ничего удивительного нет.

Д. Б.: Нет?

— Это ведь совершенно естественно. То, что они имеют в виду, когда говорят «контркультура», всегда получало поддержку с их стороны. И если бы вы провели опрос среди общественных деятелей, они бы с этим согласились. Они не хотят, чтобы их детей заставляли молиться в школах. Они не хотят, чтобы религиозные фундаменталисты указывали им, что делать. Они хотят, чтобы у их жен и дочерей были большие возможности, право делать аборт и прочие формы свободы. Они вовсе не горят желанием привносить в свою частную жизнь те ценности, о которых говорит Гингрич. Такова разновидность «контркультуры», которую они защищают. Так что, с моей точки зрения, ничего удивительного не было.

С другой стороны, была, как мне кажется, гораздо более драматичная статья на первой странице *Wall Street Journal* пару дней назад, в которой шла речь о «классовой войне» и «экономических классах». В США эти термины до недавнего времени не были употребительны, но теперь и они пошли в ход. Крайне интересно наблюдать, как это было сделано. В статье говорится, что существует классовая война, развивающаяся между рядовыми представителями рабочего класса, с одной стороны, — они-то и называются экономическим классом, — и представителями элиты, с другой, которые их притесняют и которые, так уж получилось, являются либералами. Эти элитарные либералы, притесняющие первых, являются носителями безумных «контркультурных» ценностей. Кто же выступает в защиту рядовых представителей рабочего класса? Так называемые консерваторы, которые на самом деле изо всех сил стараются их уничтожить. Вот вам классовая война. Они явно чувствуют себя уверенно в своеобразно понятой ими доктринальной системе, — речь о которой, в частности, шла в упомянутой вами книге 1985 года. Они чувствуют себя уверенно настолько, что допускают употребление таких слов, как «классовая война», «классовое противостояние», поскольку правящий класс отождествляется с людьми, поддерживающими эти либеральные «контркультурные» ценности. Это не тотальное искажение действительности. Если вы обратитесь к подлинно правящему классу, то есть к людям, которые владеют собственностью, инвестируют деньги, играют на бирже и т. д., вы увидите, что они, в общем, разделяют так называемые «либеральные» ценности. Вот в этом, по-моему, и кроются разительные

внутренние противоречия. С одной стороны, Гингрич выбирает ту линию пропаганды, которая вроде бы является необходимой, чтобы вести мощное наступление против народа. Но некоторые элементы этой пропаганды, понятые буквально, задевают также интересы богатых и власть имущих. Здесь внутреннее противоречие, и вот почему появляются статьи, похожие на эту передовицу в Times.

Д. Б.: Это было в воскресенье, 11 декабря 1994 года. Я только хотел бы напомнить Вам об одном обстоятельстве. Вьетнамская политика была названа «безумной».

— Ну, это, видите ли, старая история.

Д. Б.: Я уже давно не помню, чтобы употреблялось это прилагательное.

— Это просто возврат в 60-е, когда говорили: «Эти ребята сошли с ума. Они не знают, как выиграть войну».

Д. Б.: Значит, Вы полагаете здесь прагматические соображения.

— Говорят ли они, что агрессия Южного Вьетнама безнравственна? Они говорят, что она безумна. Оцените всю ненормальность происходящего: мы посвящаем свою жизнь, энергию, усилия тому, чтобы спасти людей, которых нельзя было спасти, ибо они ничего не стоили. Это возвращает нас к Дэвиду Хальберстему, в ранние 60-е. Так называемые критики говорили тогда: «Вы, ребята, поступаете не-

правильно». Энтони Льюис, когда он наконец стал выступать против войны, около 1970 года, заметил, что все это началось с того, что хотели-то сделать как лучше, а получилось хуже некуда. Вот что было безумием.

Д. Б.: Давайте вернемся к вопросу о классовой войне. Если экономическая инициатива правого крыла республиканцев, которая по сути представляет собой атаку на бедных...

— Довольно смешно называть их «бедными». Речь идет, может быть, о трех четвертях населения.

Д. Б.: Неужели представителей элитных групп не беспокоит то, что результатом всего этого может стать социальная нестабильность и волнения наподобие тех, что были в Лос-Анджелесе?

— Для этого им и нужен этот огромный закон против преступности, который они собираются расширять и дальше. Им выгодно криминализовать большую часть населения. Над этим они работают уже некоторое время. Вот что, по-моему, происходит на самом деле. Надо вернуться в 70-е, когда все это стало выходить наружу из-за изменений в международной экономике. Тогда для представителей правящих группировок впервые оказалось возможным сделать то, что они всегда надеялись осуществить, но не могли до поры до времени, а именно, отменить те социальные завоевания, которых добились более столетия назад рабочие и беднота. Это было нечто вроде общественного договора. Как мне кажется, они полагают, что они в состоянии его отменить.

Они рассчитывают вернуться прямехонько к «мельницам сатаны», говоря словами Уильяма Блейка, когда, как они полагают, у них будет достаточно средств против основной массы населения, — что, к слову сказать, вполне правдоподобно. Они смогут уничтожить права человека, ликвидировать демократический курс (за исключением его чисто формальных проявлений), передать власть никому неподотчетным абсолютистским организациям, которые будут править миром в своих собственных интересах, без оглядки на кого бы то ни было, усилить личную власть и ликвидировать права рабочих, политические права, право на труд и т. д. Уничтожить то, что принято называть правом на жизнь. Но эти права — результат борьбы, длившейся с начала XIX века, и они никогда не могли осуществить свои замыслы в полной мере. Сейчас, как мне кажется, они полагают, что могут. Это значит, что индустриально развитые страны сравниваются со странами «третьего мира», вроде Латинской Америки. Небольшой части населения это обещает огромное богатство и привилегии, невероятную поддержку правительства, потому что никто из этих людей не верит в свободный рынок или что-нибудь отдаленно его напоминающее. Им нужно мощное государство «всеобщего благосостояния», предоставляющее им ресурсы и всяческую поддержку. То есть, с одной стороны, имеется мощное государство «всеобщего благосостояния» для очень небольшой группы людей. Что же касается остальных, тех, которые нужны для выполнения грязной работы, то они получают жалкие гроши, а если им это не нравится, то вместо них всегда найдутся другие. В большинстве своем эти люди совершенно бесполезны и никому не

нужны. В странах «третьего мира» из них можно формировать так называемые «команды смертников» и куда-нибудь отправлять. Здесь этого не сделаешь, поэтому они и заперты в городских трущобах, представляющих подобия концентрационных лагерей. Никаких источников существования у них там, будьте уверены, нет, и им остается только нищать и вырождаться. Если это не срабатывает, можно бросить их в тюрьму.

Д. Б.: Возможно ли какое-нибудь сопротивление этой политике?

— Организованное сопротивление? В некотором смысле, да, но не конструктивное. К примеру, голосование в 1994 году было видом сопротивления. Это было всеобщее голосование против всего, что творится. Но оно не приняло конструктивных форм.

Д. Б.: 61% населения не проголосовал вообще.

— Да, но это нормально. Большинству людей все это вообще представляется ерундой. Но взгляните на меньшинство, на тех, кто проголосовал. Я забыл точные цифры, но, по-моему, пятеро из шести голосовали против. Это очень напоминает 1980-е, только сейчас это еще внушительнее после 15 лет, прожитых при реорганизме. Он начался в конце эпохи Картера, затем наступило, собственно говоря, время Рейгана, и продолжился он при Клинтоне. В том смысле, что продолжился рост неравенства, продолжилось снижение стандарта жизни для большинства населения. Некоторое время был застой. Само это снижение началось в 80-е. При Клинтоне оно

усилилось. Сейчас можно наблюдать уникальное явление. Впервые, можно сказать, в истории человечества наступила эпоха экономического процветания, когда общие условия жизни и экономические условия идут на спад. Совсем недавно Статистическое бюро опубликовало данные за 1993 год, после двух лет так называемого экономического «оздоровления». Средний доход упал на 7% по сравнению с 1989 годом. Несколько необычно для «оздоровления», не правда ли? Да вот, например, сегодня утром... У вас ведь есть сегодняшняя New York Times?

Д. Б.: Да, разумеется.

— Взгляните. Там говорится о сокращении бюджета и т. п. На развороте, в разделе «В», вы найдете продолжение этой истории. Этому посвящена почти целая страница. Затем, в правой колонке, статья о последней конференции мэров. Если не читали, почитайте. Это любопытно. На этой конференции было сказано, что число людей, отчаянно нуждающихся в пище и крове, резко возросло. Процентом на 15, кажется. Многие из них лишены этого просто потому, что у городов нет соответствующих ресурсов. Для богатой страны, да еще в период процветания, это просто скандал. Странное, надо сказать, процветание, при котором резко возрастает число бездомных и умирающих от голода, а мэры на конференции говорят об этом и резко протестуют против федеральной политики.

Люди знают, что дела обстоят плохо, но они не знают, что делать. Ведь, к примеру, нет ничего конструктивного в политической системе. Опросы и

изучение общественного мнения и т. п., в том числе так называемые «опросы на выходе» на последних выборах, совершенно ясно показывают, что является выигрышным на политической арене: немного популизма, немного реформизма, немного социал-демократии. В результате изрядный процент голосов был бы у вас в кармане. Но этого вам никто никогда не скажет, потому что все они всегда хотят чего-то большего.

Во время этой кампании было довольно забавно видеть, как обе стороны стараются не замечать некоторые очень острые вопросы. Возьмите, скажем, Ньюта Гингрича, который прямо-таки раздавил демократов своими речами о «государстве всеобщего благосостояния», о том, что государство для них — это «дойная корова», и что, довольно, мол, правительству «сидеть у нас на шее», и что со своей «дойной коровой» вы, ребята, «готовы разнести весь мир». Он просто убивал демократов такими заявлениями. Но я не знаю ни одного человека, даже среди так называемой либеральной прессы или среди самих демократов, кто бы выступил с вполне очевидным возражением: «Вы же сами и есть главный защитник этой самой „дойной коровы“, или, во всяком случае, один из самых главных». Я полагаю, вам известно, что избирательный округ Гингрича получает больше субсидий из федерального бюджета, чем любой провинциальный округ за пределами федеральной системы.

Д. Б.: Это округ Кобб, непосредственно за пределами Атланты.

— Исключите Арлингтон, Вирджинию, которая

является частью Вашингтона, и Космический центр Кеннеди во Флориде, и на первое место выйдет округ Кобб. Вот вам «дойная корова». Это все пансионеры социальной политики, которая направляет общественные ресурсы в карман богачей. Многого идет через Пентагон, это его, так сказать, семейная обязанность.

Д. Б.: Однако в округе Кобб находится Lockheed.

— На Lockheed они главным образом и работают. Кроме того, это также компьютеры и электроника, которые с трудом субсидируются обществом, и страхование. Почему на страховании можно сделать большие деньги? Потому что социальная политика выступает гарантом того, чтобы частные компании, то есть страховые компании, могли проворачивать огромные программы. Самая удивительная — программа по здравоохранению. Такова общественная политика. В неподверженных этой болезни странах подобного нет. Так вот, возвращаясь к сказанному: избирательный округ Гингрича «доит» эту самую «корову» в значительной степени больше, чем какой бы то ни было округ вне федеральной системы.

Повторяю, ни один демократ не отметил данное обстоятельство. По той причине, подозреваю, что их это устраивает. Они не хотят распространяться на этот счет даже ценой серьезных потерь голосов на выборах и утраты контроля над Конгрессом.

«ОТКАТ НАЗАД». ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИКОГО КАПИТАЛИЗМА

31 ЯНВАРЯ И 3 ФЕВРАЛЯ 1995 ГОДА

Д. Б.: Вы только что вернулись из Австралии. Насколько мне известно, это была Ваша первая поездка в эту страну?

— Да, это было действительно мое первое посещение Австралии. Я пробыл там восемь или девять дней: сплошные доклады и интервью, все как обычно. Охват проблем был очень широк, аудитория оказалась крайне заинтересованной. Все это сопровождалось неоднократными выступлениями по радио и телевидению. Приглашение исходило от «Ассоциации помощи Восточному Тимору». В Австралии проживает довольно большая тиморская община. Мои доклады были главным образом посвящены тому, что происходит сейчас в Восточном Тиморе. Эта тема стала центральной для всех моих выступлений. Ну и кроме того, разумеется, речь шла также об австралийской политике в отношении тиморской проблемы, поднимались еще кое-какие вопросы, связанные с внутренней экономической политикой Австралии.

Это было своевременным. Вчера в Международном суде открылись слушания по одному очень важному делу. У нас в США я пока еще не видел публикаций, но в мировой прессе и, конечно же, в австралийской, обстоятельства этого дела освещены достаточно широко. В этом деле столкнулись,

прежде всего, интересы двух государств — Португалии и Австралии. Речь идет о хищениях нефти Восточного Тимора в соответствии с договором, подписанным между Австралией и Индонезией. Одной из главных причин, по которой Запад некогда поддерживал индонезийскую оккупацию Восточного Тимора (это стало известным из целого ряда дипломатических телеграмм и кое-каких дополнительных источников), — которая, кстати говоря, была очень похожа на геноцид, — так вот основной причиной этого стало то обстоятельство, что все тогда посчитали, что Индонезия станет для них более подходящим партнером в деле разграбления нефтяных ресурсов этого государства, чем Португалия, осуществляющая административную власть, или же независимый Восточный Тимор. В дипломатических телеграммах об этом говорилось определенно, в то время как правительства США и западноевропейских стран делали вид, что знать ничего не знают ни о каком вторжении. Но, конечно, они все знали. Итак, сейчас это стало большой проблемой. Слушание в Международном суде и сам факт, подобный тому, как если бы Ливия заключила договор с Ираком о разработке кувейтской нефти, в то время когда иракские войска еще не были вытеснены оттуда. Вот вам одна серьезная проблема. Поскольку дело только что попало в Международный суд, все было своевременно.

С другой стороны, я узнал из передовицы национальной газеты *The Australian*, едва только прибыл в аэропорт, о том, что Австралия согласилась продать Индонезии свое передовое стрелковое оружие, которое ей понадобилось, конечно, не для того, чтобы обороняться им от Китая. Это оружие будет ис-

пользоваться для внутренних репрессий и военной оккупации Восточного Тимора, где все еще продолжается борьба и где репрессии очень жестоки. В Индонезии Австралия нашла для себя рыночную нишу, после того как Соединенные Штаты, наконец, убрались оттуда под давлением Конгресса и собственного населения. США были вынуждены изъять некоторое оружие, в основном, мелкого калибра у убийц. Австралия сразу же заняла их место. Цинизм этой ситуации прямо-таки бросается в глаза. Австралийцы прекрасно знают, — даже если их не учили этому в школе, однако они еще в состоянии помнить, — что около 60 тысяч жителей Тимора было убито во время второй мировой войны. До этого остров Тимор был разделен между Голландией и Португалией. Португальская часть территории во время войны вполне бы могла сохранить нейтралитет, как это произошло с другой португальской колонией, Макао. Япония никогда не посягала на ее нейтралитет. Португалия была страной с фашистским режимом. Почти союзник. У Тимора были все шансы остаться в стороне. Однако на территорию Тимора вторглась Австралия, а через 10 дней после бомбардировки Перл Харбора для борьбы с австралийскими солдатами там высадились японские войска. В то время там было приблизительно сотни две австралийских командос. Выжить многим из них удалось исключительно благодаря поддержке местного населения. В противном случае их немедленно бы уничтожили. Австралийские войска, в конце концов, были отозваны, а местные жители, разумеется, были вынуждены остаться. Те из них, кого японцы подозревали в содействии австралийским командос, были потом пол-

ностью уничтожены. Если вы посмотрите на карту, то вы поймете, почему это сражение за Тимор имело такое большое значение. Оттуда японцы могли вторгнуться на австралийскую территорию. Этого не случилось. Они бомбили, но не вторглись. Японцев остановила борьба с населением Тимора. Так что 60 тысяч погибших тиморцев спасли тогда не только австралийских коммандос, они спасли Австралию от военного вторжения.

Тиморцы не очень-то одобряют такой своеобразный способ уплаты долга — оказаться единственной в мире страной, официально согласившейся на оккупацию, позволяющей добровольно красть у себя нефть и при этом самой же давать оружие в руки своим грабителям. Невероятный цинизм в том, что правительство Австралии находит в себе способность все это оправдать. Вот почему, в силу крайне негативного отношения к этим событиям австралийского населения, а также из-за того, что Тимор находится рядом, очень близко, — можно сказать, что Тимор — это почти что соседний дом, — правительство сегодня столкнулось с необходимостью решать вопрос о тиморских беженцах. Так что сейчас для Австралии Восточный Тимор — это очень большая проблема.

Д. Б.: Вы упомянули о том, что Вам во время Вашей поездки довелось выступить перед анархистами. Существует ли в Австралии подлинно анархистское движение?

— Не могу об этом судить. Встреча происходила в Сиднее, в здании городской ратуши. Было тысячи две человек, и ратуша была переполнена. Кон-

ференция длилась весь день, народу на ней было много, значит, видимо, что-то такое, по всей вероятности, там действительно существует. Вам ведь знакомы такого рода поездки, когда с одного доклада спешешь на другой? Так что я не могу вам сказать ничего более определенного.

Д. Б.: Да, я Вас очень хорошо понимаю. В ноябре мне пришлось побывать в Сиэтле и Олимпии. Я прочел три публичные лекции, дал три интервью и провел один семинар — и все это за полтора дня. К концу этого времени мои мозги совершенно изжарились. Я уже не вполне понимал, к кому именно я обращаюсь и что вообще говорю. Я поражаюсь, как Вам удается всегда не только сохранять хладнокровие и присутствие духа, но и постоянно помнить о том, что именно Вы сказали?

— Честно говоря, признаюсь вам откровенно, у меня есть только один настоящий талант. Я говорю это вовсе не из ложной скромности, — обо всех своих плюсах и минусах я имею вполне определенное представление. Талант, о котором я говорю, встречается не у каждого. Дело в том, что в моей голове есть какая-то штука, которая заставляет мозг функционировать как компьютер. В компьютере вы можете поместить информацию в какое угодно место и быть при этом уверены, что всегда найдете ее именно там, где оставили. С моей головой происходит примерно все то же самое. Самую что ни есть специальную книгу я могу писать урывками и кусками: кусок в самолете, еще один — три недели спустя, а через полгода снова вернуться к этой работе и продолжить с того самого места, где я остановил-

ся в прошлый раз. Каким-то образом у меня никогда нет проблем при переключении с одного дела на другое. Некоторые из моих друзей обладают точно таким же свойством. Один из них, очень близкий мой друг — знаменитый в Израиле логик. Мы с ним встречаемся приблизительно раз в пять или шесть лет, и при этом всегда начинаем наш разговор буквально с той фразы, какой он закончился в нашу предыдущую встречу, — без каких-либо затруднений и комментариев с нашей стороны. Только после того, как людям из нашего окружения данная ситуация стала казаться странной, мы сами впервые обратили на это внимание.

Д. Б.: Вспоминали ли Вы в Австралии об Алексее Кэри, человеку, которому Вы посвятили когда-то книгу «Производство согласия» (Manufacturing Consent)?

— Да, очень часто. Собственно говоря, причиной моей поездки в Австралию стал выход его последней книги. Я имею в виду книгу его посмертных эссе — «Демократия без риска» (Taking Risk Out of Democracy), опубликованную университетом Нового Южного Уэльса, где он преподавал. Кстати, я написал для этой книги вступительную статью. Целью моего приезда в Австралию была, с одной стороны, организация обсуждения этой книги, а с другой — желание встретиться с его семьей. Кроме того, я встретился с некоторыми из своих старых друзей, с которыми я познакомился через Алекса, когда он приезжал сюда несколько лет тому назад. Так что в этой поездке было действительно много того, что касалось меня лично.

Д. Б.: Почему его работы достойны упоминания? Каков его вклад?

— Алекс Кэри был первопроходцем в области, настоящее изучение которой только еще предстоит. Речь идет об области корпоративной пропаганды, что является одним из наиболее важных и при этом мало изученных феноменов современного мира. Его важнейшее эссе — «Как изменяется общественное мнение: Наступление корпораций» (Changing Public Opinion: The Corporate Offensive), в течении многих лет распространявшееся подпольно (я сам принимал в этом активнейшее участие), не было напечатано при его жизни. В новый сборник его работ она вошла. В самом начале его статьи говорится о том, — конечно, у него выглядит значительно лучше, чем в моем пересказе, — что в XX веке имели место три очень важных политических феномена, имеющих непосредственное отношение к демократии. Первый — широкое распространение избирательного права, второй — рост корпораций, а третий — рост корпоративной пропаганды, с целью подрыва устоев демократии. И он абсолютно прав. Вот откуда у нас индустрия общественных отношений. Эта индустрия впервые возникла приблизительно в то время, когда корпорации приняли свой современный вид, то есть в начале века. Она была создана, как это объяснялось тогда, с целью «контролировать общественное сознание», потому что уже в то время было ясно, что общественное сознание станет величайшей опасностью для промышленников, и все прекрасно понимали, что демократия представляет собой большую угрозу, как для частной тирании, так и для государственной. Сей-

час мы существуем в условиях частной тирании, которая была сознательно создана в начале века с единственной целью ограничения личной свободы. Это является одним из моментов системы корпоративного права, о чем известно только в ученых кругах.

Другой характерной чертой этой системы стало стремление посеять убеждение, что демократия несостоятельна. И поскольку насилие со стороны государства в определенных границах в то время считалось вполне дозволенным, прежде всего, в связи с расширением гражданских прав и политической активности населения, это было понято в том смысле, что необходимо контролировать общественное мнение. Это привело к созданию огромной индустрии общественных связей и к массивным пропагандистским кампаниям, попыткам навязать «американскую идею», американское представление о счастье и американский капитализм. Люди и поныне буквально тонут во всей этой пропаганде, звучащей по радио, телевидению и другим СМИ. Все это делается совершенно сознательно. Алекс Кэри был первым, кто начал серьезно исследовать все эти вещи, и, в общем-то, последним. Сейчас появляется кое-какая литература по этой проблеме, правда ее очень немного. Здесь прежде всего необходимо упомянуть великолепное исследование Элизабет Фоунз-Вульф под названием «Как продается частное предпринимательство» (Selling Free Enterprise), опубликованное издательством Иллинойского университета, в котором последовательно был рассмотрен период после второй мировой войны. Фоунз-Вульф приводит массу нового материала относительно невероятного масштаба пропагандист-

ских усилий «познакомить людей с историей капитализма» и той убежденности в собственной правоте, с которой ведется «вечная битва за сознание людей». Эта тема является невероятно важной для XX столетия. Мы постоянно оказываемся теснейшим образом с ней сопряжены. Это многое объясняет. Отсюда проистекает отличие Соединенных Штатов от других мировых держав. По самым разным историческим причинам в этой стране сложилось бизнес-общество, обладающее значительно большим классовым сознанием. Оно не развилось из феодализма и аристократии. Поэтому здесь не было тех социальных конфликтов, которые были типичным явлением в истории других государств. Это общество с очень высоким классовым сознанием, очень марксистское по своему характеру, «вульгарно» марксистское, общество, ведущее жестокую классовую войну и осознающее это. Вы читали зарубежные публикации, и это почти наполовину похоже на маоистские памфлеты. Миллиарды долларов на пропаганду ежегодно тратятся не ради забавы. Это делается с определенной целью. Долгое время этой целью было сдерживать развитие прав человека, демократии, вообще всей структуры «государства всеобщего благосостояния», ликвидировать общественный договор, на создание которого были потрачены годы. Первоначально целью было замедлить процесс его формирования и ограничить область его распространения. В наше время стало возможным вообще «отодвинуть его назад» и тем самым прямо вернуться к «мельницам сатаны», убийству бедного люда, то есть собственно говоря, к социальной структуре начала XIX века. Вот какова нынешняя ситуация. Ее важнейшим составным элементом яв-

ляется наступление пропаганды невероятных размеров.

Работа Кэри потому так важна, что по сути своей является первой попыткой привлечь к этим вопросам общественное внимание. Он оказал громадное влияние на мою работу. Эд Херман и я посвятили ему нашу книгу «Производство согласия», но это был вовсе не символический жест, хотя он и скончался совсем недавно. Во многом мы обратились к этой проблеме благодаря ему.

Д. Б.: Вы только что упомянули об «откате назад». Так называлась серия Ваших эссе, опубликованных в журнале «Z». Насколько я понимаю, это ведь термин времен холодной войны?

— Да, я позаимствовал его из лексики тех лет. Общепринятая точка зрения, если вы прочтете «Доктрину Клинтона», где это высказано Энтони Лейком, интеллектуалом в администрации Белого Дома, такова: долгие годы мы были втянуты в сдерживание угрозы рыночной демократии. Теперь мы собираемся ее расширять. Он использует образный ряд, типичный для холодной войны. Я думаю, этот образный ряд является вполне подходящим, — невзирая на то, что все здесь сознательно перевернуто с ног на голову. Долгие годы мы были втянуты в сдерживание демократии, свободы, прав человека и даже самих рыночных отношений, а теперь мы намерены отступить от них еще дальше назад. «Откат назад», как вы уже сказали, является термином времен холодной войны. Согласно традиционной политике времен холодной войны мы колеблемся между сдерживанием и движением назад.

Сдерживание — политика Кеннана. Вы противостояте советской экспансии. Вот что такое сдерживание.

«Откат назад» стал, по сути, официальной политикой США, начиная с 1950 года. Решение NSC-68 (Национального Совета Безопасности), излагавшее суть доктрины холодной войны, является оправданием «отката». Это случилось тогда, когда скинули Кеннана, и на смену ему явились Нитце и другие. «Откат» означал, что мы должны подорвать и разрушить мощь Советов и вести переговоры с «государством-наследником» (или «государствами», — как это объяснял NSC). Эти традиционные определения времен холодной войны являются вполне уместными, я полагаю, только употребляются они неправильно. Сдерживание действительно имело место, но это не было сдерживание советской угрозы. Это было сдерживание свободы, демократии, прав человека и прочих угроз авторитаризму. А теперь ощущается, что существует возможность продолжить «откат» и расторгнуть общественный договор, который возник в результате борьбы народных масс, длившейся более ста пятидесяти лет, и который сглаживал острые углы грабительской частной тирании, причем сглаживал часто довольно сильно.

В Германии, к примеру, рабочие имеют вполне приемлемые условия. Но теперь, как нам говорят, от всего этого необходимо «отступить», мы должны вернуться к тем временам, когда у нас было «наемное рабство», как его называли рабочие в XIX веке. Прав никаких. Единственные права — это те, которыми можно обзавестись на рынке труда. Если ваши дети не смогут заработать себе на пропитание,

то они умрут от голода. Выбирать можно только между тюрьмой рабочего дома и рынком труда, что бы Вы там ни получили. Или, если вернуться к началу 20-х годов XIX века, вы можете руководствоваться девизом: «Или отправляйтесь куда-нибудь еще». Имелись в виду такие места, где белые поселенцы уничтожали местных жителей, освобождая для себя новые территории, такие как США или Австралия, к примеру.

Конечно, теперь такого выбора нет. «Отправиться» нам более некуда. Так что выбор ограничивается двумя первыми возможностями, как нам указывают основатели современной экономики, такие, как Рикардо и Мальтус, и выбор этот заключается в следующем: либо тюрьма рабочего дома и голодная смерть, либо то, что может предложить рынок труда. На этом рынке у Вас нет никаких прав. Это всего лишь рынок. Таковы основы интеллектуальной традиции, называемой ныне классической политэкономией, неолиберализмом и т. д.

Основная мысль заключается в том, чтобы вернуться к этому выбору с одним существенным отличием. Есть маленький секрет, который всем известен, но о котором не говорят, и состоит он в том, что никто из тех, кто выступает с поддержкой этих идей, не верит здесь ни единому слову. Эти люди всегда мечтали о могущественном государстве, о «государстве всеобщего благосостояния», но не для всех, а исключительно для богатых. Ради этого были основаны Соединенные Штаты. Действительно, эта страна стала первопроходцем на этом пути. Из всех индустриальных обществ это самое протекционистское. Это факт общеизвестный.

Александр Гамильтон был одним из тех, кто со-

здал концепцию защиты всех новых отраслей промышленности и современный протекционизм. США всегда были пионером и бастионом протекционизма, вот почему это богатая и могущественная страна. Другой небольшой секрет из истории экономических отношений, также очень хорошо известный ученым, заключается в том, что политика свободного рынка всегда терпела сокрушительный крах.

Любой, кто ей подчиняется, погибает; вот почему страны «третьего мира» выглядят так, как они выглядят. Политика свободного рынка была навязана «третьему миру» со стороны, тогда как любое из существующих развитых государств всегда радикальнейшим образом переступала через все эти принципы, и США значительно чаще, чем кто бы то ни было другой. Это связано с экономическим ростом. Если взглянуть с исторической точки зрения, протекционизм был всегда очень тесно связан в том числе и с торговлей. Чем больше протекционизма, тем больше торговли, и по очень простой причине: протекционизм укрепляет экономический рост, а экономический рост укрепляет торговлю. Так продолжалось в течение очень большого промежутка времени. И это притом, что протекционизм есть всего лишь одна из форм государственного вмешательства.

Малоимущие люди и рабочие вынуждены подчиняться рыночной дисциплине. С этой стороной все в порядке. Но другая сторона, о которой говорят значительно меньше, заключается в том, что богатые стремятся сделать из государства «дойную корову», чтобы оно защищало исключительно их интересы и субсидировало бы только их.

Д. Б.: Одним из героев современного «правого возрождения», — я намеренно не использую слово «консерваторы», — является Адам Смит. Вы провели целый ряд весьма интересных исследований работ Смита, в ходе которых Вам удалось «раскопать», как сказали бы постмодернисты, много ценной информации, на которую мало кто до этого обращал внимание. Вы, например, очень часто цитируете принадлежащее Смиту определение «гнушной максимы хозяев рода человеческого»: «Все для нас и ничего для других».

— Я никогда не проводил никаких исследований работ Смита. Я его просто читал. То, чем я занимался, не исследование. Он — фигура докапиталистическая, принадлежащая эпохе Просвещения. Он презирал то, что мы назвали бы сейчас «капитализмом». Люди знают отрывки из Адама Смита, всего те несколько фраз, которые они выучили в школе. Все знают первый параграф «Богатства народов», где он говорит о том, как прекрасно разделение труда. Но мало кто дочитывает до того места через несколько сотен страниц, где он говорит, что разделение труда способно разрушить человека и низвести его до такого невежественного и тупого состояния, которого человек только может достичь. И по этой причине в любом цивилизованном государстве правительство должно сделать все возможное, чтобы не дать разделению труда развиваться до таких пределов.

Он, конечно, выступал сторонником рынка, однако он утверждал, что только в условиях абсолютной свободы рынок приведет к абсолютному равенству. Это, действительно, аргумент в пользу рынка, так

как он полагал, что равенство условий (а не просто возможностей) является тем, к чему необходимо стремиться. И так далее и тому подобное. Он подверг сокрушительной критике все то, что мы назвали потом «политикой Севера — Юга». Он говорил об Англии и Индии. Он резко осуждал британские эксперименты, которые привели к разорению этой страны.

Он также сделал ряд замечаний, совершенных банальностей, о том, как функционирует государство. Он подчеркивал, что совершенно бессмысленно говорить о нации вообще и о том, что мы ныне называем «национальными интересами». Он просто отмечает то обстоятельство, словно бы между делом, так как это было для него очевидным, что в Англии, например, — а это было в то время наиболее демократическое государство, — главными «архитекторами» политики являются «торговцы и фабриканты», которые, в первую очередь, заботятся о своих интересах, и не важно, как это скажется на других, на тех же самых англичанах, которые, по утверждению Смита, всегда страдали от подобной политики. В то время у него не было достаточно информации, чтобы все это доказать, но он, как мне кажется, не ошибался.

Эту банальность век спустя назвали «классовым анализом», однако вовсе нет никакой необходимости обращаться к Марксу, чтобы в этом удостовериться окончательно. У Адама Смита это все очень ясно прописано. Настолько ясно, что любой десятилетний школьник сможет это понять. Смит не заостряет на этом внимание. Он только упоминает об этом. Но все правильно. Если его внимательно читать, то становится ясно, насколько он проницате-

лен. Он — человек эпохи Просвещения. Его ведущим мотивом было предположение, что людьми управляют симпатия, чувство солидарности и необходимость контроля их собственного труда — это же самое справедливо и в отношении прочих мыслителей Просвещения и раннего романтизма. Смит — часть этого периода, представитель шотландского Просвещения.

То, как его сегодня интерпретируют, просто смешно. Но для того, чтобы это понять, нет нужды что бы то ни было специально «исследовать». Достаточно только взять его книгу и прочитать. Если вы образованный человек, вы все поймете. Я проделал небольшое исследование, чтобы понять, как его трактуют, и это интересно. Например, Чикагский Университет, великий бастион экономики свободного рынка и так далее и тому подобное, — выпустил в свет к двухсотлетнему юбилею своего кумира научное издание его фундаментального труда с огромными примечаниями, алфавитным указателем и вступительной статьей Джорджа Стиглера, нобелевского лауреата; в общем, это был образец настоящего научного «критического» издания. Его-то я и использовал для анализа. В нем все представляет интерес, включая статью Стиглера. Похоже, что он никогда не открывал «Богатство народов». Практически все, что он говорит о книге, в корне неправильно. Я привел целую кучу примеров, когда разбирал этот случай в книге «Год 501» (Year 501) и еще в кое-каких других публикациях.

Но еще более интересен предметный указатель. Адам Смит широко известен как защитник принципа разделения труда. Найдите в указателе пункт «разделение труда», и вы обнаружите, какое мно-

жество тем и вещей там перечислено. Но есть все же одно упущение, а именно, то обвинение в адрес разделения труда, о котором я упоминал недавно. Оно как бы «по чистой случайности» в перечень не вошло. И так далее в том же духе. Я не назвал бы это исследованием, это было десятиминутное дело, но в результате обнаружили весьма любопытные вещи.

Я хочу, чтобы в этом вопросе не было никакой неясности. Существуют хорошие исследования трудов Смита. Если вы обратитесь к серьезным, настоящим ученым работам, то вы обнаружите без труда, что все то, о чем я только что говорил, там никого не удивляет. Что является тому причиной? Вы просто открываете книгу и начинаете ее читать, и это бросается вам в глаза. С другой стороны, если вы обратитесь к мифу Адама Смита, я привел всего лишь один, разница между ним и реальностью будет громадной.

Это же справедливо и в отношении классического либерализма вообще. Основатели классического либерализма, те из них, кого мы могли бы назвать сегодня «либеральными социалистами», таких, например, как Адам Смит или Вильгельм фон Гумбольдт, который является одним из величайших представителей классического либерализма, оказавшим, в частности, существенное влияние на философию Джона Стюарта Милля. Во всяком случае, я читаю их сочинения именно с этих позиций. Например, Гумбольдт, как и Смит, рассуждает: «Представьте мастерового, производящего прекрасные вещи». Гумбольдт говорит, что если он делает их вследствие внешнего принуждения, например, за деньги, то мы, конечно, можем быть восхищены ре-

зультатами его труда, однако его самого мы будем презирать. С другой стороны, если он делает их по собственному побуждению, ради творческого самовыражения, и подчиняется только своей свободной воле, а не ради платы, то мы восхищаемся в том числе и им самим, поскольку он — человек. Гумбольдт утверждал, что любая порядочная социально-экономическая система будет основываться на предположении, что людям природой дана свобода творить и познавать — это фундаментальное качество человека — в свободном сообществе с окружающими, но никак не под гнетом разного рода внешних принуждений, которые впоследствии будут названы словом «капитализм».

То же самое происходит, когда вы читаете Джефферсона. Он жил на полвека позже и поэтому мог наблюдать развитие капиталистического общества, которое он, без сомнения, презирал. Он говорил, что это ведет к абсолютизму еще худшему, чем тот, от которого мы стремились себя защитить и от которого мы хотели избавиться. Фактически, если бегло взглянуть на весь этот период истории, то обнаружится, что на всем его протяжении постоянно имела место внятная и острая критика того, что впоследствии было названо капитализмом, особенно в том его варианте, который сложился в XX веке, и который фактически был задуман для того, чтобы разрушить какой бы то ни было индивидуальный, в том числе и предпринимательский, капитализм.

Есть, кроме того, еще один аспект, который редко обсуждают, но который, тем не менее, весьма любопытен. Это литература рабочего класса, существовавшая в XIX веке. Рабочие не читали труды Адама Смита или Вильгельма фон Гумбольдта, од-

нако при этом они говорили то же самое. Почитайте газеты, которые издавала группа рабочих под названием «Фабричные девчонки Лоуэлла» (Factory girls of Lowell), — молодые женщины, работавшие на фабриках, механики и другие рабочие, издававшие свои газеты. Здесь имела место та же самая критика. В Англии и Соединенных Штатах рабочие вели настоящую войну против того, что они называли деградацией, гнетом и жестокостью индустриальной капиталистической системы, которая не только лишала их человеческого достоинства, но резко понижала их интеллектуальный уровень. Так вот, если мы обратимся к середине XIX века, то мы обнаружим, что эти так называемые «фабричные девчонки», молодые женщины, работавшие на предприятиях Лоуэлла, читали современную серьезную литературу. Из этих книг они, в частности, узнавали, что целью всей существовавшей в то время экономической и политической системы было превратить их в одушевленные инструменты, которыми можно манипулировать и с которыми можно обращаться как с животными и так далее. И они в течение долгого времени вели против этой системы самую настоящую войну. Такова история происхождения капитализма.

Другая часть этой истории — развитие корпораций, что само по себе очень интересно. Адам Смит мало что мог об этом сказать, но, во всяком случае, он выступал с негативной оценкой ранних этапов начавшегося процесса. Джефферсон прожил достаточно долго, чтобы суметь оценить этот процесс в полной мере, и он решительно выступал против него. В действительности, полномасштабное развитие корпораций началось лишь в конце XIX — на-

чале XX веков. Первоначально корпорации существовали как социальная служба. К примеру, люди собираются вместе, чтобы построить мост, и с этой целью государство их «инкорпорирует», объединяет. Они построили мост, и все. Предполагалось, что корпорации несут функции общественного интереса. Однако в 1870-е годы в большинстве государств корпорации лишились своих привилегий. Их привилегии были дарованы им государством, поэтому власть и могущество корпораций были в то время, по сути своей, фиктивны. Корпорации лишились тогда своих привилегий по причине того, что они не выполняли общественных функций, возложенных на них государством. Следствием всех этих пертурбаций стал период образования трестов и прочих попыток консолидировать власть корпораций, пришедшийся на конец XIX века. Публикации тех лет интересно читать. Суды не принимали всерьез корпорации. На это имеются некоторые намеки. Только в начале XX века разного рода суды и адвокаты впервые стали задумываться о создании новой социально-экономической системы. Законодательная власть никогда не имела к этому отношения. Это сделали суды, адвокаты, а также та власть, которую они могли использовать в отдельных штатах. Нью-Джерси был первым штатом, который предоставил корпорациям любые права, какие они захотят. Разумеется, сразу же, по вполне понятным причинам, весь капитал страны устремился в Нью-Джерси. После этого и другие штаты были вынуждены сделать то же самое, чтобы попросту избежать разорения. Произошла своего рода маломасштабная глобализация. Потом суды и корпоративные адвокаты пошли еще дальше и создали новую цельную докт-

рину, которая им давала такую власть и такие полномочия, которых у них никогда прежде не было. Если изучить предпосылки того, что случилось, то станет вполне очевидным, что те же самые предпосылки привели впоследствии к фашизму и большевизму. Те или иные моменты этой теории были тогда поддержаны людьми, которых было принято называть «прогрессивными», и вот по каким причинам: они утверждали, что личные права человека исчезли, наступает период корпоративизации власти, консолидации власти, централизации. Это должно быть для вас хорошо, если вы — человек «передовой», такой, например, марксист-ленинист. Из одних и тех же предпосылок произошли со временем три очень важные вещи: фашизм, большевизм и корпоративная тирания. Все они в большей или меньшей степени выросли из гегельянских корней. Это недавнее прошлое. Мы полагаем, что корпорации существовали всегда, но это неправильно, поскольку на самом деле они были созданы совсем недавно. Это был сознательный акт. Все произошло именно так, как об этом было написано у Адама Смита: главные «архитекторы» консолидировали государственную власть и использовали ее в своих интересах. Конечно, никакая народная воля в этом не принимала участие. Возникновение корпоративной власти было решением судов и решением адвокатов, которые создали эту форму частной тирании, теперь уже ставшей значительно более могущественной, чем даже тирания государственная. Все это — основные моменты современной истории XX века. Представители классического либерализма только бы ужаснулись. Они даже представить себе не могли ничего подобного. Но они ужасались и ме-

нее значительным вещам, которые им доводилось видеть. Если бы Смит, Джефферсон или еще кто-нибудь в этом роде увидели то, что происходит сейчас, они были бы просто шокированы.

Д. Б.: Давайте установим взаимосвязь между корпорациями и конфликтом Восточного Тимора и Индонезии. Корпорация Nike — крупнейший в мире производитель спортивной обуви и одежды. Ее штаб-квартира находится в Бивертоне, штат Орегон, неподалеку от Портленда. Несколько лет назад они открыли несколько фабрик в Южной Корее. Через какое-то время южнокорейские рабочие начали создавать профсоюзы, требовать повышения зарплаты и улучшения условий труда. После этих событий Nike перенесла все свои операции в Индонезию, где они платят рабочим 1 доллар и 35 центов за сутки. Сегодня Nike в Индонезии производит одну пару теннисных туфель по 5 долларов и 40 центов и продает их в Соединенных Штатах за 60, 70 или 80 долларов.

— С 1965 года, когда произошло чудовищное кровопролитие, Индонезия стала любимницей Запада. Было убито около полумиллиона человек и уничтожена популярная политическая партия, которая, — с этим были согласны как «правые», так и «левые», — действительно защищала интересы бедных. На Западе это кровопролитие встретило всеобщую эйфорию. Я вспоминаю некоторые газетные заголовки. Поскольку Индонезия — страна довольно таки богатая, с многочисленными ресурсами, она в одночасье была провозглашена «раем» для инвесторов. Это жестокое, репрессивное государство, кото-

рое подавляет любые рабочие организации или что-либо в этом роде, поэтому за наемный труд там можно платить совсем немного или почти ничего. Зарплата в этой стране вполосину ниже зарплаты в Китае, где она, как известно, невысока. На конференции АТЭС, в 1994 году все отправились в Джакарту, чтобы отпраздновать свободный рынок. В качестве одной из мер наведения порядка все рабочие лидеры были брошены в тюрьму. Некоторые получили довольно большой срок заключения. Некоторым срок был недавно увеличен. Там не терпят никаких рабочих союзов. Существует только один рабочий союз, которым в сталинском духе руководит правительство. Все попытки создать независимые профсоюзы жестоко подавлялись. Так что корпорации Nike с Индонезией действительно повезло, потому что сила рабочих (хотя они очень храбры и воинственны) подавлена государством и держится в полном подчинении. Страна невероятно богата. Всевозможных богатств там очень много, и сосредоточены эти богатства, прежде всего, в руках генерала Сухарто, его семьи и их друзей, а также в руках иностранных инвесторов.

Даже захват Восточного Тимора, о котором я уже упоминал, в значительной степени был мотивирован корпоративным грабежом. Это стало очевидным из-за утечки информации в дипломатических телеграммах, отправленных незадолго до индонезийского вторжения, примерно в августе 1975 года. В телеграммах, полученных из Австралии, говорилось, прежде всего, о причастности США, о том, что Киссинджер приказал посольству в Джакарте более не сообщать ничего о том, что происходит, поскольку Штаты намерены поддержать вторжение, что и

было, в конечном счете, сделано. Публично они, конечно, отрицали, что им было что-либо известно. Австралийский посол сказал примерно следующее: «С Индонезией мы можем осуществлять более выгодные сделки, касающиеся тиморской нефти, чем с Португалией или же с независимым Восточным Тимором». Фактически это сейчас и происходит. Несколько лет спустя Австралия признала оккупацию, — единственная из всех стран Запада, — в связи с переговорами с Индонезией по поводу соглашения о разделе Тимора. В 1991 году в Дили произошло большое кровопролитие, которое привлекло внимание мировой общественности к оккупации. Двести человек были убиты индонезийскими войсками, основная ошибка которых состояла в том, что они сделали все это перед скрытой телевизионной камерой и к избили двух американских репортеров. Такие вещи делать не рекомендуется. Подобные кровопролития надо совершать тайно, когда их никто не видит. С их стороны был технический просчет, и в результате на какое-то время это стало одной из главных новостей. Сразу же после этого — кстати, освещение в прессе было гораздо более скромным, в США я почти ничего об этом не читал, может быть, только в некоторых деловых газетах, — Австралия и Индонезия предоставили лицензии на бурение тиморской нефти целому ряду нефтяных компаний. Здесь надо вспомнить, что официальная причина, по которой, якобы, Тимор не может быть независимым, гласила, что на острове нет никаких ресурсов. Это говорят люди, которые разворовывают нефтяные ресурсы острова, а они, похоже, весьма существенны.

Как я уже упомянул, сейчас в Международном

суде рассматривается это дело, однако в американской прессе оно никак не освещается. Более конкретно — рассматривается формальная, юридически-правовая сторона данной проблемы. Международный суд не рассматривает вопрос, позволено ли стране, поддерживаемой Западом, оккупировать и убивать других людей. Это не входит в компетенцию суда. Но они будут рассматривать техническую сторону вопроса. Лондонская Financial Times, одна из ведущих в мире финансовых газет, 30 января опубликовала большую статью, приуроченную к открытию слушаний, в которой это дело описывается как один из наиболее важных судебных процессов в истории человечества, поскольку оно способно создать основание для коммерческой разработки, а точнее сказать, разграбления природных ресурсов завоеванных стран. В этом заключается основная проблема. Я думаю, вы со мной согласитесь, что это довольно-таки далеко от признания того факта, что Индонезии с помощью США удалось уничтожить, быть может, четверть местного населения, приблизительно двести тысяч человек. И репрессии все еще продолжаются.

Д. Б.: Я бы хотел на какое-то время перенести наших читателей в пространство этого офиса. Ваш письменный стол сейчас довольно-таки опрятный. Обычно груды книг гораздо выше. Здесь я вижу, по меньшей мере, шесть или семь стоп, кучи книг и газет, а на шкафах их еще больше. Как Вы планируете свой рабочий день? Вы только что отсутствовали около двух недель. Вы возвращаетесь, и Вас ожидает лавина писем, телефонных звонков, книг, которые необходимо прочитать. Как Вы со

всем этим управляетесь? С чего начинаете? Есть ли метод в этом безумии?

— Прежде всего, все выглядит аккуратно, потому что, пока меня не было, тут происходили отвратительные вещи, — офис заново красили и убирали, чего бы я сам никогда не допустил, будь я здесь. Все действительно выглядит удивительно чисто. Вы, вероятно, заметили, что я стараюсь поддерживать этот порядок, так что у офиса вид более ухоженный, чем обычно. Если вам интересно узнать, на что это обычно бывает похоже, — добро пожаловать ко мне домой. Этим утром, около половины пятого, мы проснулись от страшного грохота, мы думали, что землетрясение. Наша спальня находится рядом с моим кабинетом. Мы вошли туда и обнаружили, что две огромные стопки книг, высотой шесть футов, рухнули, и книги разбросаны по всему полу. Я обычно сюда кладу книги, требующие срочного прочтения. Иногда, во время особенно скучных телефонных разговоров, я пытаюсь мысленно подсчитать, сколько веков мне нужно прожить, чтобы прочесть все эти срочные книги, если читать их 24 часа в сутки, семь дней в неделю со средней скоростью. Это действует на меня угнетающе. Так что, отвечая на ваш вопрос, скажу, что я практически никогда не занимаюсь тем, чем хотел бы по-настоящему заниматься.

Д. Б.: Всего год назад или около того Вы написали предисловие к книге Пола Фармера «Уроки Гаити», а также к книге Дженнифер Харбери «Мост мужества» о Гватемале и Фредерика Клермонта о мировой торговле.

— Добавьте к этому предисловие к книге Алекса Кэри и несколько моих собственных книг, к тому же массу статей, включая статьи по лингвистике, а это уже совершенно особая вещь. На обратном пути из Австралии, а перелет был долгий, около семнадцати-восемнадцати часов, я все время читал корректуру одной очень специальной рукописи по совершенно другой проблематике. Вдобавок к этому в настоящий момент у меня выходит пара статей в Mind и в других философских журналах.

Д. Б.: Эти долгие перелеты должны Вам давать ощущение передышки, потому что в этих случаях Вам не досаждают звонки по телефону, и тилы, вроде меня, не вламываются в дверь.

— В Австралии меня удивило одно обстоятельство, — я все же надеюсь, что здесь, у нас, это не скоро произойдет, — дело в том, что они там, по большей части, значительно лучше нас технически оснащены. У каждого имеется свой собственный мобильный телефон. Подобно тому, как у нас, в США, все постоянно ездят туда-сюда на машинах, там постоянно слышны телефонные звонки. Меня всегда привлекало в путешествиях и перелетах то, что я становился временно недоступен. Но похоже на то, что все меняется. Перелет особенно хорош в этом смысле. Вы полностью анонимны. Никто не может Вам надоесть.

Д. Б.: На протяжении долгих лет совместной работы с Вами меня всегда удивляла Ваша уравновешенность и потрясающее терпение. Вы очень терпеливы с людьми, особенно с теми, которые зада-

ют Вам самые бессмысленные вопросы. Расскажите, пожалуйста, как Вам это удается?

— Прежде всего, я обычно закипаю в душе, поэтому то, что вы можете видеть, не есть обязательно то, что происходит на самом деле. Если же говорить по существу, то единственное, что меня действительно раздражает, это действия нашей интеллектуальной элиты: то, как она себя держит, просто выводит меня из себя. Я понимаю, с чем это связано, и раздражаться вроде бы как не имеет смысла. Но я все равно раздражаюсь и выхожу из себя постоянно. С другой стороны, вопросы, которые вы называете бессмысленными, очень часто поражают меня своей откровенностью. Нет особых причин, по которым люди должны верить во что-то другое, а не в то, что они говорят. Стоит вам только подумать о том, откуда пришел человек, задающий вам эти вопросы, что он претерпел, то вы сразу поймете, что это вопрос очень рациональный и разумный. Он может показаться бессмысленным с иной точки зрения, но в данных обстоятельствах он не бессмысленный. Он обычно вполне разумный, так что нечего раздражаться.

Можно сожалеть о тех обстоятельствах, в силу которых данный вопрос появился. Вы можете пытаться помочь этим людям преодолеть ограниченность своего ума, которая, как я уже говорил, возникла у них не случайно. Всегда существовали огромные силы, которые были направлены на то, чтобы сделать людей — согласно высказыванию Адама Смита — «настолько глупыми и невежественными, насколько может быть глупым и невежественным человек». Большая часть образовательной системы,

если подумать, была предназначена именно для выполнения этой задачи, то есть ради того, чтобы сделать людей послушными и пассивными. С детства многих людей старались воспитывать так, чтобы лишить их сознания собственной независимости и подавить в них стремление к творчеству. Если вы в школе проявите независимый ум, то вы быстро столкнетесь с неприятностями. Это не та черта характера, которую будут здесь приветствовать или стараться развивать. После того как люди претерпевают все эти меры воздействия на их сознание, — плюс корпоративная пропаганда, плюс телевидение, плюс пресса и весь поток идеологического искажения действительности, — они задают вроде бы бессмысленные вопросы, но которые с их собственной точки зрения являются вполне естественными и разумными.

Д. Б.: Вы либо обладаете даром предвидения, либо просмотрели заранее мои заметки, потому что я собирался задать Вам вопрос, связанный с темой образования. Вы часто рассказываете эпизод, произошедший с Вашим бывшим коллегой Вики Вейскопфом.

— Вики Вейскопф, — он недавно вышел на пенсию, — очень известный физик. Одной из хороших традиций нашего института (MIT) является та, что преподаватели на старших курсах читают вводные курсы лекций. Вики Вейскопф всегда читал вводный курс по физике. Он является одним из наиболее выдающихся физиков XX века, не меньше. Эта история — не знаю, насколько она правдива, — такова: студенты спрашивают его: «Что мы будем изу-

чать на этом курсе?» А он отвечает: «Вопрос не в том, что вы будете изучать, а в том, что вы будете открывать». Другими словами, не важно, над чем ты работаешь. Важно, умеешь ли ты мыслить самостоятельно. Если да, то ты всегда будешь сам в состоянии поставить проблему и разрешить ее должным образом. Любой, кто преподает научные дисциплины, особенно на старших курсах, знает, что здесь невозможно читать лекции в собственном смысле слова. Да, есть вы и ваша аудитория, к которой вы обращаетесь, но, в сущности, учебный процесс — это совместное предприятие. Исследование, «изучение» лучше способствует «обучению», чем что бы то ни было еще. Это как научиться быть искусным плотником. Надо просто работать с кем-то, кто знает, как это делается. Иногда ты это понимаешь, а иногда — нет. Если ты поймешь, то ты — искусный плотник. Лучшая возможность понять — взаимодействие. Как передается мастерство, никто не знает. Это справедливо также в отношении науки. Вы приходите на занятие по лингвистике и попадаете на обсуждение важных, подлинно научных проблем. Вы оказываетесь в ситуации, когда люди, сидящие там, где обычно сидите вы, так называемые студенты, говорят о разных вещах и учат вас тому, что они сами для себя открыли. Такова была точка зрения Вики Вейскопфа.

Д. Б.: На меллоновской лекции, которую Вы прочитали в Чикаго в октябре, Вы подробно останавливались на идеях Джона Дьюи и Бертрана Рассела. Это сильно отличалось от общего хода вашего политического доклада, и, как мне кажется, по вполне понятным причинам. Нельзя сказать, что

бы Вы не были в этот момент заинтересованы политическим анализом, но у Вашего голоса были совсем другой тон и тембр. Когда Вы рассказывали об этих идеях, в нем слышалось определенное интеллектуальное возбуждение, поскольку Вы говорили о том, что имеет для Вас большое значение и, судя по Вашим словам, сильно повлияло на Вас.

— Это соответствует действительности. И не столько в плане моей манеры чтения упомянутой вами лекции, сколько в плане всей моей жизни. Мои родители работали, и я с полутора лет стал посещать, если так можно сказать, школу. Это была экспериментальная школа Университета Темпл, где обучение строилось в соответствии с философским учением Дьюи. Так что до 12-ти лет я на опыте познавал его идеи, довольно-таки хорошо осуществлявшиеся на практике, — так уж произошло. Это не было тем, что тогда было принято называть «прогрессивным образованием», однако то, что я получил в результате, стало пищей для моего ума на всю оставшуюся жизнь. Это был волнующий период. С основными идеями Дьюи я познакомился позже. Когда мне было 8 лет, я всем этим жил. Это были очень либеральные идеи. Сам Дьюи исходил в своих размышлениях непосредственно из представлений, господствовавших в то время в Америке. Те люди, которые взялись бы прочитать все то, что он написал в действительности, сочли бы его теперь свихнувшимся ненавистником американского образа жизни или кем-то еще в подобном роде. Дело в том, что он выражал основные идеи своей эпохи еще до того, как новая идеология столь чудовищным и нелепым образом извратила эту традицию. С тех пор

она стала совершенно неузнаваемой. Например, он соглашался с просветительской традицией, утверждая: «Цель любого производства — производство свободных людей». (В действительности он сказал «свободных мужчин», — но ведь когда это было!) В этом цель производства, а вовсе не в производстве товаров потребления. Он был выдающимся теоретиком демократии. Существовало множество самых разных доктрин, образовавших теорию демократии, но та, о которой я говорю, утверждает, что демократия требует уничтожения частной власти. Он говорил, что пока существует контроль над экономической системой, все разговоры о демократии не более чем болтовня. Повторяя в значительной степени Адама Смита, Дьюи утверждал: «Политика — тень, которую большой бизнес бросает на общество». Он говорил, что уменьшение тени не дает особого результата. Реформы все еще предполагают сохранение тирании. По существу это точка зрения классического либерализма. Его основная идея заключается в том, что нельзя говорить о демократии, пока отсутствует народный контроль над промышленностью, коммерцией, банковским делом и т. д. Это означает контроль, который будет осуществляться людьми, работающими в государственных учреждениях и общественных организациях.

Это — обычные и основанные на признании свободы воли идеи социализма и анархизма, которые восходят, в конечном счете, к культурной традиции эпохи Просвещения, продукт воззрений, о которых мы говорили ранее, касаясь классического либерализма. Джон Дьюи, как и Бертран Рассел, был их представителем в новейшее время с точки зрения иной традиции, но опять-таки уходящей корнями

в век Просвещения. Вот вам пример двух виднейших, а может быть, и самых значительных мыслителей XX века, чьи идеи известны ровно настолько же, что и подлинные идеи Адама Смита. Это свидетельствует о том, насколько эффективными оказались системы образования и пропаганды в деле разрушения нашего не столь отдаленного интеллектуального наследия.

Д. Б.: В той же самой меллоновской лекции Вы упомянули рассуждения Рассела об образовании. Вы говорили, что он выдвинул идею о том, что не следует рассматривать образование как наполнение сосуда водой, а скорее как помощь цветку в его собственном росте. Это поэтично.

— Это идея XVIII века. Я точно не знаю, был ли Рассел знаком с ней непосредственно или же сам заново ее открыл, однако в литературе раннего Просвещения она встречается постоянно. Этот образ цветка использовался тогда очень часто. Вейскопф, по существу, говорил то же самое. Гумбольдт, отец классического либерализма, говорил об образовании, что это сродни процессу сворачивания веревки, двигаясь по которой ребенок и будет развиваться дальше, но только своим собственным образом. Его лишь можно слегка направлять. Вот чем могло бы являться в наши дни серьезное образование, начиная с детского сада и до окончания школы. Получаем же мы все это только в высшей школе, поскольку другого пути не существует.

Большая часть того, что представляет собой современная система образования, в корне от этого отличается. Массовое образование было создано с

одной-единственной целью: превратить независимых фермеров в послушных исполнителей навязанной им воли, в пассивные орудия производства. Это было его основной целью. И не думайте, что об этом не было никому ничего известно. Люди прекрасно все понимали и вели против этой системы борьбу. Вот почему в прошлом веке имело место массовое сопротивление идее массового образования. Элитные группы это тоже очень хорошо понимали. Ральф Уолдо Эмерсон однажды сказал что-то о том, как мы должны воспитывать этих людей для того, чтобы они не перегрызли нам глотку. Если их не воспитывать, не давать им того, что мы называем «образованием», то они возьмут над нами власть. Под словом «они» здесь подразумевается то, что Александр Гамильтон называл «великим зверем», то есть народ. Антидемократические выступления в так называемых демократических обществах всегда имели жестокий характер и были чудовищны по своим последствиям. А причина этого очень проста: чем свободнее становится общество, тем опаснее оказывается «великий зверь», и тем чаще приходится применять все более строгие меры для того, чтобы держать его в клетке.

С другой стороны, встречаются и исключения, и среди них Дьюи и Рассел. Однако их влияние крайне незначительно, а идеи, по существу, не известны, хотя им на каждом углу поется хвала, подобно тому, как это происходит с Адамом Смитом. Что же касается того, о чем они говорили в действительности, то это сочли бы недопустимым в деспотическом климате господствующего мнения. Тоталитарный элемент в нем просто разительный. Сам факт концепции «антиамериканской идеи», — забудьте о

том, как она используется, — демонстрирует очень яркие тоталитарные черты. Единственным настоящим подобием этой концепции, концепции «антиамериканизма», в современном мире является «антисоветизм». В Советском Союзе быть «антисоветчиком» было самым страшным преступлением. Это отличительный признак любого тоталитарного общества, наличие концепций вроде «антисоветизма» или «антиамериканизма». Здесь это считается вполне естественным. Книги об «антиамериканизме», написанные людьми, которые являются подобиями сталинистов, пользуются большим уважением. Это касается, прежде всего, англо-американских государств, которые, как ни странно, являются наиболее демократическими. Думаю, здесь существует взаимосвязь. Такова, в своей основе, точка зрения Алекса Кэри. Вместе с ростом свободы растет также необходимость направлять и контролировать общественное мнение, если вы не хотите, чтобы «великий зверь» как-нибудь «недолжным образом» не использовал свою свободу.

Д. Б.: Эти качества, которые, я полагаю, Вы стараетесь выявить у своих студентов: чувство проблемы, скептицизм, умение оспаривать авторитеты, в том числе и Ваш собственный авторитет, — если Вы к ним обращаетесь со словами: «Да, ты хороший парень, но ты не знаешь, о чем говоришь», — как, в таком случае, Вы можете в них эти качества воспитать? Вы входите в класс, обладая некоторым ореолом славы. Люди говорят между собой: «Это Ноам Хомский, отец современной лингвистики», и прочее в том же духе. Вы не находите, что студенты боятся или

стесняются высказывать перед Вами свои сокровенные мысли?

— Немногие. Большинство из них думает независимо. И они быстро проникаются окружающей атмосферой. Приходите к нам на занятия и вы сами в этом убедитесь. Это очень неформальная атмосфера сотрудничества и взаимного обмена мнениями. Конечно, я несколько идеализирую. В жизни нельзя точно следовать идеалу, но это, в конечном счете, есть то, к чему каждый стремится. Существуют студенты, которым это дается тяжелее, особенно студенты азиатского происхождения. У них за плечами стоит гораздо более авторитарная традиция. Некоторые из них довольно быстро осуществляют прорыв, некоторые — нет. Но в общем и целом те люди, которые делают те же самые вещи в области элитарного высшего образования, представляют то крохотное меньшинство, из которого еще не выбили творческое начало и независимость. На сто процентов это, конечно, не работает.

На эту тему несколько лет назад писали Сэм Баулз и Херб Гинтис, два экономиста, в исследовании американской системы образования. Они говорили, что наша система образования поделена на части. Та ее часть, которая обращена к рабочим и к основной массе населения, действительно предназначена исключительно для того, чтобы навязывать им послушание. Однако другая часть этой системы, представляющая собой элитарное образование, в полной мере соответствовать этой задаче не может. Здесь приходится с необходимостью допускать независимость и творческое начало. Иначе потом эти люди не смогут выполнять свою работу — делать деньги.

В прессе вы найдете этому подтверждение. Вот почему я читаю Wall Street Journal, Financial Times и Business Week. Им просто приходится говорить всю правду. То же самое вы обнаружите и в основной прессе. Возьмите, к примеру, New York Times или Washington Post. Они ставят перед собой две противоположные задачи. Одна из них заключается в том, чтобы задобрить «великого зверя», а другая — в том, чтобы дать возможность своей аудитории, а это элитарная аудитория, получить в достаточной степени реалистическую картину того, что происходит в мире. Иначе они не смогут удовлетворить свои собственные нужды. Это противоречие понижает всю систему образования. Она совершенно не зависит, скажем, от такого явления, как профессиональная честность, которой обладают многие люди, — честность, невзирая ни на какие «внешние обстоятельства». Это ведет к различным осложнениям. Если вы максимально внимательно отнесетесь к тому, как происходит работа в газетах, то вы увидите, что эти проблемы и противоречия постоянно сталкиваются между собой.

Д. Б.: Не случалось ли Вам замечать, что когда Вы встречаетесь со своими студентами один на один в своем офисе, они более открыты и общительны с Вами, чем на занятиях?

— Мои занятия имеют одну забавную особенность. Они превратились в нечто вроде общественного института. Взять хотя бы к примеру послеобеденный семинар по четвергам. Участники приходят сюда из самых различных мест, мы с вами об этом уже говорили, включая преподавателей разнообраз-

ных дисциплин и наиболее продвинутых студентов, возможно, уже из числа выпускников. Студенты в собственном смысле слова обычно оказываются в меньшинстве, и иногда они просто молча сидят с запуганным видом. Обсуждение происходит, в основном, среди преподавателей. И я вот уже на протяжении многих лет разделяю занятия на две части. Сначала, в течение двух с половиной часов, происходит свободный обмен мнениями. Потом я выдворяю всех лишних, и остаются только одни студенты. Этой частью дискуссии руководят студенты. Я не даю им никакого специального задания, так что они, как правило, говорят о том, что сами считают необходимым. Надо сказать, что этот способ работы со студентами полностью себя оправдал.

Д. Б.: Я вижу, что кроме того, что Ваш офис теперь выглядит очень чистым и опрятным, здесь на стене появились кое-какие новые фотографии.

— На последней из них запечатлены три моих внука, сидящие в ванне. Я стараюсь не забывать, что у жизни имеется и обратная сторона, и по этой причине всегда держу в своем офисе что-то, говорящее мне: «Все в порядке».

Д. Б.: Между моим предыдущим вопросом и тем, который я собираюсь Вам задать сейчас, есть связь. Сегодня много принято говорить о детях и о семейных ценностях. Вы как-то ссылались на исследование ЮНИСЕФ, проведенное экономистом Сильвией Энн Хьюлетт, касающееся того, что в богатых обществах пренебрегают детьми. О чем там идет речь?

— Это одно из ряда интересных исследований. Собственно, самое лучшее. Оно было опубликовано в 1993 году. Насколько я знаю, на него часто ссылаются. ЮНИСЕФ обычно изучает бедные страны, а в этой работе речь идет о богатых странах и о том, как там заботятся о детях. Сильвия Энн Хьюлетт — очень хороший и очень известный американский экономист. Она обнаружила две основные модели указанного явления, имевшие место последние 15 лет. Одна модель — англо-американская, другая — европейско-японская. Они радикально отличаются друг от друга. Англо-американская модель — в сущности, война против семьи и детей. Европейско-японская модель детей и семейные ценности всесторонне поддерживает. И это очень хорошо показано. Статистика прекрасно подтверждает это. В Европе и в Японии семейные ценности всегда были чтимы. Семьям оказывалась поддержка. Дети там не ходят голодными. Родители часто проводят время с детьми. Это все закладывается в раннем детстве, потому что и женам и мужьям специально предоставляется время для того, чтобы они проводили его с детьми. Существуют специальные центры досуга, целая система поддержки семьи. США и Великобритания, со своей стороны, объявили войну детям и семье и практически разрушили последнюю. Целенаправленная, осознанная социальная политика имеет своей задачей подрыв и дальнейшее уничтожение семейных ценностей. Поэтому чрезвычайно высок уровень детской бедности, недостаточное питание, плохое обращение с детьми. Связи родителей и детей в рамках англо-американской системы становятся едва ощутимыми. Время непосредственного контакта с детьми в течение жизни последнего по-

коления сократилось на 40% в большей степени потому, что оба родителя вынуждены работать по 50—60 часов в неделю для того, чтобы выжить и не дать умереть своим детям. Поэтому детей оставляют одних дома, их основным воспитателем становится телевидение, по тем же самым причинам возникает жестокое обращение взрослых с детьми и детей друг с другом и т. д. Любопытно отметить, что в США, — этот элемент нашей интеллектуальной культуры способен кого угодно поставить в тупик, — те люди, которые ведут эту войну, способны заявить, что они стоят на страже семейных ценностей, и никто не поднимает их на смех. В этом чувствуется хорошая дисциплинированность общественного климата. Тот факт, что никто не обсуждает это публично, так же был всесторонне рассмотрен в упомянутой работе, что не в меньшей степени говорит о том, что это — серьезное исследование, а не привычная ерунда.

Д. Б.: Ваш менеджер сигнализирует мне, чтобы я начинал закругляться. Вы ссылались на какие-то открытки Hallmark, которые отражают описанные Вами тенденции. Откуда они у Вас?

— У меня их нет. Об этом говорится в той же самой работе. В части, посвященной разрушению семьи вследствие осознанной социальной политики англо-американской системы, Сильвия Энн Хьюитт в качестве одного из признаков рассматриваемого явления упоминает открытки Hallmark, одну из которых обычно клали ребенку под тарелку с хлопьями на завтрак, и она гласит: «Проведи этот день приятно, ведь родителей долго не будет дома». Дру-

гая открытка, которую клали ребенку на ночь под подушку, сетовала: «Жаль, что нас с тобой не было». Она приводит их в качестве иллюстрации того, что было показано неутешительной статистикой. Надо сказать, что это не единственное подобное исследование. В Канаде был в свое время опубликован бестселлер, автором которого является мой друг, Линда Маккуэйг. Она работала некогда журналистом, теперь свободный литератор. Она очень хороший социальный критик. Она написала книгу о канадской модели — «Жена богатого банкира». Речь там идет, в основном, о Канаде. Но она указывает, совершенно справедливо, что Канада балансирует между англо-американской и европейской моделями, склоняясь в сторону англо-американской. Она подробно описывает, что происходит с семьями и детьми в стране, в которой раньше существовал своего рода цивилизованный общественный договор. Это разрушается под давлением англо-американской системы, частью которой они являются. В Канаде книга стала бестселлером, но здесь вы ее нигде не найдете. Моя книга «Необходимые иллюзии» также стала бестселлером в Канаде. Здесь ее даже не упомянули. Есть и другие исследования. Факты, описанные в них, по-настоящему драматичны.

Я вижу у вас в руках газету.

Д. Б.: Это вчерашняя Denver Post. Непременное освещение событий Суперкубка занимает, разумеется, почти всю первую страницу. Но есть заметка о новом исследовании, которое сообщает, что 6 миллионов детей в США живут в бедности и это число постоянно растет.

— Детская бедность в США выходит за всякие рамки. Как и бедность вообще. Степень имущественного неравенства в США значительно выше, чем в какой бы то ни было другой индустриально развитой стране, и в последние годы эта ситуация радиально ухудшилась. Бедность среди детей растет с угрожающей быстротой. В Нью-Йорке более 40% жителей находится за чертой бедности. Уровень имущественного неравенства в Нью-Йорке не ниже, чем в Гватемале, которая имеет худший показатель среди стран, о которых имеется такая информация. Понятно, что это значит. Детская бедность огромна. Процент недоедания невиданно высок, и дело становится все хуже. То же самое можно сказать о детской смертности. Такое положение во всех государствах «индустриального мира», — и это социальная политика.

Возьмем, например, «семейный досуг». В большинстве цивилизованных стран обычно принято полагать очевидным, что родителям необходимо по возможности чаще находиться рядом со своими детьми, особенно с самыми маленькими. Ведь именно в эти первые месяцы жизни ребенка закладываются основы его будущего развития, развития высшей нервной деятельности, например, и так далее. Это общеизвестно. В цивилизованных странах люди стараются создать все условия для этого. США в этом отношении не достигают даже уровня семей рабочих, трудящихся на плантациях в Уганде. Это тоже часть той войны, которая ведется у нас против детей и семей, и в основном против бедных семей, под лозунгом «семейных ценностей». Суть ее заключается в том, чтобы сделать так, чтобы только богатые, то есть хозяева положения, вроде Гингри-

ча и его избирателей, были в праве получить поддержку государства, скажем, в виде огромных субсидий из федерального бюджета. Удел бедных — быть униженными и раздавленными. Бедные — это большая часть населения. Это не только дети, страдающие от нищеты, но и старики, как ни странно. Недавно в Wall Street Journal была напечатана большая статья по поводу участившихся случаев, или «целой волны», по их выражению, голодной смерти среди американцев старше шестидесяти лет, составивших где-то 15 или 16% от общего числа. Опять-таки, если мы обратимся к другим индустриальным державам, впрочем, то же самое будет касаться и большинства менее развитых стран, ничего подобного происходящему здесь мы не обнаружим, поскольку работа систем государственного обеспечения там протекает в нормальном режиме, и государство действительно поддерживает семьи и разрешает другие социальные проблемы. Но мы особые. Гражданское общество в нашей стране, по существу, разрушено. Структура семьи уничтожена. Государство стало могущественной «дойной коровой», но это «государство всеобщего благосостояния» для богатых. Это особая система. И происходит она из того, что у нас есть отчетливо сознающий свой классовый интерес бизнес, и нет организованной оппозиции.

Д. Б.: Боюсь, что сейчас меня организованно вышвырнут за дверь. Увидимся вновь через несколько дней!

3 ФЕВРАЛЯ 1995 ГОДА

Д. Б.: Я хочу, чтобы наша с Вами обоюдная компетентность и способности произвели глубокое впечатление на наших слушателей. На днях мы начали очередную беседу совсем à la Маркс, — причем я не Карла Маркса имею в виду. Сначала я забыл включить свой магнитофон. Затем, когда я разговаривал по телефону, Вы опрокинули на пол полную чашку кофе. Можно сказать, что это был день замечательный во всех отношениях.

— На всякий случай сейчас я отключил свой телефон.

Д. Б.: Я вижу, стопки книг на Вашем столе несколько изменились. Левая, например, стала значительно больше.

— Высоту одной из них сильно увеличивает стоящий на ней термос Барзаяна.

Д. Б.: И на Вашем секретере книг стало гораздо больше всего за пару дней. Давайте вернемся к нашему разговору об Австралии и о том, что Вы нашли. Мы уже говорили о проблеме Восточного Тимора. Однако если обратиться к австралийской экономике в целом, то, как Вы считаете, можно ли говорить о ее причастности к неолиберальной парадигме?

— Австралия, я полагаю, это единственное в истории человечества государство, которое поставило для себя задачу превратиться из богатой передовой страны в обедневшее государство «третьего мира». Сегодня она, к сожалению, очень усердно над этим работает. Австралия попала в когти фанатичной идеологии под названием «экономический рационализм», которая является усиленным вариантом теории свободного рынка, — дисциплины, которая сегодня преподается на всех экономических факультетах, но в которую никто в деловых кругах никогда не верил ни единой минуты. Эта идеология была навязана странам «третьего мира» и является одной из причин их теперешнего незавидного положения, но богатые страны никогда не принимали ее сами. Они всегда настаивали на массивной государственной интервенции и протекционизме, и США обычно являлись лидером среди них, начиная с 1800 года. Различие между первыми и вторыми вполне очевидно. Если мысленно обратиться к XVIII веку, то мы обнаружим, что страны «первого мира» и «третьего мира» тогда в принципе не отличались друг от друга. Сейчас несколько по-другому, и это одна из причин.

Австралия, которая вращается на англо-американской орбите, не входит в число ведущих мировых держав, очевидно, что это маленькая страна. Австралийцы всерьез восприняли эту идеологию. Они загорелись идеей «либерализации» своей экономики, предполагая сделать ее открытой для иностранного проникновения и контроля, а также для всех основных источников капитала в этом регионе. Восточная и юго-восточная Азия — зона бурного экономического роста. За одним исключением.

Корзиной для мусора являются Филиппины, которые в течение столетия беспечно наслаждались нашим покровительством. Думаю, вы это отметили. Как бы то ни было, этот регион находится в состоянии экономического бума, правда, несколько устрашающего по формам своего проявления, но, тем не менее, бума роста. Источником является, главным образом, японский и китайский капитал, два мощнейших имперских финансовых образования, — правда, китайский капитализм несколько рассредоточен, так как, по существу, не имеет территориальной основы. То, что они намереваются сделать, вполне понятно. Они хотят превратить Австралию в свое Карибское море. Им будут принадлежать прибрежные пляжи и пятизвездочные отели, а австралийцам останется только сервировать столы. Кроме того, в Австралии существует много ресурсов, которые можно выкачать из этой страны. Австралия еще очень богата. Фактически во время первой мировой войны она была самой богатой страной в мире, так что всевозможных благ и богатств там пока еще остается очень много. Она, конечно, не скоро еще превратится в аналог Ямайки, но, надо признаться, все идет именно к этому.

С тех пор, как Австралия в приступе своего неолиберального фанатизма стала снижать таможенные тарифы, производственный дефицит в стране, то есть разница между внутренним производством и экспортом, резко увеличился. Я имею в виду импортируемые товары и экспортируемые ресурсы, сферу услуг, в основном туризм. Все сейчас движется в заданном направлении в соответствии с планом, который был тщательно разработан «авторитетными экономистами», не без известного самодоволь-

ства с их стороны. Дело в том, что все эти экономисты, выпускники Чикагского университета и т. д., действительно искренне верят тому, чему их там обучали. Лидеры бизнеса никогда ни на секунду не потерпели бы подобное. Но это часть фанатичной идеологии, которая, в свою очередь, является частью общей программы действий по подавлению бедных и некоторых богатых, тех, которые поверили в эти догматы и за это жестоко наказаны. То же самое было потом и в Новой Зеландии.

Д. Б.: Какова была роль Австралии в деле вторжения США в Индокитай?

— Австралийская документация до начала 1960-х годов рассекречена и опубликована, и мы теперь можем с уверенностью говорить о том, что правительство Мензиса, австралийское правительство начала 1960-х годов, испытывало панический страх перед Индонезией. Это был постоянный источник беспокойства. Он пока еще окончательно себя не исчерпал. Австралийцы, поскольку они обитают на самой окраине Азии, всегда считали свое государство аванпостом белых в этой части света. Их всегда тревожила «желтая угроза», — собственно говоря, это расизм. Сейчас подобные представления постепенно уходят в прошлое, но тогда, надо сказать, они были само собой разумеющимися. Австралийцы чувствовали, что обязаны первыми атаковать. Их главной опорой в то время являлся британский флот. Но эти иллюзии рухнули во время второй мировой войны, после того как японцы очень быстро разделились с британским флотом. Тогда австралийцы поняли, что им понадобится

поддержка Соединенных Штатов, и смиренно обратились к ним за оказанием помощи. Когда США вошли в Индокитай, Австралия вошла туда вместе с ними. Это была не бог весть какая помощь с их стороны, — страна-то небольшая, — но войска они все же послали, совершили множество жестокостей и зверств и т. д.

Они это сделали по двум причинам. С одной стороны, австралийцы хотели оказать услугу большой державе, «большим парням», которые, как предполагалось, должны их защищать. С другой стороны, они были согласны с геополитическим анализом США, который честно и просто заявлял, что существовала реальная возможность успешного развития независимого Индокитая. Их тогда беспокоила вероятность развития того же самого в Китае, и что это может распространиться и дальше. Это могло, как было принято тогда выражаться, «заразить весь регион». А как защититься от заражения? Естественно, необходимо было уничтожить вирус и иммунизировать участки, куда он мог проникнуть. Это и было сделано. Австралия помогла США уничтожить вирус.

К началу 1970-х годов всему деловому сообществу стало ясно, что в общем и целом США выиграла войну во Вьетнаме. Больше, казалось, этого никто тогда не понимал. В скором времени во всем регионе установились крайне жестокие и кровавые политические режимы.

Наиболее важным участком оказалась Индонезия, где в 1965 году произошло одно из главных событий столетия. ЦРУ указало в своем рапорте, который впоследствии был опубликован, что массовое кровопролитие, которое тогда имело место, было

достойно славы нацистов и Сталина. Они, конечно, очень этим гордились и называли одним из важнейших событий века. Так оно и было. Индонезия была очень богатой страной, и были опасения, что она может оказаться зараженной идеями независимого национализма. Когда в середине 1960-х годов к власти пришли генералы, генерал Сухарто уничтожил единственную политическую партию в стране — Коммунистическую партию Индонезии (РКИ), партию бедных, и случилось это в результате того, что Times восторженно называла «ошеломляющим массовым кровопролитием». Здесь все были единодушны. Американские отчеты, между прочим, также публиковались в течение 1950-х годов, хотя вообще-то Соединенные Штаты были очень скрытны на этот счет. Они очень избирательно публиковали информацию. Это любопытный факт, и ученые давно обратили на это внимание. Всей имеющейся информации вполне достаточно для того, чтобы понять, что США действительно опасались, что РКИ, наиболее крупная из политических партий Индонезии, может победить на выборах, если бы вдруг эти выборы состоялись. Следовательно, демократию надо было уничтожить.

В конце 1950-х годов США провели широкомасштабные подрывные операции с целью разграбления ресурсов богатых островных государств тихоокеанского региона в ходе вооруженных антиправительственных выступлений. Это не сработало. Единственной остававшейся альтернативой были как раз те самые «реки кипящей крови», о которых потом писала мировая пресса, и это вполне устраивало США. Вся администрация пребывала в эйфории. Аналогичные вещи стали потом происходить в Та-

иланде, на Филиппинах и т. д. Весь регион получил прививку против инфекции. Вирус был уничтожен. Австралия принимала в этих событиях самое непосредственное участие. С тех пор Индонезия, Таиланд, Филиппины и другие соседние государства являются частью того, что в США называют «системой обороны», то есть частью военной системы. Таковы их отношения с Соединенными Штатами. Однако у этих стран имеются также особые отношения с государствами азиатского региона. Это их все возрастающее подчинение японскому и китайскому капиталу, что совершенно очевидно. Например, из трех наиболее крупных экспортеров на этом рынке два являются японскими транснациональными корпорациями. Это не что иное, как развитие схемы, типичной в отношении всех государств «третьего мира».

Д. Б.: Чарльз Дарвин в своей книге «Путешествие на „Бигле“» в 1839 году писал: «Похоже, куда бы ни ступила нога европейца, аборигена везде будет преследовать смерть». Хочу задать Вам такой вопрос: как обстоят дела с австралийскими аборигенами сегодня? Контактировали ли Вы с ними во время Вашего визита?

— Немного. В Тасмании аборигены были просто полностью истреблены. В Австралии их загнали вглубь страны, то есть в пустыню. В США на это потребовалось несколько сотен лет, в Австралии уложились в двести. По сравнению с нами — это молодая страна, они только начинают признавать права аборигенов, права на землю и т. д. В Австралии существует движение аборигенов за независимость.

До последнего времени в стране существовал крайний расизм, побивший, возможно, американский рекорд в этой области. Но теперь все меняется, возникают общественные организации, защищающие права местного населения. С представителями некоторых из них я смог познакомиться. Мое приглашение исходило от тиморцев, а они поддерживают с ними контакт. Так что некоторое признание земельных прав аборигенов Австралии, а также отдельных ограниченных прав местного населения на ресурсы своей страны, действительно имело место, но как обычно, все это будет продолжаться только до тех пор, пока народные массы будут продолжать борьбу.

Д. Б.: В Ваших открытых докладах и публикациях за последние десять лет наблюдается сильная смена акцентов. Вы стали гораздо больше внимания обращать на вопросы торговли и экономики. Когда Вас это начало интересовать? Как это произошло?

— Это произошло после 1970-х годов, когда начались изменения. В начале 1970-х годов имели место крупные события, очень значительные. Одним из них стал развал Бреттон-Вудской системы, о чем мы с вами уже говорили. Это повлекло за собой очень существенные изменения, которые ускорили ход развития многонациональных корпораций. Роль транснациональных корпораций в мировой экономике в наше время огромна. Они представляют собой невероятных размеров системы частной тирании. В сравнении с ними любое тоталитарное государство может показаться мягким.

Другим существенным изменением стал немислимый рост финансового капитала. Прежде всего, он масштабен. Он абсолютно астрономический. Ежедневно приблизительно около одного триллиона долларов обращается в одной только сфере торговли. Существенным образом изменился также и весь наличный состав капитала в сфере международного валютного обмена. Скажем, в 1970-х годах, еще до краха Бреттон-Вудской системы, главной задачей которой было как раз регулирование валютного обмена, около 90% от всего капитала, обращавшегося на международных валютных биржах, имело реальное происхождение, прежде всего это инвестиции и торговые операции. 10% приходилось на финансовые спекуляции. К 1990 году эти цифры обратились в свою противоположность. К 1994 году, если судить по последним финансовым отчетам, которые мне доводилось видеть, приблизительно 95% от всего капитала поступало за счет финансовых спекуляций, и с тех пор эти цифры могли еще увеличиться. Разумеется, все это привело к экстраординарным последствиям.

Последствия упомянутых изменений были отмечены Джеймсом Тобином, американским нобелевским лауреатом по экономике, в его президентском обращении к Американской экономической ассоциации в 1978 году, то есть еще на самом раннем этапе начинавшегося процесса. Он говорил о том, что этот фантастический рост финансового капитала на дрожжах биржевых спекуляций, его значительное преобладание над реальным денежным оборотом способны привести мир к экономическому упадку, к понижению заработной платы, а также, хотя он об этом специально не говорил, к высоким прибы-

лям в сфере международной экономики. Финансовому капиталу нужны стабильные деньги, а вовсе не экономический рост. Вот почему в заголовках газет вы часто можете встретить такие выражения, как «опасность экономического роста», «опасность полной занятости населения», и прочитав о том, что, дескать, в интересах собственной безопасности «мы должны искусственно снизить уровень занятости населения, а также процент экономического роста». Будьте уверены, что Голдмен Сакс получает всегда достаточно денег по своим облигациям. В свое время он предлагал ввести налог на спекулятивный капитал с тем, чтобы замедлить темп оборота. Разумеется, ничего не было сделано. В настоящее время это перешло в ООН. Дело, конечно же, уйдет в песок, но дискуссия по этому поводу все еще продолжается с единственной целью: попытаться, пусть в незначительной степени, сместить баланс в пользу продуктивного инвестирования вместо прежней ориентации исключительно на спекулятивный и деструктивный взаимообмен.

Между прочим, надо заметить, что все, о чем мы сейчас говорим, оказало очень существенное влияние в том числе и на бизнес в сфере средств массовой информации. Большие информационные агентства, такие как Reuters и Associated Press, тесно связанные с Dow Jones, и Knight-Ridder, конечно, по-прежнему производят разного рода программы новостей, но для них это стало второстепенной функцией. Их основная задача — немедленная интерактивная связь с международными финансовыми рынками. В том случае, например, если Клинтон произносит какую-нибудь речь, репортеры из Associated Press, из Reuters или из Knight-Ridder, все-

гда непременно оказываются рядом. Если он вдруг произносит какую-нибудь ключевую фразу, например: «Мы собираемся стимулировать экономику», или что-нибудь в этом роде, они тут же выбегают из зала со своими мобильниками и сообщают на центральный компьютер: «Клинтон сказал то-то и то-то». Затем парень, который сидит за компьютером круглые сутки, тут же передает на тысячу терминалов, расположенных в разных частях планеты, что Клинтон сказал то, что сказал, после чего, вероятно, примерно 700 миллионов долларов начинают свое обращение на мировых финансовых рынках. Каждое из перечисленных мной трех ведущих информационных агентств постоянно стремится первым заполучить всю самую необходимую информацию. Мне рассказывал один репортер, работающий на Reuters, что там каждый день ведется очень подробная запись всей поступающей информации для сравнения с Associated Press и Knight-Ridder, и счет времени идет на доли секунды. Вы должны перехватить полсекунды, ведь на карту поставлены огромные денежные суммы! Конечно, все это губительно для экономики. Подобные вещи всегда приводят к низкому экономическому росту в стране, низкой заработной плате и высоким прибылям для крупных промышленных корпораций. Вот что по сути дела представляет собой работа телеграфных агентств в наши дни. Да, конечно, новости — это тоже для них очень важно, но главным является совершенно другое.

Д. Б.: Каким образом в эту картину вписывается недавний крах мексиканской экономики?

— Пару дней назад мне позвонил один журналист из Мехико и сообщил, что я там теперь важная фигура из-за моего интервью для одного мексиканского журнала (*La Jornada*, 7 ноября 1994 года), в котором я сказал, что вся мексиканская экономика построена на песке и что крах неизбежен. Это было очевидно. Экономика в Мексике строилась по так называемой «схеме Понци». Вы занимаете деньги. Затем используете занятую сумму на то, чтобы занять еще больше. Но, в конце концов, вы неизбежно терпите крах, потому что за этим ничего нет. Экономисты, которые хоть сколько-нибудь разбирались в мексиканских делах, отдавали себе отчет в истинном положении вещей. Только фанатики идеологии свободного рынка не замечали того, что происходит в действительности, или же делали вид, что не замечали.

Реформа свободного рынка, так называемая «приватизация», которую все превозносили до небес, началась буквально следующее: общественные активы были отданы за крупицу их стоимости богатым друзьям президента. Каждый президент Мексики, включая Салинаса, которого мы, предполагаем, очень любим, становился, как правило, миллиардером, точно так же, как все его друзья и родственники. За время всего этого «невероятного экономического чуда» список миллиардеров в *Forbes* вырос от одного пункта до двадцати четырех с 1989 по 1993 год.

Тем временем число людей, оказавшихся за чертой бедности, выросло столь же резко. Заработная плата упала на 50%. Частью задачи НАФТА было подорвать мексиканскую экономику путем открытия ее для ввоза наиболее дешевых товаров из США.

Экономика в Соединенных Штатах преимущественно субсидируется государством, поэтому здесь можно производить товары по очень низким ценам. Основная идея сводилась к тому, чтобы уничтожить средний бизнес в Мексике, сохранив транснациональные корпорации, монополии, миллиардеров, и снизить заработную плату. Для американских корпораций это очень хорошо. В Мексике они могут беспрепятственно нанимать рабочих за мизерную заработную плату. Это угнетенная страна. Не надо беспокоиться относительно профсоюзов или государственного регулирования. В Мексику поступило много денежного капитала, но известно, что это, по большей части, был спекулятивный капитал.

Что же касается богатых мексиканцев, то они просто вывозят свой капитал за границу. Они не собираются хранить его в Мексике. Так что, вероятно, в результате девальвации они не много потеряют. Они, разумеется, знали заранее, что девальвация неизбежна, ведь все там настолько коррумпировано, что изнутри все было ясно. Если внимательно присмотреться к фактам, то вы обнаружите, что мексиканский капитал был практически в полном объеме вывезен из страны перед самой девальвацией.

Так что неприятности вследствие мексиканского краха коснулись, в первую очередь, американских инвесторов, то есть большие фирмы Уолл-стрит. Один известный специалист по Мексике, бизнес-консультант чрезвычайно консервативных взглядов, Кристофер Уолен, назвал теперешний план Клинтона программой по взятию на поруки министра финансов Рубина и его друзей. В Европе об этом сразу же стало известно. Не далее как сегодня ут-

ром все ведущие европейские страны объявили, что они отказываются поддержать эту программу. Они не видят никакой особенной причины вывозить на поруки богатые фирмы Уолл-стрит. Но это еще один из способов заставить американского налогоплательщика оплачивать американских богачей.

Именно это и было сделано в начале 1980-х годов, когда в стране разразился нешуточный долговой кризис. Внешний долг Мексики стал огромным. Она была должна американским банкам, но платить не собиралась. Поэтому весь этот долг был социализирован. Когда долг переводится в международные фондовые организации, что и было сделано, в конечном счете, это автоматически означает, что он ложится на плечи налогоплательщиков. Деньги ведь не берутся из ничего. Их основной источник — налоги. В этом заключается суть существующей капиталистической системы: прибыль приватизируется, а расходы социализируются. Если Мексика хочет развиваться, ей придется поступать так, как это делают другие страны, то есть, продолжая оставаться открытой для международных рынков страной, она должна сосредоточиться на своем внутреннем развитии, укреплять и защищать свои ресурсы, а не разбазаривать их направо и налево. У нее богатые ресурсы. Однако сейчас она движется в прямо противоположном направлении.

Частью упомянутой мной программы взятия на поруки является то, что основной ресурс Мексики, нефтяные запасы, фактически находится сейчас под залогом. Соединенные Штаты 40 лет старались прибрать эти запасы к рукам, и, наконец, им это удалось. PEMEX — самая крупная мексиканская нефтяная компания, — по всей видимости, полностью

разорена. Статистика выглядит замечательно, однако в случае обстоятельной бухгалтерской проверки, я думаю, обнаружится, что у этой компании вовсе отсутствует какой-либо капитал. Дело в том, что сравнительно с другими большими нефтяными компаниями, PEMEX вкладывала в производство очень мало денежных средств. Это очень просто: вы не готовы работать на будущее. Однако нефть у них имеется, и энергетические корпорации США приберут эти запасы к рукам с большим удовольствием. Мексика попросту «вылетела в трубу». Вот что в действительности стоит за мексиканским «экономическим чудом». Это не единственное такое «чудо». Такое обычно для нашего полушария.

Д. Б.: Очень интересно было наблюдать, как это развивалось в нашей центральной печати. Вы часто говорили о насущной потребности зарубежных стран постоянно угождать инвесторам с Уолл-стрит. Этот случай показателен как никакой другой. Министр финансов Мексики приезжает в Нью-Йорк, излагает публично свою точку зрения, после чего Times сообщает: «Нью-йоркские инвесторы им не довольны». Когда он возвращается в Мексику, его сразу же увольняют. Вслед за этим в Нью-Йорк приезжает его преемник, точно так же как до него приезжали сюда министры финансов из Аргентины и других государств, и заголовки газет сообщают: «Он понравился нью-йоркским инвесторам».

— Это было настолько вопиющим, что скрыть не было никакой возможности. Все газеты писали об этом на первых страницах. В Конгрессе все это было

тоже очень интересно. Нынешний Конгресс не является непосредственно «институтом» большого бизнеса, насколько это обычно бывало свойственно демократической партии. Нынешний Конгресс — пестрая смесь крайне реакционных форм националистического фанатизма. Немалая часть его находит себе поддержку в сфере поддельного квазибизнеса, бизнеса в стиле «яппи» и т. д., а другая его часть опирается на средний бизнес, более националистический бизнес. Им все это не понравилось. Теперешние конгрессмены вовсе не горят желанием решать за собственный счет проблемы больших фирм с Уолл-стрит. Вот почему Конгресс выступил против этой программы правительства, в том числе даже такие люди, как Пэт Бьюкенен, и некоторые другие.

Случившееся очень интересно. Если бы в результате этих событий не страдали люди, если бы мы могли наблюдать за всем этим с Марса, то нам открылось бы прелюбопытное зрелище. В течение многих лет большой бизнес старался всячески подорвать и «отодвинуть назад» весь существующий общественный договор, систему государственного обеспечения и т. д. Однако существуют выборы. Нельзя просто так появиться перед народом и заявить: «Слушайте, голосуйте все за меня, и я вас всех уничтожу». Ничего не выйдет. Значит, надо постараться организовать людей, нужны демагоги, которые будут публично рассуждать на самые разнообразные темы, например, о «проблемах культуры» и тому подобных вещах. И вот появляются христианские фундаменталисты, фанатики-джингоисты и целый ряд экстремистов разного толка, а также множество людей, постоянно живущих за счет пра-

вительства, но при этом делающих вид, будто они занимаются свободным предпринимательством, будь то в сфере высоких технологий, например, или чего-нибудь еще наподобие этого. Все они — сторонники предоставления широких гражданских прав, но только до той поры, пока правительство платит им хорошие деньги. Гингрич — прекрасный пример. Собственно все это живописное собрание людей — единственное, что они могут мобилизовать. В Штатах в рамках деполитизированного общества это сделать не трудно. Гражданского общества не существует, оно уничтожено. Вместо него существует глубокий, доходящий до фанатизма фундаментализм, все общество охвачено страхом, люди ищут себе убежище в терроризме. Джингоизм превосходит всякие меры. Я не знаю ни одной другой страны в мире, за исключением Советского Союза, где бы могла возникнуть концепция вроде той, что у нас называется «антиамериканизмом». Почти в любой другой стране вас просто поднимут на смех, если вы станете рассуждать о подобных вещах. Но в Советском Союзе или в Соединенных Штатах это считается абсолютно нормальным. Это результат корпоративной пропаганды и других подобных вещей.

Но в результате они сейчас «схватили тигра за хвост». Нечто подобное, вероятно, ощущали в конце 1930-х годов те промышленники и финансисты, которые поддержали Гитлера. Они оказались способными только организовать население на почве страха и ненависти, джингоизма, подчинения силе. Очень скоро политический контроль над государством захватили небезызвестные вам маньяки. Государство — очень мощная организация. В США мы сейчас имеем дело с чем-то очень похожим. Те груп-

пы лиц, которые были некогда мобилизованы большим бизнесом, сейчас настроены против своих «организаторов». Происходит это, главным образом, потому, что им не удалось мобилизовать этих людей на каких-либо иных основаниях. Нельзя подвинуть людей к реализации такого проекта, согласно которому они должны себя полностью уничтожить. Это обречено на провал. Они должны выдвинуть другие проекты, но их мало. И это мне очень напоминает, — я не хочу сказать, что здесь существует прямая аналогия, все-таки речь идет о вещах разного порядка, — Германию Гитлера и Иран Хомейни, где происходили схожие вещи. В Иране мелкие лавочники, стремившиеся избавиться от власти шаха, организовали движение исламских фундаменталистов. Но они совсем не были рады полученным результатам. У нас происходит нечто похожее.

Д. Б.: Вы считаете это самой важной внутренней проблемой для кампании за «откат назад»?

— Я не знаю, насколько эта проблема велика. Дело в том, что концентрация частного капитала сейчас так велика и настолько межнациональна в своем масштабе, что политическая система никак не может на все это повлиять. Лондонский Economist очень хорошо об этом написал. Там было описание выборов в Польше, когда поляки, не понимая того, как прекрасна их экономика, проголосовали за возвращение к власти коммунистов. Около половины населения Польши заявили, что при коммунизме они жили лучше. Мы-то с вами знаем, что это экономическое чудо. А они этого не понимают. Economist уверяет своих читателей, что это на самом

деле и не важно, потому что «политика — это не то же самое, что политиканство». Другими словами, эти ребята могут играть в свои игры, но достаточно частной тирании, чтобы обеспечить то, что Мировой банк называет «технократической изоляцией». Ничего не меняется, что бы люди ни писали в избирательных бюллетенях.

Возможно, так оно и есть. Взгляните на те программы, которые сейчас всячески проталкивают в Штатах, они искусно составлены для того, чтобы защитить богатых. Хороший пример — опубликованный вчера бюджет Нью-Йорка. На нем стоит остановиться повнимательнее. Они утверждают, что они понижают налоги, но это абсолютная ложь. Например, если уменьшить государственную поддержку общественного транспорта, немедленным следствием этого станет рост стоимости проезда. А это и есть налог, отлично скрытый налог, но он не коснется тех, кто разъезжает на лимузинах, а только работающий люд. Фактически снижен будет налог на доходы. В этом смысле, конечно, налоги снижаются. Но налоговая система становится все менее прогрессивной. Налоги снизят. Но для бедняков, для тех, кто вынужден ездить на метро, налоги будут повышены. Пожилым людям, которые не в состоянии выходить на улицу, нужны службы по доставке товаров на дом, а их собираются сократить, то есть оплата этого тоже ляжет на плечи бедных. Они еще не добрались до правительственной программы медицинской помощи, потому что этой программой пользуются и богатые, но система, которая работала в основном для бедных, пострадает. Урезаются субсидии на службы психической помощи. Богатые их в любом случае получают. Если изучить бюджет

внимательно, станет очевидно, что это тщательно продуманная классовая война, направленная на еще большее подавление бедных. Я имею в виду рабочих. Я говорю о восьмидесяти процентах населения. Еще больше раздавить их. Обогатить богатых. Неравенство на уровне Гватемалы их уже не устраивает, они хотят еще больше увеличить разрыв. Вот так называемый популизм, борьба за средний класс. Такова политика, которая сейчас проталкивается.

Д. Б.: Месяца два назад министр труда Роберт Рейч сказал: «Если вы заводите разговор о благосостоянии, давайте говорить о „всеобщем благосостоянии“». Насколько далеко заходит эта идея?

— Он сделал доклад, который очень хорошо освещался в иностранной финансовой прессе. Лондонская Financial Times напечатала об этом большую статью. У нас Белый дом его замолчал. Или все сделал для этого. В Wall Street Journal две недели спустя появилась очень милая статья, в которой сообщалось о невероятных субсидиях, которые корпорации получили по новой программе Гингрича. На самом деле, говорилось в статье, Роберт Рейч посвятил речь концу всеобщего благосостояния, как мы это понимаем, но Белый дом тут же поставил его на место. Ему дали понять, что на повестке дня таких планов нет. Напротив. Мы работаем на вас, ребята, не волнуйтесь...

Д. Б.: Роберт Сиджел является одним из соведущих передачи «Обо всем понемногу» на Национальном общественном радио (NRP). В разговоре с моим коллегой из Северной Каролины Джерри Маркато-

сом он сказал: «Нападки на „государство всеобщего благоденствия“ для богатых являются основной чертой демократической риторики. Высказывания Хомского по этому поводу не отличаются особой проникательностью».

— Конечно, я многие годы говорил об этом, и не я один. Возможно, он верит в то, что сказал. Возможно, что ему неизвестны факты. Существует предположение, что эти ребята только читают текст, который им показывают. Факт заключается в том, что «нападки на государство всеобщего благоденствия для богатых» были прикрыты сразу же. Это вовсе не основной элемент демократии. В сущности, демократы очень ясно дали понять, что не дадут этому хода. Рейча за этот доклад вызвали на ковер. Сиджел мог просто этого не знать, очень на это похоже. Кроме того, проблема, которую поднял Маркатос, вовсе не касается так называемого «всеобщего благосостояния»; речь шла о другой, гораздо более важной теме: система общественных субсидий Пентагона для индустрии высоких технологий. Сиджел совершенно не понял вопроса, что тоже не удивительно, потому что в его кругу такие вопросы, похоже, не обсуждаются.

Д. Б.: Но Сиджел на этом не остановился. Маркатос спросил у него, почему Хомский хотя бы время от времени не выступает у них по радио. Он заявил, что не особенно стремится вас выслушивать и что вы нравитесь «маленькой, жадной, в значительной степени академической аудитории, которую, похоже, удалось убедить в том, что заметная часть политического мира возникла в ре-

зультате обмана, ложного сознания и манипуляций СМИ».

— Он также разбирается в этом, как и в элементах демократического политического дискурса. По правде сказать, у нас с ним однажды была дискуссия, причем довольно любопытная. Моя книга «Необходимые иллюзии», посвященная главным образом СМИ, основывалась на лекциях, которые я читал по приглашению Канадского национального общественного радио. Она была опубликована и в Торонто стала просто бестселлером. Здесь, насколько я помню, откликов не было. Но было мощное общественное давление на NRP. В программе «Обо всем понемногу» небольшое время отдается интервью с известными авторами. Уступая общественному давлению, они наконец согласились пригласить меня на это пятиминутное интервью. Брал его у меня Сиджел.

Я не слушал радио. Но в 17.00 было объявлено, что интервью прозвучит в течение ближайшего получаса. Люди слушали и ждали. Было уже 17.25, а интервью не было и в помине. Последние 5 минут звучала музыка. Тут люди стали звонить на радиостанцию и спрашивать, что случилось. Там им ничего не смогли ответить, тогда стали звонить в Вашингтон. Продюсер программы сообщила, что интервью вышло в эфир. Она сказала, что в ее списке оно есть, и что в эфир оно вышло. Ее попросили проверить еще раз. Тут оказалось, что оно в эфир все-таки не выходило. Она позвонила мне. Я никак на это не отреагировал. Она очень просила меня извинить их. Оказывается, где-то между 17.05, когда интервью было заявлено, и 17.25, когда оно долж-

но было прозвучать, его отменил кто-то сверху. Причина, как она выразилась, была в том, что вопросы Роберта Сиджела показались им недостаточно острыми. Сам факт, что кто-то таким образом проверяет программы, говорит о том, насколько либералы с NRP напуганы возможностью того, что вдруг прозвучит какая-то крамольная мысль. Она спросила меня, не согласился бы я на повторную запись. Я согласился. Хотя ехать на радиостанцию — головная боль. Но я все же поехал. Он старался заострить вопросы. Выводы делайте сами. Это интервью в эфир вышло. Таков наш обмен мнениями.

Что касается аудитории, то определенная правда в этом есть. Правда, что есть ряд стран, Штаты одна из них, остальные в большинстве своем страны Восточной Европы и другие тоталитарные системы, где я долгие годы практически не имел доступа к главным СМИ. Но не везде это было так. Прежде всего, и в Штатах есть много способов общаться с людьми, и у меня с этим никогда не было никаких проблем. Есть студенты, общедоступные группы, церкви и т. д. Но правда и в том, что в США, как и в России, основные СМИ стремятся не допустить к ним не именно меня, но любого, кто придерживается иных взглядов.

Вы рассказали мне о беседе Сиджела с Маркатосом, состоявшейся 16 января 1995 года, то есть сразу, как только я вернулся из Австралии. Там я делал доклад в Национальном пресс-клубе, который дважды показывали по телевидению, в здании Парламента, но о Соединенных Штатах я не говорил. Они хотели услышать мое мнение о внешней политике Австралии. Так что я рассказывал об австра-

лийской внешней политике журналистам, парламентариям, чиновникам и национальной аудитории. Я был не очень вежлив, полон критики, потому что считаю, что их внешняя политика — позор. Я выступал в программе всемирной службы, которая транслируется на Азию. Почти полтора часа меня там спрашивали о соглашении по разделу Тимора, вопросу большой важности. Все это в прессе. Везде то же самое. По всему полушарию мои статьи и интервью публикуются в основных журналах, я получаю множество приглашений из ведущих журналов, которые я с сожалением отклоняю из-за недостатка времени. Только что в Израиле в самой главной ежедневной газете вышла моя статья, снова критический взгляд на их внешнюю политику. Они не хотят, чтобы я говорил о США. Им нужна критика так называемого мирного процесса. В Европе то же самое. Что касается Роберта Сиджела, то тут есть две возможности. Либо он понимает обо мне что-то такое, чего вне пределов Советского Союза никто не знает. Эта одна возможность. Другая заключается в том, что он некоторым образом похож на комиссара. Люди сами могут делать выводы.

Д. Б.: Давайте теперь обратимся к одной из наших с Вами излюбленных тем, к спорту. Как раз сейчас проходит важная трудовая акция, о которой знают многие. Я имею в виду забастовку баскетболистов. Вы следите за развитием событий?

— Нет, к сожалению.

Д. Б.: В этом есть один интересный момент, о котором, мне кажется, Вам следует знать. Вла-

дельцы баскетбольных команд требуют, чтобы их рабочие, то есть игроки, серьезно подумали о своих заработках. Но никто не хочет подумать о том, как и из чего хозяева извлекают свою выгоду.

— Это, в общем, обычное явление. Я не знаю, в чем там дело, но готов поспорить, что большая часть публики во всем винит игроков. Подозреваю, что это результат корпоративной пропаганды и работы СМИ.

Д. Б.: Это только что произошло в Массачусетсе. Губернатор Уэлд хочет дать денег владельцу команды New England Patriots, для того чтобы привести в порядок стадион, построить роскошные ложи, улучшить дорожную инфраструктуру и т. п. Во вчерашнем номере Boston Globe опубликовали результаты опроса, согласно которому большинство людей это одобряют. Они считают, что это хорошая идея. Это — не «благотворительность».

— Нет, поскольку это касается богатых. Это опять-таки часть процесса, когда люди платят за собственное подчинение. Смотреть баскетбольные матчи любопытно, и я, сказать по правде, тоже люблю это. Но дело в том, что это способ «маргинализации» людей. Это похоже на бои гладиаторов в Древнем Риме. Идея заключается в том, чтобы отвлечь внимание «великого зверя» от того, что мы, привилегированные и власть имущие, с ними делаем. Вот, собственно говоря, вокруг чего вся эта шумиха.

Д. Б.: На сегодняшний день в Декейтере, штат

Иллинойс, одновременно происходят три рабочие акции. В них вовлечены несколько корпораций: Staley — это британская компания, Bridgestone — мировой лидер по производству шин и резиновых изделий, принадлежащая Японии, и Caterpillar — крупнейший производитель в области агротехники. На Staley — локаут, на Bridgestone и Caterpillar — забастовка. New York Times называет эти события «тестированием трудовых отношений» и говорит о том, что «в Декейтере как нигде труд старается остановить свое скольжение в область неразберихи».

— За этим стоит долгая история. В США история рабочего класса переполнена насилием, это не обычно для индустриального мира. Те права, которые были у рабочих в Европе, рабочие в Штатах получили только в середине 1930-х годов. В европейских странах, даже наиболее реакционных, эти права существовали уже на полвека раньше. Доходило до того, что британская «правая» пресса, например, лондонская Times, просто не могла поверить, что можно так обращаться с рабочими. Наконец, они получили кое-какие права. Результатом стала настоящая истерия в деловых кругах. Они-то думали, что держат всю страну за горло, а им показали, что это совсем не так.

Они тут же начали контратаку. Это продолжалось во время войны, но сразу пошло на убыль, а кампания, надо сказать, была развернута впечатляющая. Существует одно замечательное высказывание, принадлежащее одному из глав корпораций тех лет. Он сказал, что «идет вечная война за человеческие умы» и мы должны ее выиграть. Они вложили в эту

кампанию миллиарды долларов. В начале 1950-х годов, когда все это пошло на убыль, они стали снимать специальные фильмы, которые за неделю смотрело не менее двадцати миллионов человек. Это была широко развернутая кампания. Так называемые «экономические образовательные программы» учили людей тому, что нам угодно было считать правдой. Они заставляли заводских рабочих посещать эти учебные курсы. Это называлось тогда «высвобожденным временем». Они были вынуждены ходить на эти курсы. Распространялись миллионы популярных брошюр. Около трети всего материала школьных программ также было организовано деловыми кругами. Были задействованы церкви и университеты. Даже спортивные союзы. Они привлекли всю огромную индустрию развлечений. Для бизнеса это все было очень серьезно. С этим связали антикоммунистический «крестовый поход». В этом было его истинное назначение. Это был один из способов уничтожить права рабочих и демократию, используя страх и ура-патриотические настроения.

Свою роль сыграли в этом деле рабочие бюрократы. Бизнес тогда переживал нелегкие времена. К концу второй мировой войны население Соединенных Штатов присоединилось к основным социал-демократическим течениям, стремившимся «очистить мир». Почти половина всех рабочих считала, что их жизнь улучшится, если фабрики будут принадлежать правительству, а не частному предпринимательству. В конце 1940-х годов профсоюзы требовали для рабочих права изучать финансовые отчеты, вмешиваться в управление, контролировать предприятия, другими словами, они пытались де-

мократизировать систему, что приводило в ужас лидеров бизнеса, этих истинных адептов тоталитаризма. Так что происходила настоящая борьба. Она продолжилась в 1950-е, будучи движима главным образом антикоммунистическими настроениями. В 1980-е годы профсоюзы потерпели в этой войне сокрушительное поражение.

В то время произошла целая серия забастовок на Caterpillar. Первая забастовка была решительной, потому что правительство тогда впервые поддержало наем так называемых «долговременных сменных рабочих», другими словами, штрейкбрехеров, в промышленном производстве. Международная рабочая организация (ILO) осудила правительство США за это, что было крайне необычным явлением. ILO — организация очень консервативного толка, которая предпочитает не обижать своих основных вкладчиков. Тем не менее, они призвали Штаты придерживаться международных трудовых стандартов. Может быть, Роберт Сиджел, прокомментировал это на NPR. Оно стало одним из главных событий тех лет. Это уже следующий этап.

Теперь лидеры корпораций ощущают, что по причине известных процессов, произошедших в мировой экономике, бизнес почувствовал вкус крови, и они полагают, что могут «отодвинуть назад» тот «общественный договор», который достигнут в течение прошлого века в результате народной борьбы: за права рабочих, права человека, права детей на получение пропитания, все, кроме возможности завтра получить скорую прибыль.

Важно помнить, что у нас нет никакой капиталистической экономики, поскольку такая система попросту не выжила. Нашу экономику правильнее

называть «квазикапиталистической», поскольку существуют рыночные силы и конкуренция. В рамках такой системы вас ведут к очень краткосрочным целям. Частью природы этой системы является невозможность планировать далеко вперед. Прибыль необходимо получить завтра же, в противном случае послезавтра вы окажетесь не у дел, а ваше место займет другой. В результате они сами себя уничтожают. Это одна их причин, почему сто лет назад бизнес воззвал к государственному регулированию, когда он попытался поиграть в *laissez-faire*. Они быстро поняли, что это вполне способно все уничтожить. В результате большая часть управленческого аппарата подпала под влияние бизнеса.

Но теперь они более фанатичны и хотят уничтожить управленческий аппарат. Легко понять, что это будет означать. Выбор момента просто восхищает. В декабре прошлого года, когда республиканцы стали кричать направо и налево о своем намерении уничтожить управленческий аппарат и о том, какие для этого существуют методы, как раз в это время было опубликовано несколько сообщений о том, каковы были последствия этого в 1980-х годов. Наиболее впечатляющий эпизод имел место здесь, в Новой Англии. Я говорю о Джорджес Банк, которая считалась одним из наиболее рыбных мест во всем мире. Большинство тамошних предприятий пришлось закрыть. Теперь Новая Англия закупает треску в Норвегии; это все равно, что если бы Австралия импортировала кенгуру из Турции. Причина заключается в том, что Норвегия бережет свои рыбные запасы. У них, как здесь говорят, другая «философия». Наша «философия» заключается в том, чтобы сегодня разграбить все, что можно, а зав-

тра обо всем забыть. Согласно их «философии», необходимо думать о теперешних и будущих нуждах населения. Наше правительство сочетало субсидирование рыбной промышленности с отказом от регулирования. Вы понимаете, что это значит. Они платят людям за истощение рыбных ресурсов и никак не контролируют то, что делается людьми. А те доводят эти источники до полного истощения. Неизвестно, восстановятся ли эти запасы в будущем. Знаний ученых недостаточно, чтобы что-либо утверждать наверняка. Вполне возможно, что богатейшие в мире запасы уничтожены безвозвратно, но также возможно и то, что они когда-нибудь восстановятся вновь.

Это было опубликовано как раз тогда, когда было объявлено о дальнейшем снижении регулирования. Затем следует мексиканская катастрофа. Еще один дополнительный пример. Откажитесь от регулирования, обогащайте богатых, осуществляйте приватизацию всего и вся, и вы увидите, что из этого получится. А если что-нибудь пойдет не так, обратитесь за помощью к народу, потому что «капитализм» предполагает частную выгоду, но общий риск и плату за него. Именно в это время публикуются сообщения НАСА о видимом со спутника повышении уровня моря, что свидетельствует о глобальном потеплении. В этом же сообщении говорится о том, что употребление промышленных химикатов ведет к истощению озонового слоя. Это публикуется в то же самое время, когда раздаются призывы уничтожить остатки управленческого аппарата. Но это имеет смысл только в том случае, если единственное, к чему должен стремиться человек, — достижение как можно большего богатства, причем зав-

тра же. Не важно, как это отразится на остальных. Если это разрушает мир, то это не моя проблема.

Д. Б.: В отдалении слышны какие-то гудки и все такое прочее. Здесь что внизу железная дорога?

— Когда-то здесь все было по-другому. Я переехал сюда в 1950-е годы, и здесь была промышленная зона. Сейчас эти заводы уничтожены. Жилища рабочих тоже. А в то время мы находились как раз посередине между фабрикой кожи, фабрикой по изготовлению шин, шоколадной фабрикой и фабрикой по производству мыла. В зависимости от того, откуда дул ветер, можно было наслаждаться потрясающей комбинацией ароматов. Теперь это по большей части, небольшие высокотехнические промышленные предприятия существующие за счет финансовой поддержки со стороны правительства.

Поезда здесь проходят очень редко. Дело в том, что американское правительство осуществило, может быть, величайший в истории социальный инженерный проект. Это произошло в 1950-е годы, когда огромные суммы денег были потрачены на то, чтобы разрушить систему общественного транспорта в интересах автомобильной и авиационной промышленности, потому что именно они приносят выгоду крупной индустрии. Началось все с тайного соглашения скупить и ликвидировать все трамвайные линии и т. д. Этот проект разделил страну на пригородные территории и города и изменил ее облик до неузнаваемости. Вот почему вы вынуждены отказаться от частых загородных поездок и постоянно жить в каких-нибудь руинах в центре. Это был величайший в истории социальный инженерный проект.

Работа продолжается. К примеру, пару лет назад Конгресс принял постановление о дополнительном субсидировании транспорта, и государственные деньги были направлены на развитие транспорта. Предполагалось поддержать общественный транспорт и привести в порядок дороги. Но только что, в декабре, были опубликованы цифры, из которых следовало, что около 96% всех денег ушло на частный транспорт, а на общественный — фактически ничего не осталось. Вот в чем причина того, что очень многие вещи теперь решаются на уровне штатов. Большие корпорации в наши дни могут заигрывать с федеральным правительством, но всего проще им контролировать администрацию штата. Гораздо легче стравить между собой разные штаты, чем разные страны. Вот цель так называемой «передачи власти», когда они говорят: «Пусть этим занимается народ, штаты». Корпорации могут в самом деле просто плюнуть им в лицо, и ни у кого не будет ни единого шанса этому помешать. Идея заключается в том, что вы направляете единовременные субсидии отдельным штатам, никакого государственного контроля за этим нет, то есть нет никакого демократического контроля. Эти деньги пойдут прямой дорогой в карманы власть имущих. Кто это такие, давно всем известно: строительный бизнес, автомобильные корпорации и т. д. Общественному транспорту по сути ничего не достается.

Опубликованный вчера бюджет Нью-Йорка — прекрасный тому пример. Напрямую в нем это не сказано, но подразумевается, что плата за проезд в общественном транспорте будет повышена, а количество рейсов сокращено. Только ребята в лимузи-

нах будут чувствовать себя по-прежнему комфортно.

Так что время от времени здесь можно услышать, как проезжает пара товарных поездов, но, если бы не обслуживали частные интересы, им бы не долго оставалось здесь курсировать. Мне вспоминается одно высказывание из области истории дипломатических отношений, которое можно найти в огромной книге о Бразилии, написанной видным историком дипломатии, главным историком ЦРУ, который с непередаваемой гордостью описывает, как мы вступили во владение Бразилией в 1945 году (Джеральд Хейнс. Американизация Бразилии). Мы собирались сделать ее «испытательной зоной» «научных методов» развития, с капиталистической точки зрения. Мы советовали им везде и во всем. Он страшно горд этим тотальным провалом, но какое кому до этого дело? Бразилия была европейской колонией, и их железнодорожная система базировалась на успешно работающую европейскую модель. Одним из советов было сменить ее на модель американскую. Если кому-то доводилось ездить на поезде в дотэтчеровской Англии или во Франции, а потом в Соединенных Штатах, он поймет, о чем я говорю. Но он говорит обо всем этом с честным лицом. Другим «советом», из числа подобных, было уничтожить Амазонку.

Д. Б.: Во время Вашей октябрьской поездки в Чикаго женщина из аудитории задала Вам очень прямой вопрос о том, как случилось, что в Вашем анализе отсутствует гендерный фактор? Вы полностью с ней согласились, но на вопрос фактически не ответили.

— На самом деле, я немного писал об этом в своих последних книгах в связи со структурным регулированием, глобализацией производства и налоговым обложением индустриализованного, ориентированного на экспорт сельского хозяйства. В любом из этих случаев главными жертвами оказываются женщины. Об этом я также писал в некоторых своих последних статьях. То, что мы говорили недавно о разрушении семьи, — так вот, это, по существу, гендерная война. Сам факт, что работа женщин не расценивается как работа, является настоящей идеологической атакой. Как я уже говорил, это что-то среднее между психозом и идиотизмом. Все эти так называемые «дебаты» о всеобщем благосостоянии основаны на предположении, что воспитание детей не приносит никакой пользы. Действительно, это не то же самое, что спекуляции на товарном рынке. Это — настоящая работа. Поэтому если женщина заботится о ребенке, то она якобы ничего не делает. Работа по дому тоже не считается работой, поскольку ее выполняют женщины. Отсюда невероятные извращения природы экономики. Это равнозначно перечислению денег работающих женщин, женщин вообще и работающих женщин в частности другим. Воспитание детей не обеспечивается социальной защитой. То же самое с любым другим пособием. Я, может быть, не так много написал об этом, как следовало бы написать. Но это очень важный феномен, и полный драматизма.

Возьмите эти последние нью-йоркские планы роста благосостояния или те, которые обсуждаются в Конгрессе. Одна из их идей заключается в том, чтобы заставить женщин, не достигших двадцати одного года, жить со своими родителями, если они

хотят жить хорошо. Взгляните на этих женщин. У значительной их части уже есть дети, в результате изнасилования или надругательства в семье. Эти защитники семейных ценностей заявляют: или отдавайте ребенка в государственный приют или живите с семьей, в которой, может быть, с вами плохо обращаются, и которая возможно, является источником ваших бед. Но начать самостоятельную жизнь и воспитывать детей нельзя, потому что это не работа. Это не жизнь. Надо идти на биржу труда.

Все это очень значимое явление в современной Америке и вообще в истории капитализма. Капитализм выглядит так успешно частично потому, что он всегда использовал труд рабов, причем под это определение подходит примерно половина населения. То, что делают женщины, не в счет.

Д. Б.: Я ни разу не слышал, чтобы Вы использовали, к примеру, термин «патриархат». Я не хочу терминологической путаницы, но, скажите, устраивает ли Вас эта концепция?

— Не знаю, употребляю ли я этот термин, но с концепцией я, естественно, знаком. Если меня спрашивают, что я имею в виду под «анархизмом», я всегда говорю, что это попытка уничтожить любую форму незаконной власти, будь то дома между мужем и женой, или между родителями и детьми, или корпорациями и рабочими, или государством и его народом. Все это формы власти, которым приходится оправдывать себя, но они почти никогда не могут этого сделать. Но, пожалуй, вы правы. Я не обращал на это внимания.

Д. Б.: Есть ли какие-нибудь книги по феминизму, которые Вы читали и высоко цените?

— Я читаю мало такой литературы. То, что я читаю, я хотя бы отчасти знаю, так что я ничему не учусь. Другие, может быть, учатся, оно того стоит. Думаю, что эти идеи имели очень положительное влияние на общую культуру. Но если только не называть работы вроде исследования Хьюлетт для ЮНИСЕФ феминистской литературой, — а я бы не стал называть, я считаю это честно сделанным анализом, тогда приходится признать, что я плохо знаком с этой литературой.

Д. Б.: Россия — история великого успеха. Военные атаквали здание парламента, но он эту битву выиграл. А что Вы можете сказать об ужасных проявлениях русской военной силы в Чеченской республике?

— Мое мнение до недавнего времени было таким: холодная война была в большей части одним из аспектов конфликта между севером и югом, отличаюсь масштабом, но совпадая в основной логике. Теперь, когда она закончилась, можно без особого удивления обнаружить, что Россия в значительной степени снова становится страной «третьего мира», каковой она и была полтысячелетия. Сразу после 1989 года не только Россия, но и большая часть Восточной Европы уходят в свободное падение, возвращаются к условиям «третьего мира». У старой коммунистической партии все в порядке. Они счастливы, как никогда, и как никогда богаты. Невероятно возросло социальное неравенство. Политическое

руководство — в большинстве своем старая номенклатура, ребята, которые всегда импонировали Западу и с кем он сейчас охотно делает бизнес.

ЮНИСЕФ совсем недавно провели исследование того, какой эффект так называемые реформы, ими одобряемые, оказывают на людей. Они подсчитали, что только в одной России преждевременная смерть уносила около полумиллиона человек в год к 1993 году в результате реформ, которыми мы так гордились. Даже по стандартам XX века это настоящее убийство. У власти то же самое руководство. Возьмите, к примеру, Ельцина, которого любит Запад. Это старый крепкий партийный босс, который знает, как указать человеку его место. Налицо рост мафиозных структур, как практически во всех странах «третьего мира», начиная с Южной Италии в 1943 году, но, по правде говоря, если рассматривать это в мировом масштабе, есть мафия и посерьезней.

Мексика, кстати говоря, тоже. Под воздействием «экономического чуда» мексиканское правительство оказывается все больше связанным с кокаиновыми картелями. Джеффри Сакс, этот парень, который ездит повсюду и объясняет разным странам, как им надо себя спасать, прославился тем, что сотворил такое же «экономическое чудо» в Боливии. Но вот факт, упоминаемый обычно только в сносах: Боливия действительно стабилизировала свою валюту, но главным образом в результате резко увеличившегося экспорта кокаина, что вполне вписывается в его совет заняться сельскохозяйственным экспортом. В бывшем СССР произошло то же самое. Судите сами: огромная мафия, распространившаяся и на Штаты, потому что очень много иммигрантов. Продажа ресурсов. В Казахстане ресурсов мно-

го, и американских бизнесменов, старающихся купить их нефть, там тоже немало. Если страна, которая так славно себя ведет, затевает вдруг резню, США не возражают. Штаты не пытались предотвратить кровопролитие в Чечне, так же как они не пытались предотвратить химические атаки Саддама Хусейна против курдов.

Д. Б.: Я здесь сижу со всей этой уймой заготовленных вопросов, частично записанных. Вам не кажется, что это все напоминает отчасти русскую рулетку? Вы ведь не знаете, какой вопрос будет задан следующим. Бывают ли моменты, когда Вы думаете: «Он упускает главное. Почему бы ему не спросить вот об этом?»

— Ваши вопросы просто великолепны, мне и в голову не приходит подумать такое.

Д. Б.: Вы невозможный человек! Не собираетесь ли Вы сократить количество Ваших публичных выступлений?

— По правде сказать, этой весной я буду вынужден это сделать из-за дополнительных занятий в университете. Их будет в два раза больше в этом году, нежели в прежнем. Но так будет не всегда. Приходится думать о том, что я буду делать в течение ближайших лет. Пенсионный возраст не за годами. Но у меня слишком много работы, чтобы предаваться сейчас размышлениям о будущем.

Д. Б.: Во время Ваших докладов Вы встречаетесь с сотнями тысяч людей, плюс Ваши статьи, ин-

тервью, радио, телевидение. Это все, должно быть, огромное, не только физическое, но и эмоциональное бремя. Вы несете это все на себе. Я беспокоюсь об этом как Ваш друг.

— Я иначе смотрю на все это. Мне кажется, это другие люди как бы несут меня на себе. Когда я, скажем, выступаю с докладом в Чикаго, я только появляюсь на короткое время. Всю работу делают они. Мое дело сесть на самолет, сделать пару докладов и можно отправляться домой. Люди на местах выполняют все основную работу. Вот я только что вернулся из Австралии. Ребята там в течение нескольких месяцев работали, чтобы все организовать, и они работают там до сих пор. Я приехал, хорошо провел время, выступил во многих местах. Так что я эксплуатирую других. Хотя, пожалуй, это обоюдная эксплуатация. Я не намерен скромничать, есть вещи, которые я делаю очень хорошо. Натренировался за долгие годы.

Д. Б.: Что же это такое?

— Не знаю, поверите ли вы мне, но я проводил много времени, организуя и посещая митинги, как в начале Сопrotивления, одним из основателей которого я был. Я с фанатичным упорством ходил на все эти митинги и сидел там, скучающий и никому не нужный. В конце концов, по взаимному согласию осуществилось некое своеобразное разделение труда. Мы делаем то, что можем. Есть что-то, что я совершенно не могу делать, и наоборот, что-то, что я делаю очень легко. Я делаю то, что мне легко дается. Но серьезную работу всегда выполняют орга-

низаторы, тут даже вопрос не стоит. Они проводят там все дни, занятые разной тяжелой работой, подготавливают почву, выявляют возможные эффекты. Сам по себе доклад никакого эффекта произвести не может. Это как вода под мостом, если люди ничего с ней не делают. Если это способ, средство заставить людей думать, сплотить их и заставить что-то делать — отлично, тогда это того стоит. Иначе это пустая трата времени, самооправдание.

Д. Б.: Возвращаясь к разговору о сопротивлении, какие силы могут противостоять этому наступлению «правых»?

— Подавляющая масса населения очень серьезно настроена против того, что сейчас происходит. Вопрос в том, удастся ли их отвлечь и разделить. Мы говорим о необходимости преподавать Гаити уроки демократии. Любой, у кого в голове есть хоть одна серая клетка, со смеху умрет, услышав это. Нам необходимо взять у Гаити уроки демократии. Вот страна, находящаяся в жалких условиях, хуже, чем мы можем себе представить, но население которой смогло своими собственными силами создать живое, функционирующее гражданское общество с профсоюзами и основными организациями и безо всяких средств привести к власти своего собственного президента и создать действительно демократическое общество. Конечно, все это было уничтожено, и не без нашей помощи. Нас уничтожать никто не собирается. Но если бы мы могли поучиться демократии у гаитянских крестьян, мы бы справились с этими проблемами.

Д. Б.: На этом мы закончим наш сегодняшний разговор, если Вы не возражаете, и теперь Вы сможете вплотную заняться этими кипами.

— О'кей. (Смеется.)

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

9 И 12 МАЯ 1995 ГОДА

Д. Б.: Я предлагаю начать наш сегодняшний разговор с обсуждения последней публикации, касающейся «дела Никсона». Это дает ясную картину того, что представляет собой американская политическая культура.

— Знаете, самый благожелательный отзыв обо мне, когда-либо опубликованный в New York Times, принадлежал перу Уильяма Сафайра и касался «дела Никсона». Помните?

Д. Б.: Нет.

— В New York Review вышла моя статья, посвященная «Уотергейту». Я писал, что мне все это кажется просто-напросто «дружеской потасовкой», и ничего совершенно не значит. Я привел для сравнения инцидент с COINTELPRO, выплывший на свет тогда же, и написал по этому поводу следующее: «Послушайте, если вы хотите поговорить о чем-то действительно серьезном, говорите об этом. А „Уотергейт“ — это просто ерунда». Уильям Сафайр подхватил мои слова и посвятил целый столбец тому, что, дескать, «наконец хоть кто-то сказал об этом деле правду». Потом я начал получать письма от старушек из Огайо, благодаривших меня за то, что я защищаю нашего президента. Эта похвала New York Times сама по себе стоит внимания.

Д. Б.: Я хочу поговорить с Вами об истории и памяти или, если Вы позволите так выразиться, о том, как они устроены. Чешский писатель Милан Кундера написал когда-то: «Борьба человека с властью есть борьба памяти с забвением». Среди приближающихся годовщин — от Дня Высадки союзных войск в Европе до Дня Победы — есть одна, о которой мне хотелось бы с Вами поговорить особо: 6 августа исполнится 50 лет с того дня, когда была сброшена бомба на Хиросиму. Вам, насколько я знаю, было тогда 16 лет. Где Вы были, когда услышали эту новость?

— Я был вожатым в летнем лагере в Поконских горах, когда я услышал о том, что случилось, по радио. Газеты, во всяком случае, нам в лагерь не доставлялись. Я был страшно потрясен. Помню, как ушел тогда и не меньше двух часов блуждал один в лесу, пытаясь мысленно разобраться в том, что случилось. Потом я вернулся, однако мне не с кем было поделиться со своими мыслями, потому что, собственно говоря, никому до всего этого не было никакого дела. Так что это была, можно сказать, моя личная боль.

Но я должен признаться, что события в Нагасаки поразили меня еще сильнее. Никто не проводил никогда особых исследований в Нагасаки, так что я могу это только предполагать, но у меня сложилось впечатление, что бомба в Нагасаки — это, в основе своей, эксперимент. Конечно, это все нужно еще проверить. Я не уверен, однако мне кажется, что в случае с Нагасаки у военных было простое желание посмотреть, сработает ли другой механизм, и для его проверки решили использовать го-

род, потому что... а почему бы, в конце концов, не использовать город? Если это мое предположение окажется правдой хотя бы на пять процентов, то это, возможно, самый чудовищный эпизод в мировой истории. Конечно, самый абсурдный в истории «научный эксперимент».

Что касается Хиросимы, то вы, вероятно, еще смогли бы найти этому какое-то объяснение (я-то, конечно, не думаю, что вы на это способны), однако, в конце концов, нельзя сказать, что это вне пределов человеческого понимания. Никакого аргумента в оправдание Нагасаки в принципе быть не может. И ведь это было тогда еще не все. Был еще один эпизод, о котором я писал приблизительно 30 лет назад, но не встречал с тех пор ни разу, чтобы о нем еще кто-либо упоминал, хотя информацию об этом событии можно найти в официальной истории военно-воздушных сил. Там оно называется звучным словом «finale». Генерал Хэп Арнольд, командовавший военно-воздушными силами, решил, что хорошо бы закончить войну как-нибудь максимально эффектно. Ему захотелось посмотреть, сможет ли он собрать тысячу самолетов для рейда на Японию. А в те дни собрать тысячу самолетов было очень большим достижением. Однако ему удалось собрать эту тысячу самолетов, и 14 августа они уже благополучно бомбили японские города и гражданские объекты. В истории военно-воздушных сил об этом написано как бы так, между прочим. Вместе с тем характерно, что все это произошло после того, как японцами было объявлено о капитуляции, как бы в предвосхищении ее официального подписания. Если вы захотите взглянуть на все это с японской точки зрения, обратитесь к Макото Ода, широко

известному японскому романисту. Тогда ему было четырнадцать или пятнадцать лет, и он жил в Осаке. Он написал статью, в которой рассказал о том, что ему довелось пережить. Он помнит 14 августа и утверждает, в частности, что одновременно с бомбами сбрасывались листовки, сообщавшие о капитуляции Японии. Все это, конечно, не убило столько человек, сколько атомные бомбы, но в своем роде свидетельствует о гораздо худшем.

Кстати, раз уж пошла речь о памятных датах, следует также упомянуть 10 марта. Я имею в виду пятидесятилетнюю годовщину бомбардировки Токио. У нас это событие прошло незаметно. Если взглянуть на «Обзор стратегических бомбардировок США», опубликованный после войны, ясно видно, что за время той бомбежки, за какие-то 6 часов, было убито больше людей, чем когда-либо во всей истории человечества. Токио был практически сравнен с землей. Город в большинстве своем состоял из деревянных построек, поэтому сначала сбрасывали бочки с зажигательной смесью, от которой загорались дома, а затем пускали в дело напалм, который тогда только-только начинал входить в употребление. Выжившие рассказывают, что самолеты буквально вели охоту на людей. Никакой обороны не было. Это был незащищенный город. Напалм использовали для того, чтобы перекрыть доступ к реке, чтобы люди не могли до нее добраться. Люди пытались спастись в городских водоемах, но погибали, потому что вода в них кипела. Я не знаю общего числа погибших. Оно колеблется между 80 и 200 тысячами, что приравнивается к числу жертв атомных бомбардировок, если только не превышает. Токио был разрушен настолько, что его даже вычеркнули

из списка возможных объектов атомных атак, поскольку эффективность была бы минимальной, в результате получилось бы все то же самое нагромождение камней и мертвых тел, и показать миру было бы нечего. Все это просто поражает.

Far Eastern Economic Review, газета «правых», принадлежащая Dow Jones, которая также издает Wall Street Journal, отметила эту годовщину подробной статьей и фотографией того, что представлял собой Токио после бомбардировки. Это невероятно. Можно увидеть лишь два или три здания, все остальное обращено в пыль.

Д. Б.: Вы помните, что именно в бомбардировке Хиросимы Вас ужаснуло? Вы до конца отдавали себе отчет о возможных последствиях случившегося?

— Последствия были совершенно очевидны. Даже из тех обрывков информации, которые до нас доходили, следовало, что самолет пролетел над незащищенным городом и сбросил бомбу, о которой потом много писали, также как и о количестве убитых. Это было чудовищно. В тот день была открыта новая эра, вне сомнений. Это означало, что разрушение всего мира вполне возможно, — не говоря уже о подоплеке данной военной акции. Война с Японией с самого начала вызывала у меня большой скептицизм. Война против Германии — это одно. Но против Японии — это уже совсем другое, — так, во всяком случае, мне представлялось. Если бы вы росли в то время, мимо вашего внимания не ускользнуло бы то, о чем написал недавно Джон Дауэр. В самом деле, обращение американцев с немцами и от-

ношение тех же американцев к японцам было резко различным. Если вспомнить военные фильмы тех лет... — это, конечно, детские воспоминания, я не могу быть полностью уверенным, но в моей памяти к немцам, которые были во всех отношениях хуже, несравненно хуже, относились даже с некоторым уважением. Это всегда были такие красавцы-блондины арийского типа, а японцы — паразиты, которых необходимо повсеместно уничтожать. Добавьте к тому же всю эту историю о «вероломном нападении», о «дне, который будет вечным позором» и т. д. Это, разумеется, несерьезно, — я, во всяком случае, не принимал тогда ничего из этого всеерьез. Бомбардировка Перл Харбора и Манилы, без сомнения, преступление, но по стандартам XX века, даже на тот момент, это не так бросается в глаза. Японцы бомбили военные базы в колониях, которые были украдены у их жителей: на Филиппинах путем уничтожения двухсот тысяч человек, а в случае с Гавайями — при помощи обмана, хитрости и предательства. Бомбардировка военных баз в колониях, украденных у их жителей, без сомнения, преступление, но неизмеримо меньшее по масштабу.

Конечно, со стороны японцев было много жестокостей. Япония повинна в ужасающих зверствах, но все это не могло стать причиной такой ответной реакции с нашей стороны. Об этом не особенно задумывались.

В действительности, до самого последнего дня между Соединенными Штатами и Японией шли переговоры. Корделл Халл, государственный секретарь, и адмирал Номура вели их почти до самого Перл Харбора, — по-моему, еще за неделю до бомбардировки переговоры имели место. Главным кам-

нем преткновения было то, что США настаивали на открытости азиатской системы, то есть чтобы любой имел возможность в ней свободно участвовать. США хотели таким образом сохранить свои права в Китае. Япония, в конце концов, согласилась на это условие, однако выдвинула и обратное требование, чтобы данное положение распространялось на весь мир, то есть чтобы и западное полушарие стало открытым для всех. Корделл Халл, законченный расист, посчитал это оскорбительным, так же, как и другие американские комментаторы тех событий.

Здесь необходимо вернуться в 1930-е годы. Японцы с самого начала своей масштабной военной экспансии открыто заявили, что они собираются создать в Азии нечто вроде американской «доктрины Монро». Это болезненно отозвалось в США, потому что здесь многое было правдой. В Штатах в то время было потрачено много сил на то, чтобы как можно резче провести разделение между «доктриной Монро» и «новым порядком», насаждаемым японцами в Азии. Результаты этих интеллектуальных усилий заслуживают пристального внимания. Я писал об этом в своей статье «Революционный пацифизм А. Дж. Мьюста: К истокам войны в Тихом океане» (The Revolutionary Pacifism of A. J. Muste: On the Backgrounds of the Pacific War), опубликованной приблизительно тридцать лет тому назад. Исследования 30-х годов — в высшей степени интересное чтение, особенно если дочитать их до конца. Обычно все они заканчиваются словами: «Как они смеют сравнивать?! Когда мы осуществляем политику силы на Филиппинах или в Карибском море, это же делается ради блага людей! Это делается для того, чтобы сделать людей лучше, помочь

им, дать им второе дыхание. А когда это делают японцы, это не более чем агрессия и зверства».

Не так давно я перечитывал эту свою статью, серьезно подумывая о том, чтобы ее где-нибудь перепечатать. Новой информации появилось с тех пор предостаточно, но, насколько я знаю, она в корне ничего не меняет. В той статье я призывал обратиться к японским документам времен маньчжурских событий, опубликованным недавно Rand Corporation. Кампанию, которую японцы провели в Маньчжурии в 1930-х годах, они же сами со всеми подробностями описали, а Rand Corporation эти данные опубликовала. Презанимательное чтение, должен вам сказать. Все чрезвычайно похоже на то, что Штаты впоследствии делали во Вьетнаме. Квантунская армия, которая осуществляла кампанию, разводила своего рода социал-демократическую риторику, если можно так выразиться. Они, дескать, хотели создать земной рай для азиатов. Они хотели спасти население Маньчжурии от китайских бандитов, фашистов и коммунистов (русские были там), и дать им шанс развиваться независимо в сотрудничестве с Японией. То же самое было в Китае, где японцы создали марионеточный режим, но под контролем известного китайского националиста и, разумеется, с полного одобрения людей, которых мы потом поддерживали в Южном Вьетнаме. Полных любви к народу, высоких идеалов и антикоммунизма. Я пункт за пунктом сравнил это с тем, что впоследствии Дин Раск и другие говорили о Вьетнаме. Если не обращать внимания на стилистические расхождения, разница окажется не столь уж большой. Сходство весьма значительно.

И вот что интересно. Эта моя статья была случай-

но упомянута в США, и ее посчитали реабилитацией Японии, здесь усмотрели оправдание японцев единственно на том основании, что я позволил себе провести сравнение между действиями Японии и нашими действиями во Вьетнаме. Хороший пример американской психологии! Если вы сопоставляете что-то со зверствами американской армии во время войны во Вьетнаме, значит, вы это что-то оправдываете! Ибо как можно нас критиковать? Все, что мы делаем, прекрасно!

Вот что еще мне хотелось бы вспомнить в этой связи. Недавно была двадцатая годовщина вывода американских войск из Вьетнама. Любопытно было наблюдать, как это происходило. К сожалению, запись трансляции празднеств у меня сорвалась, поэтому я не смог впоследствии пересмотреть отдельные, очень интересные эпизоды. Однако полная неспособность кого бы то ни было разглядеть в этой войне нечто более сложное, чем просто «неудавшаяся военная операция», — это прямо-таки изумительно. Все совпадает с воспоминаниями Макнамары. Именно так обстоят дела на сегодняшний день.

Д. Б.: Я как раз собирался задать Вам вопрос о Макнамаре. Но эта статья опубликована в книге «Американская власть и новые мандарины»?

— Это была перепечатка. Впервые эта статья была опубликована в Liberation, анархистском журнале. Только что умер А. Дж. Мьюст, и главный редактор Нат Хентофф отдельным номером выпустил сборник эссе его памяти. А. Дж. Мьюст был революционным пацифистом. В основу моей статьи было положено следующее предложение: «Давайте

проверим на прочность позицию А. Дж. Мьюста в критическом случае, когда на страну совершено нападение. По настоящему на страну никто не напал, но предположим, что против США был совершен акт военной агрессии. Есть ли какой-нибудь смысл в этом случае быть по-прежнему пацифистом?» А. Дж. Мьюст полагал, что да. Он считал, что нам не следовало принимать участие в этой войне. Тогда мной поставлен был следующий вопрос: «Как бы мы могли оценить такую позицию?» Далее я перешел к выяснению подоплеки всех этих событий.

Это очень интересно. 6 августа не за горами, и снова возобновятся бесконечные споры о нашей войне в Азии. Но давайте посмотрим на то, что именно станет предметом публичных дискуссий через несколько месяцев, и тогда нам все сразу станет понятно. Например, что будет сказано в пользу сравнения действий японцев в те годы с американской «доктриной Монро»? Или что США в 30-е годы поддерживали японскую внешнюю политику? Посол Джо-зеф Грю, ведущий специалист по Японии, еще в 1939 году яростно отстаивал их права на захват территорий в Китае. Фактически главным поводом для разногласий был следующий вопрос: «Собираются ли японцы перекрыть нам доступ в Китай?» Далее, мы посмотрим, что будет сказано о конференции в Оттаве, имевшей место в 1932 году, когда Британия, будучи к этому времени больше не в состоянии конкурировать с более эффективной — не дешевой, конечно, но более эффективной — японской продукцией, попросту отказалась как от доктрины *laissez-faire*, так и от принципа свободной торговли, который они же сами и утвердили еще в те времена, когда им казалось, что им даровано небом всегда побеж-

дать в этой игре, потому что они всех богаче. Теперь они уже не могли конкурировать, и им пришлось отказаться от всех своих принципов и «закрыть» Империю. Для такой страны как Япония, страны, лишенной каких бы то ни было ресурсов и всецело зависящей от торговли, Империя (это в то время были: Индия, Австралия, Новая Зеландия, Борнео, Малайзия) только с формально-юридической точки зрения по-прежнему оставалась «открытой», однако тарифы были подняты так высоко, что для Японии эти страны стали фактически недоступны. Голландцы проделали все то же самое у себя в Ост-Индии, что теперь называется Индонезией. То же самое сделали и Соединенные Штаты. У нас тогда было значительно меньше возможностей, чем сейчас, но Филиппины и Куба были «закрыты». И вот японцы говорят: «Мы, конечно, поздно вступили в эту игру, но мы хотим играть по тем же правилам, что и вы, ребята. Если вы закроете рынки, то нам придется применить силу, как и вы делали когда-то». Они определенно намекали на «доктрину Монро». На все это можно смотреть по-разному, но говорить о второй мировой войне без обсуждения этих вещей, — это уровень ниже идиотизма. Так что через пару месяцев мы узнаем, что из этого станет предметом обсуждения. Но думаю, и теперь догадаться не сложно.

Д. Б.: Удивительно, что сейчас, по прошествии 50-ти лет, Хиросима все еще является предметом многочисленных споров. Достаточно вспомнить недавний скандал вокруг выставки, посвященной атомным бомбардировкам, в Смитсоновском музее авиации и космонавтики. Директор музея был вы-

нужден вскоре уйти в отставку под огнем конгрессменов, групп ветеранов и прочих «специалистов» по военной истории. Как Вы можете объяснить, что вокруг этой темы и по сегодняшний день не утихают страсти?

— Я оказался замешанным в этом скандале. Как вам известно, я публикую невротические послания. Поэтому я оказался в числе тех людей, кто подписался под заявлением историков, гласившим: «Эти вещи должны быть открыты для обсуждения. Нельзя допустить, чтобы выставку просто прикрыли». Еще там было сказано: «Может быть, эта выставка и заслужила ту критику, которой она была подвергнута, но так давайте же сделаем серьезную выставку и обратимся, наконец, к истории». Однако Смитсоновский музей был вынужден отказаться от проведения этой выставки под давлением Американского Легиона, разного рода групп ветеранов и т. д. и т. п., а также политическим давлением, я имею в виду Washington Post, обрушившую на музей всю свою ярость. «Как вы могли поднимать этот вопрос? Какое у вас было право делать предметом публичного обсуждения факты, в свете которых мы предстаем не ангелами, а наши враги — не слугами Сатаны?» Больше других на меня произвела впечатление статья Чарльза Краутхаммера. Я не люблю приводить цитаты по памяти, но, по-моему, в ней говорилось о том, сколь многим для нас является «Энола Гей», и что это должно стать объектом всеобщего почитания. Другими словами, нам следует поклоняться «Энола Гей» как кумиру и почитать его как божество, ведь это стало причиной гибели многих людей, а поскольку это была наша работа,

мы не только должны оправдать «Энола Гей», но и чтить, как почитают богов. Но это уже крайности, конечно.

Сразу, как только я подписал текст этого заявления, надо сказать, что помимо меня под ним поставили подпись еще около 500 человек, я стал получать разные письма от своих оскорбленных сограждан. Я не был бы удивлен, если бы оказалось, что я был единственным, кто на них вообще стал отвечать. Но я отвечал на все эти письма, потому что они у меня вызывали постоянный интерес. Кроме того, на письма всегда нужно отвечать. Так у меня завязалась весьма интересная и разнообразная переписка. Однажды фрагмент из одного моего письма был опубликован в журнале военно-воздушных сил, и публикация сопровождалась гневной филиппикой в адрес «этих антиамериканских фанатиков». Письма были самые разные. С некоторыми людьми я вошел в очень серьезную переписку, например, с ветеранами второй мировой войны, которые говорили: «Меня в то время там не было, я только хотел вернуться домой живым, и мне было, в сущности, наплевать на то, что происходит». Конечно, этих людей можно понять. Лично я не согласен, но мы живем в одном моральном мире.

Другие были люди не вполне нормальные. Некоторые из них присылали мне статьи, где говорилось следующее: «История должна быть не более чем регистрацией фактов. Вы должны лишь показывать, что такие события, как атака „Энола Гей“ и 6 августа имели место, и только. Все, что выходит за пределы чисто фактической информации, перестает быть политкорректным». Основная идея всех этих посланий была такова: «Мы должны молиться на

„Энола Гей“. Это наша история». Не знаю, бывает ли это сейчас, но раньше на летных шоу, например, на регулярных летных шоу в Техасе, пилот, входивший в состав экипажа «Энола Гей», как бы заново повторял свой полет, и тысячи восхищенных людей ликовали, взирая на это зрелище. Немного можно назвать государств, подобным образом отмечавших собственные зверства.

Интересно сравнить: годовщина бомбардировки Токио была 10 марта, то есть примерно 3 недели спустя после пятидесятой годовщины бомбардировки Дрездена, которая приходится на середину февраля. Бомбардировка была чудовищной. Точных цифр не знает никто, но обычно принято говорить о 30 или 40 тысячах погибших. До основания был разрушен гражданский город. Он постоянно включался в список военных объектов, однако все, конечно, понимали тогда, что он таковым не является. В бомбардировке принимали участие британские и американские военно-воздушные силы под британским командованием. Британская пресса после этих событий серьезно занялась самоанализом. Я не вижу особых причин возлагать всю вину за случившееся на англичан. Только что на вооружении германских войск появились ракеты «Фау-2». Британия в этой войне из всех европейских держав пострадала первой, она по-прежнему находилась под военной угрозой и время от времени подвергалась атакам. До последней минуты англичане не знали, чем может закончиться эта война. Если бы немцы чуть дальше продвинулись в создании реактивной авиации и ракет «Фау-2», перевес вполне бы мог оказаться на их стороне. Соединенные Штаты никогда не подвергались атакам извне. Пара аэростатов наблюдения,

я думаю, пролетела над Орегоном или что-то подобное. Англичане нашли в себе силы пересмотреть свою первоначальную точку зрения о том, что разрушение Дрездена было законным, а мы — нет. Потому что мы совершенны. Мы — святые. Мы чтим дорогих нашему сердцу убийц и военных преступников, потому что они — боги, и чем больше людей они убили, тем более их следует обожествлять. Такова наша история. И вот вам пример — книга Теодора Рузвельта «Завоевание Запада» (Winning the West), прочесть которую был обязан каждый студент каждого колледжа. Вот вам — самый настоящий «прото-нацизм»!

Д. Б.: Возвращаясь назад к Хиросиме, я хотел бы задать Вам еще пару вопросов по этой теме. Вы слышали традиционное объяснение этих событий. Я уверен, что эти объяснения будут до тошноты повторяться и в августе: «Бомбардировка была вызвана военной необходимостью», «Если бы Штаты не осуществили вторжение, это бы стоило американцам один миллион жертв» и т. д.

— Я не думаю, чтобы серьезные историки когда-либо принимали эти заявления всерьез. Можно спорить о том, насколько эта «военная необходимость» была действительно велика. Это не тот вопрос, на который легко ответить. С другой стороны, совершенно понятно, что никто никогда не предполагал такого большого количества жертв. Упомянутое число — «один миллион» — однажды в своем дневнике написал Трумэн, однако при объективном подсчете, оно бы составило самое большее 50—60 тысяч. (Наиболее полную разработку данной пробле-

мы осуществил на основе архивных материалов в Стэнфорде Бартон Бернстайн.) Кроме этого, нет никаких причин полагать, что вторжение вообще произошло бы. Вторжение планировалось на ноябрь, затем на следующий май или несколькими месяцами позднее. Однако все говорит в пользу того, что Япония к этому времени уже сложила бы оружие. Опять-таки, «Обзор стратегических бомбардировок» утверждает, что Япония долго не продержалась бы, с атомными бомбардировками или без них.

В стороне от всех этих рассуждений стоит вопрос о легитимности вторжения. Почему мы должны были оккупировать Японию? Может, это было правильным решением, может — нет, но однозначного ответа не существует. К примеру, факт, что Япония атаковала две военные базы на территории двух колоний США, едва ли оправдывает оккупацию. Разумеется, Япония повинна во многих злодеяниях. Но в 1930-е годы нам не было ни малейшего дела до самых худших из них. Мы редко обращали на японцев внимание: иногда мы немного их критиковали, иногда вводили кое-какие санкции против них, — то да се. Но, как правило, все это происходило не по причине зверств. Во время войны количество этих зверств многократно возросло: жестокое обращение с военнопленными, «батаанский марш смертников» и т. д. Но все это было в контексте войны, и если внимательно приглядеться к тому, что делали в то же самое время наши солдаты, то окажется, что и они далеко не ангелы. Так что наша оккупация Японии — это большой вопрос. Можно, в частности, упомянуть факт, что в самой Японии к нашим действиям против этой страны определенная часть населения отнеслась положительно. В Японии

было много людей, возлагавших на оккупацию большие надежды и ожидавших ее с нетерпением. Так что все здесь очень непросто.

Единственно, к чему привела оккупация, — это, собственно говоря, реставрация императорской власти в стране. Генерал Макартур и представители американской администрации намеренно скрыли важную роль, которую в этой войне и во всех этих зверствах сыграл император Хирохито, поскольку им нужно было восстановить и укрепить систему императорской власти в качестве способа осуществлять свой контроль над Японией. И они все тщательно скрыли, что само по себе просто чудовищно.

Вместе с тем, не следует забывать, что оккупация страны отчасти подорвала легитимность императорской власти. Со своей стороны, это предоставило массу благоприятных возможностей для японских демократических сил, каких они не получили бы никогда. Так что это фактор большого значения. Разумеется, вы в праве со мной не согласиться. Хочу только еще раз заметить, что «эффект паутины», — где все взаимосвязано между собой, — который сказался при нашей оккупации Японии, представляет собой сложную проблему. В конечном счете она, возможно, уничтожила японский фашизм и создала в стране ситуацию, наиболее благоприятную для продвижения демократии. С другой стороны, до конца разобраться во всех хитросплетениях этой войны пока еще никому не удалось.

Приблизительно в 1947 году под давлением Соединенных Штатов в Японии начался так называемый «обратный курс», что означало, в конечном счете, восстановление старых фашистских структур, «дзайбатсу» и корпораций. В стране были раз-

рушены все или практически все рабочие профсоюзы, — именно то, что США стремились всегда осуществить в планетарном масштабе. В Японии этот процесс начался около 1947 года. Джордж Кеннан был тем, кто сыграл в этом деле одну из ключевых ролей. Но это — непростая история. Если вы захотите исследовать обстоятельства оккупации Японии максимально подробно, то перед вами тотчас откроется множество самых различных проблем, включая вопрос: почему произошло вторжение? Однако даже если бы в ходе своих разысканий вы пришли к заключению, что вторжение было необходимо, то вы не смогли бы закрыть глаза на то обстоятельство, что речь в данном случае шла об оккупации страны, уже сложившей оружие, — будь то посредством атомной бомбардировки или чего-то еще.

Кроме того, нельзя забывать о русских. Русские пришли, по-моему, где-то примерно 8 августа. Для японцев это был страшный удар. Они не смогли бы выстоять против сухопутного натиска русских, и им это было отлично известно. Очень похоже на то, что главным поводом для проведения атомной бомбардировки послужило желание американской администрации воспрепятствовать русским участвовать в контроле над Восточной Азией. В этом Соединенные Штаты держались крайне твердой позиции. Мы не только не пустили в Японию русских, мы не пустили туда ни англичан, ни французов, ни голландцев и вообще никого. Что касается работы Комиссии по Дальнему Востоку, призванной наблюдать за японскими делами, то Соединенные Штаты управляли ею железной рукой и никому не позволяли вмешиваться в свои дела. Все это очень напоминает «доктрину Монро». В конце концов, на Ближний

Восток мы все же впустили Великобританию. Но в Японию — никого. Все, что происходило тогда, целиком и полностью было наше шоу. Русские тут не при чем. Можно спорить о том, до какой именно степени все эти соображения послужили причиной атомных бомбардировок, но, конечно, не относящиеся к сути дела их назвать нельзя.

Д. Б.: Несколько недель тому назад я разговаривал с Мичио Каку. Он рассказывал мне очень интересные вещи. Его родители, как и десятки тысяч других американцев японского происхождения, во время войны были интернированы. По его словам, главной причиной этого было то, что японским фермерам принадлежали богатые сельскохозяйственные земли, в особенности в Калифорнии. Эти земли были конфискованы федеральным правительством и переданы аграрному бизнесу. Вы слышали об этом?

— Да, слышал. Специально я этим не занимался, так что сказать мне особенно нечего, но, разумеется, я слышал об этом. Насколько это явилось причиной, я не знаю.

Д. Б.: Я родился в северо-восточной части Нью-Йорка. В 1930-е годы там проживало много немцев. Помню, как они строем ходили по улицам, и все это продолжалось вплоть до самой войны. Однако никто, насколько я знаю, не призывал к интернированию германо-американцев.

— Я рос в Филадельфии, где соседями нашей семьи были немцы, с одной стороны, и ирландцы-ка-

толики, с другой. Мы среди них были единственной еврейской семьей. Соседство было крайне антисемитским и пронацистским. Помню, как устраивались пивные вечеринки по случаю падения Парижа, и продолжалось все это вплоть до 7 декабря 1941 года. К числу моих драматичных детских воспоминаний, принадлежит, в частности, то, как ребята, которые только вчера открыто приветствовали нацистов, буквально на следующий же день после Перл Харбора стали ходить по домам и настойчиво напоминать, чтобы все опускали шторы на ночь, — столь внезапной была перемена. Но никакого интернирования немцев не было. Это не значит, что с ними особенно церемонились. Немецких военнопленных отправляли в особые «лагеря по перековке» вместе с пленными итальянцами, что было совершенно незаконно. Штатам приходилось держать это в секрете, потому что они опасались, что немцы, со своей стороны, захотят отыграться на американских пленниках. Поэтому лагеря были переименованы. Первоначально они назывались «лагерями по перековке». Затем для них придумали другое фальшивое название. Главное их предназначение заключалось в «промывке мозгов», или, другими словами, в «обучении демократии». Этих людей держали на территории США приблизительно до середины 1946 года и использовали постоянно на принудительных работах. Некоторые из них были убиты. Спустя несколько лет подобные лагеря были открыты в Англии. Вы были знакомы с Пегги Дафф? Многие годы она являлась одной из ведущих фигур в международном движении за мир. Первое, что она сделала в самом начале своей общественно-политической деятельности, стало разоблачение всех этих

лагерей для немецких и итальянских военнопленных. О судьбе немецких военнопленных нам известно довольно много, поскольку они оставили после себя большое число разного рода документальных свидетельств. Об итальянцах, напротив, никто ничего не знает. Возможно, что с ними здесь обращались значительно хуже, поскольку свидетельств они после себя никаких не оставили. Но вы абсолютно правы, что германо-американцев не интернировали.

Д. Б.: Мичио мне рассказывал также о том, что часть американско-японцев, в том числе и его родителей, в лагерях для интернированных продержали еще целый год после окончания войны. Потом, через много лет, была выплачена компенсация, но многих из них в уже не было среди живых. Я вновь возвращаюсь к вопросу о том, что представляют собой история и память, их реальное взаимодействие между собой. Сегодня часто можно услышать о том, как разного рода политики и ученые мужи пускаются в рассуждения о второй мировой войне, и вообще обо всей той эпохе, как не просто о «хорошей войне», но и о времени, когда не было нравственных колебаний. Правда была правдой. Зло было злом. Американский народ был един. Было великое сотрудничество. Люди шли на жертвы. У Вас остались такие же воспоминания?

— В том, что вы говорите, много правды. Во время войны была поразительная сплоченность. В США людям тогда действительно многим приходилось жертвовать, — конечно, не так, как это было у русских, но, например, на машинах не ездили сверх

меры и не покупали нового холодильника. И, конечно, наши солдаты храбро сражались.

Но было много «нравственных колебаний». Они были до войны и никогда не прекращались во время войны. Так, например, Соединенные Штаты и Великобритания поддерживали Муссолини. Даже после вторжения итальянских войск в Эфиопию США увеличили продажу своей нефти Италии в нарушение эмбарго. Италию все любили. Муссолини действительно был «восхитительным итальянским джентльменом», как его назвал Рузвельт. После «похода на Рим» в 1922 году, установления фашизма в Италии, уничтожения парламента и профсоюзов, пыточных камер и тому подобных вещей объем американских инвестиций в эту страну сильно возрос. Муссолини тогда приводил в восхищение все наше правительство, кстати сказать, и «левых». В 1930-е годы американские капиталовложения переместились, главным образом, в Германию. Она заняла лидирующую позицию среди инвестируемых нами стран, уступая только Великобритании. Между американскими и немецкими фирмами завязались тогда очень тесные отношения. Американские фирмы приняли участие в программе по «арианизации», то есть разграблению, еврейской собственности. Американское правительство, государственный департамент в общем и целом симпатизировали нацистам, по крайней мере, вплоть до 1937 года. Гитлер тогда считался «умеренным», поэтому мы считали необходимым его поддержать, поскольку он находился между крайне «правыми» и крайне «левыми», и без нашей поддержки народные массы этот режим свергли бы. Великобритания симпатизировала Гитлеру еще сильнее. Лорд Галифакс

ездил в Германию в 1937 или 1938 году и в личной беседе с Гитлером не раз говорил, что англичане им восхищаются. Это продолжалось почти до самой войны. Когда же война началась, то первым, к чему приступили Соединенные Штаты и Великобритания, едва только начали освобождать континент, стала реставрация фашистских структур, причем совершенно открыто.

Д. Б.: У Кристофера Хитченса есть блестящее эссе, опубликованное в недавнем номере Monthly Review, касающееся Мюнхенского соглашения. Об этом обычно говорят как о «попустительстве». Он называет это «сотрудничеством».

— Я написал ему письмо, в котором привел некоторые дополнительные аргументы. Его эссе, как вы сами сказали, было действительно великолепно, однако на самом деле все обстояло еще значительно хуже, чем он описывает. Документы не оставляют на этот счет никаких сомнений. Они говорили: «Мы вынуждены поддерживать Гитлера». То же самое они говорят сейчас в отношении всех бандитов из государств «третьего мира», которых поддерживают. Это единственный защитный барьер против народных масс, которые в противном случае давно бы уже восстали, и люди, обладающие собственностью, оказались бы лишены вообще всего. Поэтому, разумеется, «мы были должны» поддержать Гитлера. Так было в 1937 и 1938 годах. Так было и в Испании. По существу, Штаты и Великобритания поддерживали Франко. Они не делали это открыто, но факты говорят сами за себя. Например, тогда было введено эмбарго, но Франко получал все,

кроме нефти. Нефть была его единственной большой проблемой. Но ему все-таки удалось ее решить. Каким образом? Через посредство Техасо Oil Company, которой в то время, так получилось, руководил откровенный нацист. Прежде у этой компании были заключены контракты с Республикой. Она их нарушила. Корабли, которые уже находились в море, были отправлены к Франко. Такое продолжалось на протяжении всей войны. Государственный департамент всегда заявлял, что он не имеет на этот счет никакой информации. Эти факты смогла обнаружить одна небольшая «левая» газета, но Госдепартаменту, разумеется, ничего по этому поводу выяснить не удалось. Конечно, потом они были вынуждены признать, что эти контакты имели место. Мне вспоминается случай, когда некий американский бизнесмен попытался переслать оружие из Мексики на территорию Республики. Рузвельт провел пресс-конференцию, на которой резко его осудил. Он говорил приблизительно так: «Конечно, с формально-юридической точки зрения это не запрещено, но у некоторых людей совсем нет чувства патриотизма». А то что Техасо продавала нефть режиму Франко, — это было в порядке вещей. Впоследствии то же самое повторилось и на Гаити, пресса все еще продолжает об этом писать. Точно так же Техасо продавала нефть и хунте Рауля Седраса с одобрения администрации Буша и Клинтона.

Д. Б.: Давайте еще немного задержимся на теме истории и памяти. Роберт Макнамара, возможно, является наиболее ярким и подходящим примером. Ему принадлежит один из последних бестселлеров «Оглядываясь назад» (In Retrospect). Он пишет:

«Мы, члены администрации Кеннеди и Джонсона, которые принимали участие в выработке решений по Вьетнаму, действовали сообразно нашим представлениям о том, что относится к принципам и традициям нашей нации. Мы принимали решения в свете указанных ценностей. И все-таки мы ошиблись, ужасно ошиблись. Мы обязаны объяснить будущим поколениям — почему. Я искренне верю, что наша ошибка была не в ценностях и намерениях, но в конкретных решениях и возможностях».

— В том, что касается «ценностей», он прав. Если кто-то пытается нам не подчиниться, наши «ценности» таковы, что его нужно уничтожить. Таковы наши «ценности». Им уже не одна сотня лет, и это те самые ценности, согласно которым они и действовали тогда. Что касается его уверенности в том, что все это было ошибкой, то я относительно его позиции согласен с ястребами. Макнамару критиковали голуби, говорившие: «Вы пришли слишком поздно», и ястребы, которые говорили: «Все-таки это была победа». И ястребы были правы. Так что ошибки не было никакой. Он этого не понимает. Он, вообще говоря, многого не понимает. Это единственный по-настоящему интересный аспект его книги, как мало он понимал в том, что тогда происходило, или понимает сейчас. Он не понимает даже того, во что был втянут.

Я допускаю, что он говорит правду. Книга обладает некоторым ореолом честности. При чтении возникает впечатление, что ее написал крайне узкий технократ, второразрядный инженер, которому дали индивидуальное поручение, и который старается квалифицированно выполнить эту работу, не

понимая того, что вообще вокруг него делается, ни того, что он делает непосредственно сам.

Вы, разумеется, правы в том отношении, что для него и для тех, кто его критикует, для сторонников Макнамары и для его противников, существует только одна тема для дискуссий, которая их связывает вместе, — сюда я должен добавить также людей, активно участвовавших в пацифистском движении. Я был потрясен, когда услышал, как известные активисты движения за мир говорят: «Мы доказали свою правоту, потому что он понял, в конце концов, что мы были правы. Это — война, которую невозможно было выиграть».

Но как же быть с тем, что нам все-таки «посчастливилось» сделать, — я говорю о четырех миллионах погибших вьетнамцев, — как насчет этого? Правда, у него есть одна или две фразы, и эти фразы интересны. Он говорит об убитых северных вьетнамцах. Факт, достойный внимания: когда в его книге речь заходит о «южных вьетнамцах», то таковыми, по мнению Макнамары, являются исключительно те, кто был ярким сторонником режима, который мы насаждали и поддерживали. За это его винить нельзя, поскольку он только воспроизводит привычные мнения культурной среды, из которой произошел, причем следует им некритически и даже не думает в них усомниться. Он признает, что большая часть населения была на другой стороне, но это, согласно его утверждению, были не «южные вьетнамцы». Военные действия в отношении их не предпринимались.

Наиболее, по моему мнению, интересная часть его книги, — первое, на что я обратил внимание, — то, что он говорит о двух важнейших и, можно сказать,

ключевых решениях, в разработке которых он принимал участие. Первый случай относится к ноябрю и декабрю 1961 года, когда внутреннее сопротивление уже практически свергло режим, навязанный этой стране Соединенными Штатами, — после того, как этот режим уничтожил свыше 80 тысяч человек, что и вызвало внутреннее сопротивление, которому террористическое государство, санкционированное Вашингтоном, не могло противостоять. В этот момент Кеннеди принял решение от прямого террора перейти к открытой агрессии. Правительство направило американские военно-воздушные силы бомбить вьетнамские деревни, стал широко применяться напалм, началось уничтожение посевов. В то же самое время были начаты первые военные операции против Северного Вьетнама, который тогда еще не был серьезно втянут в конфликт. Это было первое важное решение. В книге Макнамары об этом даже не упоминается. Я не думаю, что он специально что-то скрывает. Просто, на мой взгляд, для него это не было чем-то особенно важным. Ибо что мы, в конце концов, такого уж сделали? Нет, ничего особенного, так, ерунда, это были всего лишь массовые убийства южных вьетнамцев, — но ведь это же нам не в ущерб! Никто ведь на нас не обрушит свой гнев. Тогда в чем проблема? Раз проблема отсутствует, то и говорить здесь не о чем.

Второй случай еще интереснее. В январе 1965 года правительством США было принято решение усилить бомбардировки Южного Вьетнама. В то же время, в феврале 1965 года, начали бомбить и Северный Вьетнам. Однако бомбардировки Южного Вьетнама были втрое интенсивнее и гораздо более

разрушительными. Ни для кого это не было секретом. Одним из тех, кто много писал об этом тогда, был человек, на которого, в частности, неоднократно ссылается Макнамара, Бернар Фаль, французский военный историк, специалист по Индокитаю. Он был ястреб и никогда не путал между собой такие вещи, как «мы» и «они». Он был на «нашей стороне» и все такое прочее. Но у него, похоже, не хватало какой-то извилины в голове. Он беспокоился за судьбу вьетнамцев, хотя был ястребом и военным историком, который поддерживал французов, а затем американцев. Он не хотел, чтобы эта страна была окончательно разорена. В 1965 году он писал, что важнейшим решением, которое было принято в ходе этой войны со стороны американской администрации, было отнюдь не решение об оккупации Северного Вьетнама (после двухмесячной предварительной бомбардировки), а решение бомбить Южный Вьетнам с такой интенсивностью, чтобы не оставить камня на камне. Он указывал также на то, что в предыдущие годы США фактически полностью уничтожили так называемый Вьетконг — с использованием отравляющих газов, напалма и масированных бомбардировок, — что это была настоящая бойня. В 1965 году, по его утверждению, атаки на Южный Вьетнам стали гораздо интенсивнее, и это была значительная перемена. Он был американским советником. Фаль подробно описывает, как он вместе с американцами летал бомбить вьетнамские деревни и больницы. Его возмущению не было пределов, но, невзирая на это, он очень ярко и обстоятельно все описал.

Макнамара часто ссылается на эти статьи. Он говорит: «Сообщения Фалья были для нас „обнадежи-

вающими“ и оправдывали американскую эскалацию». Макнамара ни разу ничего не сказал о решении многократно усилить бомбардировки Южного Вьетнама. Он просто обходит этот вопрос стороной, без каких-либо комментариев. Он приводит выдержки из военных статей Бернара Фалья и говорит: «Отчасти причиной, вдохновившей нас на дальнейшие действия, стало то, что Фаль был прекрасным аналитиком и очень знающим человеком, и на него произвело огромное впечатление то, что мы делали во Вьетнаме, и он полагал, что это сработает». В этих словах содержится доля правды. Фаль говорил: «Да, эти ребята настолько одержимы манией убийства, что им, без сомнения, удастся разрушить эту страну». Вот в каком смысле он полагал, что военные действия США во Вьетнаме должны непременно «сработать».

В книге Роберта Макнамары есть одно любопытное примечание. Он пишет, что два года спустя Фаль изменил свою первоначальную точку зрения на действия американских войск и перспективы ближайшей победы на более пессимистическую. Это было в 1967 году. Посмотрим, что он писал в это время, как раз перед самой своей смертью. Он писал, что таких жестоких военных акций, какие выпали на долю Вьетнама, не знала ни одна страна мира, что Вьетнам буквально умирает, и очень похоже на то, что Вьетнам как культурная и историческая общность исчезнет под атаками американского оружия. Макнамара цитирует это место и утверждает, что Фаль перед смертью изменил свое мнение об эффективности наших военных действий. И дело не только в том, что говорит по этому поводу Макнамара, но ведь, заметьте, никто, ни один из рецензен-

тов, никак не прокомментировал это. Никто не заметил в его словах ничего фальшивого или смешного. Потому что если мы ставим перед собой задачу разрушить какую-нибудь страну и уничтожить ее как «культурную и историческую общность», то кто же сможет против этого протестовать? Фаль, обратите внимание, говорит постоянно о Южном Вьетнаме, а не о Северном, — потому что террор и массовые убийства происходили именно здесь, и наши военные акции были направлены главным образом против Южного Вьетнама.

Есть, между прочим, один интересный аспект, касающийся «Документов Пентагона». «Документы Пентагона» не содержали в себе информации о каких-либо важных секретах, чтобы там не говорили. В этом я смог убедиться тогда, когда помогал Дэну Элсбергу подготовить их к публикации. Я много и часто писал по поводу «Документов Пентагона» еще до того, как они появились в печати, и исследовал этот вопрос самым детальнейшим образом. Вместе с тем, кое-что в этих материалах представляло действительный интерес, в частности, — я писал уже об этом тогда, — явное несоответствие между планированием бомбардировок Севера и планированием бомбардировок Юга. Планирование по Северу было очень тщательным и скрупулезным. Как далеко мы должны заходить вглубь территории? С какой именно скоростью нам следует продвигаться? На какие объекты должны быть направлены наши удары? Что же касается бомбардировок Юга, — в три раза более интенсивных и повлекших гораздо более тяжкие последствия, — то они проходили без всякого плана. Это никак не обсуждалось. Почему? Очень просто. Дело в том, что военные ак-

ции против Северного Вьетнама могли стать для нас источником разнообразных проблем. Так, например, после начала бомбардировок северных территорий мы нанесли целый ряд воздушных ударов по китайским железным дорогам, которые, так уж случилось, проходили через Северный Вьетнам. У нас были планы атаковать русские корабли, но мы боялись, что это произведет в мире реакцию, которая бы могла нам повредить. Так что, в случае с Севером тщательный план бомбардировок был не обходим. А массовые убийства в Южном Вьетнаме — пустяк. «В-52» бомбят дельту Меконга — это одна из наиболее густо населенных территорий в мире, — гибнут люди, разрушаются дамбы, больницы и средства коммуникации, и все это сходит нам с рук. Понятно, что при такой ситуации никакие особые планы или расчеты не были нужны.

Интересно не только то, что все эти вещи когда-то происходили. Интересным также является то, что никто никогда не обращал на эти вещи внимания. Мне, во всяком случае, пока еще не удалось найти никого — будь то ученого-специалиста или кого-то еще, — кто бы о том, что было сказано мной относительно «Документов Пентагона», написал хотя бы полстрочки. Сегодня часто можно услышать: «Мы „защищали“ Южный Вьетнам», — и так говорят о стране, которую мы уничтожили! Сам факт, что, например, Макнамара может так выражаться и при этом ссылаться на Бернара Фаля, который был «самым знающим человеком», и который был в высшей степени возмущен нашей атакой на Южный Вьетнам, невзирая на то, что был ястребом, и который считал, что Сайгон должен был управлять всей страной, тот факт, что можно ссылать-

ся на мнение этого человека и при этом не видеть, что именно он говорил, — это показывает степень моральной слепоты не только Макнамары, но и всей нашей культуры, — любые комментарии здесь излишни.

Д. Б.: Еще несколько слов о Роберте Макнамаре и его «теа сулра». Он ведь отчасти лишь воспроизвел прием защиты, опробованный нацистами в Нюрнберге: «следование приказам», «верность фюреру». Вот, мол, почему он молчал, пока был министром обороны.

— Я не согласен. Он ведь не признает, что было сделано что-то неправильное. Ни о какой «защите» с его стороны речи быть не может.

Д. Б.: Участвуя в MacNeil Lehrer, он теперь говорил, что у него были «дурные предчувствия» относительно этого курса.

— Где были раньше эти его «дурные предчувствия»? Представьте себе, что какой-нибудь нацистский генерал после Сталинграда заявил бы: «После Сталинграда я понял, что война на два фронта была ошибкой, но, несмотря на это, я поступил так, как поступил». Это не нюрнбергская защита. Это даже не осознание того, что было совершено преступление. Понять, что преступление имело место, нужно до того, как приступать к защите. Макнамара не в состоянии этого осознать. Более того, все это я говорю не в качестве критики в его адрес. Это скучный узкий технократ, который ничто не подвергает сомнению. Он просто принимает набор убежде-

ний окружающих его людей. Таковы все либералы Кеннеди. Мы не можем совершить преступление. Здесь противоречие в терминах. Все что мы делаем, мы делаем по необходимости, и это не только правильно, но и благородно. Следовательно, о преступлении не может быть и речи.

Если же говорить о его «теа сулра», то, посмотрите, кому он приносит свои официальные извинения? Американскому народу. Он посылал американских солдат на безнадежную войну, зная заранее, что она безнадежна. Расплачиваться пришлось Соединенным Штатам. Эта война разорвала страну на части. Отношение людей к правительству стало крайне скептическим и полным разочарований. Такова цена за его «ошибки». Да, было убито 3 миллиона или больше вьетнамцев. Жители Камбоджи и Лаоса вообще в этой истории не фигурируют. А их было убито не меньше миллиона. Никто почему-то не просит прощения у них.

Горько видеть, — о чем я уже неоднократно писал, — как это тесно перекликается с рассуждениями о том, что, дескать, нельзя простить японцам того, что они совершили во время второй мировой войны. Премьер-министр Японии только что был в Китае, где он просил прощения за ту жестокость, которую пришлось испытать жителям Азии по вине японской агрессии. В New York Times по этому поводу был высказан целый ряд критических замечаний: да, мол, конечно, он все это так и сказал, однако, вот, некоторые японские парламентарии полагают, что ему не стоило этого делать, а, значит, японцы все еще не хотят признавать за собой вины. А на следующей странице говорится о том, что мы должны примириться с нашей виной перед амери-

канским народом, которая заключается в том, что мы разрушили три государства и убили миллионы людей. Вы не находите это весьма любопытным? Лично я не знаю ни одной другой страны, которая бы продемонстрировала столь шокирующую убежденность в собственной правоте на первой же странице одного из своих ведущих изданий, — и никто на это никак не отозвался. Не только в нашей стране, но и вообще на Западе. В британской и европейской прессе, в той степени, в какой она мне известна, дела обстоят точно так же. Это — часть западной культуры. Это то, что Адам Смит называл «первобытной, жестокой несправедливостью европейцев», от которой уже в его время пострадало немало стран.

Д. Б.: Задолго до того, как Макнамара написал эту книгу, Вы сравнивали его с Лениным. Что Вы хотели этим сказать?

— Я сопоставил между собой некоторые фрагменты из его статей и выступлений конца 1960-х годов, где говорилось об управлении и необходимости управления, о том, что общество, управляемое должным образом и контролируемое сверху, является предельно свободным обществом. Его идея была такова: если управление действительно осуществляется хорошо, все находится под контролем, и людям постоянно твердят, как им следует поступать и что при этом делать, то именно в этих условиях человек может максимально использовать свой потенциал. Я просто сравнил эти высказывания с обычными представлениями сторонников ленинизма и увидел, что они во многом совпадают. Существует одно-

единственное отличие, о котором следует упомянуть: Макнамара еще привлекает Бога. У Ленина, насколько я понимаю, Бога нет, он привлекает Маркса.

Д. Б.: Позавчерашняя передовица Times была посвящена политике 60-х годов. Там говорится: «Есть ощущение, что беспорядок, возникший по причине вьетнамской войны, как бы прорвал дыру в социальной структуре, образовавшейся после окончания Второй мировой войны. И хотя проделали эту трещину „левые“, но воспользовались ею именно „правые“». Как Вы думаете, что они имели в виду, сравнивая шестидесятые с тем, что происходит у нас в девяностых?

— Происходящее сегодня, с их точки зрения, имеет вполне определенный смысл. Так как все, что делают Соединенные Штаты, является правильным в силу необходимости, за исключением, может быть, некоторых неудач или же тех эпизодов, когда мы платили за наши действия слишком большую цену, но, тем не менее, все наши действия были всегда оправданы, то и война во Вьетнаме была необходимо правильной и легитимной, кроме, может быть, некоторых эпизодических неудач, а «левые» чрезмерно увлекались критикой, что и создало «трещину».

Сомневаюсь, чтобы «Правда» смогла дойти до такого уровня пропаганды, — но может быть и смогла бы. Предположим, что вы прочитали в «Правде» критическую статью о вторжении русских войск в Афганистан. Там говорится: «К сожалению, существуют критики, вроде Сахарова и других, которые

наносят непоправимый ущерб нашей политике тем, что подрывают авторитет России своими заявлениями о том, что мы не должны защищать афганский народ от террора». Я полагаю, что можно представить нечто подобное напечатанным в «Правде». В этом случае «Правда» оказалась бы в положении New York Times, которая, как вы сами могли убедиться, говорит похожие вещи. В конце 1960-х годов дела обстояли точно так же. В то время лидеры «голубей» впервые поставили под сомнение необходимость войны во Вьетнаме по причине откровенных неудач и, в особенности, из-за огромной цены, которую нам приходилось платить за эти провалы. Общепринятым было считать, что никто никогда не станет критиковать Советский Союз за оккупацию Чехословакии, поскольку эта военная операция «имела успех» и пострадавших в ходе нее было немного. Фактически никто из числа представителей основного течения американской политики не мог себе даже представить позиции, которой в случае с Чехословакией станет придерживаться большинство, а именно, что эта агрессия была незаконна, невзирая на то, что она увенчалась успехом и не стоила огромных жертв. Тон критических статей в адрес политики СССР был настолько умеренным, что это многих тогда привело в замешательство. Вместе с тем, необходимо сказать, что в то время никто, не исключая меня самого, не отважился выступить с критикой американского наступления на Южный Вьетнам. Это было бы все равно, что начать объясняться по-хетски. Никто бы не понял ни единого слова. И сейчас не понимает. С точки зрения наших политиков и политических обозревателей New York Times, все, что мы делали во Вьетнаме, было пра-

вильно. Что же касается действий, призванных остановить эту кровавую бойню, которая стала причиной гибели трех государств, то, согласно их утверждению, это только вредило национальной политике и способствовало продвижению «правых». Вот почему, продолжают они, дела сегодня обстоят именно так, а не иначе.

Д. Б.: Обычно Вы говорите последнее слово, но сейчас я тоже приберег кое-что напоследок. Хочу прочитать Вам одну цитату: «В течение трех последних десятилетий всеми моими мыслями и поступками руководили исключительно любовь и преданность моему народу. Это давало мне силы принимать решения, трудней которых не знал ни один смертный». Вы знаете, кто автор этих строк?

— Гиммлер?

Д. Б.: Гитлер.

12 МАЯ 1995 ГОДА

Д. Б.: Я хочу вернуться к нашему последнему разговору. Мы говорили об истории и памяти. Я хочу подойти к завершению. Вообще, кто является хранителем истории?

— Историки, разумеется. Образованный класс вообще. Часть их задачи — формирование нашей картины таким образом, чтобы поддерживать инте-

рессы власти в настоящее время. Если они не будут этого делать, то их попросту изгонят, — тем или иным способом.

Д. Б.: Не могли бы Вы дать людям несколько советов по декодированию и расшифровке пропаганды? Наверное, существуют какие-то практические приемы? Я понимаю, что это трудный вопрос.

— Напротив, по-моему, очень простой. Старайтесь всегда и во всем доверять своему здравому смыслу. Например, когда вы встречаете в Wall Street Journal такой заголовок: «Американские нефтяные компании боятся потерять работу на Ближнем Востоке», то не нужно быть гением, чтобы понять, что «работа» здесь означает «прибыль». Или же если в отчете нью-йоркской налоговой службы вам говорят, что субсидии на общественный транспорт будут в ближайшее время сокращены, то вы без труда сможете догадаться, что субсидировать общественный транспорт отныне придется вам. Другими словами, они собираются повысить налоги. И так продолжать можно до бесконечности. Никакой особенный инструментарий не нужен, только здравый смысл.

Д. Б.: Можете ли Вы порекомендовать какую-то основную литературу?

— Есть очень полезные книги, например, «История людей» Говарда Зинна. Эта книга — хорошее начало для формирования картины мира, которая будет отличаться от представлений, навязанных вам в школе. Я ненавижу давать советы. Все что вам

нужно, это только произвести своеобразную «триангуляцию» и постараться взглянуть на мир в иной перспективе. Прежде вы знали только одну перспективу, которую вам постоянно навязывали, так что вы даже понятия не имели, что существуют другие. Но оглянитесь вокруг. Ведь эти «другие» существуют. Независимые журналы, научная диссидентская литература и все такое прочее. Я потому считаю необходимым подробно остановиться на этих вещах, что многие люди неоднократно мне этот вопрос задавали. Да, конечно, существует множество книг и прочих самых разных вещей, которые мне представляются очень полезными и действительно важными, однако при этом каждый из нас должен решать для себя самостоятельно, что именно для него — для вас, для меня — представляет интерес.

Д. Б.: Возвращаясь к тому, что происходит у нас в настоящее время, я хочу задать Вам такой вопрос. Говоря о теперешнем политическом климате в Соединенных Штатах, Вы сравнили его с политической обстановкой в Германии и Иране. Что Вы хотели этим сказать?

— Я говорил об одном специфическом феномене, который сегодня все более выходит на передний план. Насколько он важен, пока не вполне понятно. Если говорить о Германии конца 1930-х годов, или же если мы обратимся к Ирану около 1980 года, то обязательно нужно будет упомянуть о том, что в это время там существовали очень сильные центры политической власти. В Германии это были крупные промышленники, в Иране — так называемые «bazaaris», класс торговцев. У тех и у других были

свои враги. Для крупных немецких промышленников — рабочий класс. Они хотели уничтожить рабочие организации. В Иране главным врагом коммерсантов был шах. Как те, так и другие стремились, прежде всего, организовать народные массы, чтобы одолеть своих врагов. В Германии это была нацистская партия. В Иране — фундаменталисты. Потом они обнаружили, что парни, которым они помогли успешно «найти себя», имели свои собственные соображения, и это вовсе не их идеи. Так что к концу 1930-х годов многие немецкие промышленники оказались серьезно обеспокоены тем обстоятельством, что, так сказать, поймали за хвост тигра, — речь шла, конечно, о Гитлере. В Иране все обстояло значительно проще, — фундаменталисты, захватив власть в стране, сразу же дали своим «благодетелям» от ворот поворот.

Если говорить о современной Америке, о Fortune 500*, то есть действительно о настоящем крупном бизнесе, то они почти в эйфории. Цель существующей социальной политики — обогатить их настолько, что им даже не снилось в самых смелых снах. Ежегодный выпуск журнала Fortune, посвященный Fortune 500, который вышел только на этой неделе, сообщает, что по сравнению с прошлым годом доходы выросли на 54%, — при незначительном росте уровня продаж и прежнем уровне занятости. Уже четвертый год подряд наблюдается неслыханный рост доходов и ожидается, что так оно будет идти и дальше. Отсюда эйфория. Им все это очень нравится. Многое из того, что происходит сейчас в

* Fortune 500 — рейтинг 500 крупнейших компаний США, публикуемый ежегодно журналом Fortune. — Прим. ред.

Конгрессе, их просто приводит в восторг. Это кладет им в карман деньги и банкротит всех прочих.

Однако в последнее время эти ребята стали испытывать беспокойство. Ежедневно газетные заголовки сообщают, что эти новые конгрессмены, пришедшие вместе с Ньютом Гингричем, настроены против большого бизнеса, и это — сущая правда. Им действительно в большей степени импонирует то, что они называют «малым бизнесом», который, конечно, далеко не мал. Они не любят «больших плутократов», поскольку не отличают их, по существу, от «больших бюрократов». То, что делают эти новые конгрессмены в сфере политики, разумеется, подлинной корпоративной власти счастья не прибавляет. Отсюда возникает вся эта суета вокруг «культурной сцены», поскольку это единственный способ мобилизовать свои войска — нельзя же увлечь за собой людей, говоря им: «Эй, все за мной, и тогда вы получите от меня зуботычину!» Поэтому вам придется поступать иначе. Вы говорите: «Эй, все за мной», — и в том случае, если вы ненавидите ближнего своего, отправляете в тюрьмы черных подростков, если у вас есть религия или что-нибудь в этом роде, вы начинаете спланировать массы людей на основе фанатизма, экстремизма, истерии и страха. Нет сомнения в том, что этим вещам придается сейчас большое значение. Подтверждение этому можно найти на страницах журнала Fortune.

Д. Б.: Давайте обратимся к риторике сегодняшнего дня. Вот несколько цитат: «вооруженные до зубов головорезы из правительства», «последняя война началась», «смерть во имя нового мирового порядка», «феминизм» и т. д. Люди типа

Дж. Гордона Лидди в своем ток-шоу по радио советуют слушателям, как лучше убивать федеральных агентов: «Стреляйте им в голову... убивайте этих сукиных детей». А Ньют Гингрич заявляет, что демократы — «враги нормальных американцев».

— Подобные разговоры вызывают тревогу у глав корпораций. Джордж Буш, как вы знаете, после той самой радиопередачи написал очень гневное послание, в котором он объяснял свой уход из Национальной стрелковой ассоциации (NRA). Буш — старомодный республиканец наподобие Эйзенхауэра, корпоративный агент, и он считает недопустимыми разговоры об убийстве федеральных агентов. Очень важным является то, что все эти люди начинают испытывать беспокойство. Ньют Гингрич может сейчас говорить о демократах все что угодно, пока он высказывается за государственное финансирование Пентагона, который для большей части корпоративной Америки является превосходной «дойной коровой», и Гингрич — не исключение. Но, к сожалению, о подобных вещах никогда нельзя знать заранее, когда они выскользнут из рук. И я полагаю, что Ньюта Гингрича это в высшей степени беспокоит.

В сегодняшнем выпуске *Globe* по этому поводу вышла занятная публикация. Взгляните на нее перед уходом. У них есть обозреватель Дэвид Шрибман, заметная фигура в газете. Он вот только что получил Пулицеровскую премию. Сейчас он политический обозреватель, несколько «лево-либеральный» по американским стандартам. У него вышла статья о Ньюте Гингриче, в которой он пишет: «Мы,

либералы, не так его понимаем. Он, конечно, критикует правительство, однако его критика имеет продуктивный характер. Ему вообще-то правительство нравится. Он только хочет, чтобы правительство поступило правильно. Он хочет, чтобы правительство шевелилось, раздавало компьютеры беднякам и т. д. Он выступает категорически против того, чтобы толпы сумасшедших бюрократов препятствовали реализации правительственных инициатив. Так что на самом деле он на нашей стороне». Шрибман цитирует Майкла Кейзина, «левого» журналиста, который писал, что Гингрич — «наш человек», «популист». Далее он пишет: «Гингричу импонируют независимость и ценности предпринимательства, и он выступает за то, чтобы правительство это стимулировало». Единственное, о чем он забывает сказать, это то, что Гингрич говорит исключительно о государственном финансировании частного предпринимательства. Он сам представляет округ Кобб, который получает больше федеральных субсидий, чем все остальные округа, за исключением двух: Арлингтона и Вирджинии. Об этом в статье не говорится. Причина проста — классовый интерес, направленный на сокрытие роли правительства в деле передачи денежных фондов от бедных к богатым. Даже по мнению «левых либералов» это нужно скрывать. Тем не менее, они все-таки признают, что Гингрич в большей степени связан с рациональной корпоративной властью, чем большинство людей, которыми он себя окружил, и которые очень опасны, поскольку легко могут разрушить многое из того, что представляет для них интерес.

Д. Б.: Энтони Льюис — то ли в сегодняшнем, то

ли во вчерашнем номере Times, — видимо, выразил-ся не вполне адекватно. Он сказал, что округ Кобб, находящийся в штате Джорджия, получает федеральных средств больше, чем любой другой округ в стране.

— Это неверно. Но наконец-то они стали хоть что-то замечать. Что, однако, интересно — это сам факт замалчивания данного обстоятельства. Их способность все время скрывать информацию об этих вещах, — вот что удивительно. Это молчание отражает классовые интересы. Из публикации Шрибмана видно, что они готовы всесторонне поддерживать так называемых «республиканцев типа Гингрича», которые будут действительно опираться на огромную государственную власть, чтобы по-прежнему вкладывать деньги в богатых, и при этом не уничтожат сам государственный аппарат.

Д. Б.: Вернемся к нашей теме — «история и память» и коснемся событий, которым исполнилось только что двадцать пять лет и о которых недавно упоминалось в печати, — я говорю об убийствах в Кентском университете. Между прочим, о событиях в Джэксоне, штат Миссисипи, где в то же самое время были убиты двое афро-американцев, не говорится практически никогда. Вы, вероятно, помните атмосферу тех дней: Никсона, назвавшего всех студентов «бездельниками», и губернатора Огайо Джеймса Родса, за день до убийств сказавшего: «Мы в корне уничтожим эту проблему. Эти люди просто шатаются из одного университетского городка в другой и парализуют общество. Они хуже парней в коричневых рубашках, хуже граби-

телей и конокрадов». На следующий день произошли убийства.

— Вы правы, — быть может, ваши цитаты и не вполне достоверны, но, полагаю, что вы попали в самую точку. Буквально на днях вышли в свет результаты анализа современного состояния общества, который проводится каждые четыре года Чикагским советом по международным отношениям. Среди прочего они исследовали вопрос: что с точки зрения большинства людей в наше время является самой серьезной проблемой в стране? Если ответить одним-единственным словом — преступность. Откуда она происходит? Что за ней стоит? И наркотики здесь играют не последнюю роль. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) детальнейшим образом изучила всю ситуацию с наркобизнесом, и по ее оценкам прибыль от оборота наркотиков равна половине триллиона долларов в год. Больше половины этих денег проходит через банки США. Разве об этом кто-нибудь говорит? Может быть, это и есть те наркотики и та преступность, которые беспокоят людей? Вовсе нет. Их «беспокоит», как вы сами сказали, чернокожий подросток. Вырос ли этот вид преступности? Насколько мы можем судить, нет. Большая часть того, что обычно называется преступностью, — это когда у ребенка в кармане находят сигарету с марихуаной. Почему люди считают это проблемой? Не из-за Раша Лимбаха, конечно, а по причине особой социальной политики, которая стимулирует страх перед преступностью, и которая на фундаменте этого страха формирует у населения особое чувство к людям, которые становятся лишними либо из-за другого цве-

та кожи или иных генов. Вот чего по-настоящему надо бояться. Это гораздо важнее, чем весь пресловутый «феминизм» Раша Лимбаха.

Д. Б.: Теории заговора — не новость в американской истории. Ричард Хофстедтер написал о «параноидальном стиле в американской политике». Но мне кажется, что теперь есть другие способы внедрения всех этих теорий. Теперь есть СМИ, есть радио. Люди это слушают.

— То, о чем вы сейчас говорите, — правда. Однако, должен признаться, что меня в большей степени все-таки беспокоят New York Times и Boston Globe, чем ситуация с Рашем Лимбахом. Думаю, что, несмотря на помешательство по поводу «черных вертолетов», ООН и Совета по международным отношениям, все же это не приносит такого вреда, как формируемое ими общественное восприятие таких вещей, как преступность, программы свободного рынка или всеобщего благосостояния. Эти вещи гораздо опаснее. К примеру, американцы считают, что они чрезмерно обременены налогами из-за огромных денежных выплат со стороны государства матерям из черных семей. На самом деле наша система государственного обеспечения нищенская. За последние двадцать лет она очень резко опустилась вниз. Всеобщая убежденность в том, что «мы живем под бременем налогов», — вот что действительно имеет значение.

Д. Б.: В своей книге «Язык и ответственность» (Language and Responsibility), обсуждая известные эпизоды, связанные с операциями ФБР COINTEL-

PRO и «Уотергейтским скандалом», Вы заметили, что «одним из ключей к пониманию всей теперешней ситуации является то, что людей заставляют думать, что все это лишь исключение, в то время как общий рисунок остается скрытым». Не было ли здесь в Ваших словах намек на взрыв в Оклахома-Сити?

— Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду. В каком смысле?

Д. Б.: Что в действительности стоит за этим событием?

— Соединенные Штаты хотят, чтобы подобные взрывы происходили на территории других государств, — что мы и делаем регулярно, — но они не хотят, чтобы подобные вещи происходили здесь. Никому здесь не нужно, чтобы взрывались федеральные здания. Это то, что мы позволяем себе делать с другими, и что запрещается делать у нас. Конечно, то, что случилось, им не понравилось. И в первую очередь, им не понравилось то, что они оказались не в состоянии контролировать действия полувоенных организаций. Пятьдесят лет пропаганды, стимулирующей антиправительственные настроения, не прошли даром. Пятьдесят лет пропаганды, которая делала все возможное, чтобы скрыть факт, что правительство отражает лишь частные интересы представителей корпоративной власти, и что именно эти последние являются подлинной политической силой.

Посмотрите на озлобленных белых мужчин, которые чаще всего и образуют те самые полувоенные

формирования, или «милиции», как их ошибочно называют. Эти люди озлоблены. Большая часть из них — люди со средним образованием. Их доходы за последние 15 лет упали на 20%. Они оказались в такой ситуации, что больше не могут делать все то, что считают необходимым, не могут обеспечивать семьи. Их жены вынуждены идти работать, и часто способны больше зарабатывать денег, чем их мужья. Их дети буквально сходят с ума, потому что на них никто не обращает внимания. Их жизнь медленно разрушается. Кого же они будут винить? Вряд ли Fortune 500, поскольку для этих людей корпоративная власть попросту не существует. С другой стороны, в течение полувека вся мощная система пропаганды — от развлекательных СМИ до школьных учебников — твердили им постоянно, что за все происходящее вокруг отвечает правительство, и в том случае, если что-то происходит «не так», то виной государственный бюрократический аппарат. Правительство представляет собой нечто такое, что существует как бы независимо ни от каких внешних влияний. Так что если вдруг ваша жизнь неожиданно рушится, обвиняйте правительство.

В работе правительства многое происходит «не так». Однако самый значительный вред, который приносит правительство, заключается в том, что оно, по существу, есть всего лишь отображение чего-то другого. Что есть это «другое» — увидеть нельзя. Почему? Потому что было сделано все возможное для того, чтобы не дать это увидеть. Стоит ли удивляться тому, что когда вы знакомитесь с пропагандистской кампанией Клинтона, то замечаете, что речь в ней идет о рабочих и предприятиях, но ни-

когда не говорится ни слова о хозяевах и инвесторах. Все это — конечный результат интенсивнейшей пропаганды, длившейся на протяжении полувека. Если люди озлоблены и напуганы, то они, естественно, обратятся к тому, что находится в поле их зрения. Вот почему было предпринято столько усилий, чтобы искусственно ограничить их кругозор и направить внимание этих людей исключительно на работу правительства.

В действиях пропаганды есть только один существенный недостаток: они способны спровоцировать демократию, в то время как частные корпорации принципиально недемократичны. Они не хотят, чтобы люди начали думать: «Мы можем делать с правительством все, что хотим. Мы можем его превратить в инструмент нашей политической власти». Они не хотят, чтобы люди так думали. А поскольку они так не думают, то возникает так называемый популизм, который в действительности никаким популизмом не является. Это не тот популизм, который вам говорит: «Отлично, давайте будем осуществлять контроль над правительством, давайте его использовать как инструмент для подавления и уничтожения частной власти, которая не имеет права на существование». Никто так не говорит. Мы лишь слышим, что с правительством что-то происходит «не так», и поэтому давайте взорвем федеральные здания.

Д. Б.: На мой взгляд, наиболее впечатляющий комментарий по поводу взрыва в Оклахома-Сити был дан в интервью Стэнли Бедлингтона на CNN 25 апреля, где он был представлен в качестве «специалиста по терроризму из ЦРУ». Он сказал, —

это было сразу же после теракта, — что, вообще-то говоря, все могло быть значительно хуже. Ему был задан вопрос: «Почему?» На что он ответил: «По причине резкого ухудшения экономической ситуации в сельской Америке». Я был буквально потрясен, услышав такое.

— Речь идет не только о сельской Америке. Да, те люди, о которых он говорит, вышли из сельских районов. Это правда, что в сельской Америке, где правительство мало что контролирует, обстановка для появления военизированных формирований более благоприятна, чем в городских трущобах. Но ведь эти проблемы существуют в Нью-Йорке, в Бостоне и чуть ли не по всей стране. Эти проблемы — далеко не случайны и являются следствием определенных объективных причин. Не для кого не секрет, что реальная оплата труда за последние пятьдесят лет постоянно снижается, тогда как доходы Fortune 500 постоянно растут. Страна дала трещину, и что характерно, многое здесь напоминает судьбу стран «третьего мира». Сейчас происходит огромный, чрезмерный прирост населения, и что следует делать в такой ситуации, никто толком не знает. Власть имущие предпочитают, как правило, «лишних» людей бросать в тюрьму. В их интересах добиться того, чтобы люди их постоянно боялись. С этой целью они каждый день занимаются тем, что, с одной стороны, культивируют страх у людей перед так называемым «криминалом», а с другой — провоцируют их помешательство на почве вопроса о государственном обеспечении. Это настоящая проблема. В сельских районах она предстает в виде роста числа полувоенных формирований, однако она

существует везде. Бедлингтон прав. Это очень большая проблема. Это то, с чем они постоянно встречаются едва ли в каждой стране «третьего мира». Вот для чего им нужны все эти «отряды особого назначения», службы безопасности. Дело в том, что иначе они просто будут не в состоянии справиться с этой проблемой — то есть с людьми, которые гибнут у них под ногами.

Д. Б.: Давайте немного поговорим о теориях заговора, потому что их роль в наше время очень велика. Любопытно, что Ваши работы и исследование Холли Склар о «трилатерализме» часто цитируются как свидетельство заговора, по всей вероятности, масонов, которые регулярно проводят собрания в Богемской роще и все прочее в том же духе. На мой взгляд, если риторика выходит из под контроля, то всякое критическое исследование на этом заканчивается. Никакие доводы разума более не нужны. В качестве доказательства начинают ссылаться на чье-то мнение. И высшим судьей с непререкаемым авторитетом становится радио. Говорят: «Я слышал это по радио, следовательно, это все — правда».

— Да, вы правы, конечно. Все обстоит именно так. Я вижу, выступая по «правому» радио, что когда я говорю о том, что мне не нравится, это имеет некоторый резонанс. Масонские съезды в Богемской роще меня совершенно не интересуют. Я говорил пару раз о «Трехсторонней компании» и регулярно читаю все то, что они выпускают. Но это настолько скучно, что не заслуживает внимания вообще.

Д. Б.: Но ведь Вы говорите о том, что существует мировое правительство de facto. То же самое говорят и они.

— Я никогда не говорил о мировом правительстве de facto. Я просто цитировал The Financial Times. Я говорил о том, что The Financial Times, ведущая газета мира по вопросам бизнеса и экономики, сообщает, что существует мировое правительство de facto, которое возглавляют не масоны, а транснациональные корпорации и институты, которые они порождают. В действительности существует только одна реальная централизованная власть, и это — транснациональные корпорации, в руках которых находится большая часть мира. Fortune 500 сейчас принадлежит 63% валового национального продукта США, в руках транснациональных корпораций находится огромная доля мировой торговли и инвестиций. Они порождают целый набор квази-правительственных институтов. The Financial Times перечисляет их один за другим: Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация. Конечно, это их собственный взгляд на вещи, но он, в общем и целом, достаточно адекватно отражает реальное положение дел. Но это не заговор.

Д. Б.: «Левые», разумеется, тоже не свободны от этого. Теории о существовании различных секретных организаций, буквально рыскающих вокруг, бесчисленные теории политических убийств и т. д. Интересно, что «левые» могут предложить таким людям, как Тимоти Маквей и Марк Кернке. Они ведь не слушают «Альтернативного радио» и

Ваших книг не читают. Как они могут до них достучаться?

— Я думаю, «левым» необходимо делать то, что они, например, не смогли осуществить на митинге, на котором мы с вами недавно были, когда сюда приезжали рабочие из Декейтера и просили поддержки и солидарности. Вот где «левые» должны были проявить активность. Я ничего не могу сказать по поводу Тимоти Маквея, но полагаю, что «левые» должны были, в первую очередь, призывать всех этих ребят вступать в профсоюзы, учреждать местные организации и проникать в органы местного самоуправления. Если «левые» не в состоянии этого сделать, то непонятно зачем они вообще существуют.

Д. Б.: Объясните мне, пожалуйста, такую вещь. 9 мая в MIT состоялся митинг в честь Труда и Справедливости. Бастующие рабочие Декейтера, которым был объявлен локаут, пришли на него, чтобы привлечь внимание к своим проблемам. Насколько Вы помните, в зале было всего человек семьдесят пять, не больше. Печальный факт, согласитесь. Около двух месяцев назад в той же самой аудитории, когда Вы читали доклад о Восточном Тиморе и Колумбии и о войне с наркотиками, публики было во много раз больше. Чем Вы можете объяснить столь разительное несоответствие?

— Причина этого могла быть чисто технической, например, недостаточная информация. Кроме того, должен напомнить, что это был первый мой публичный доклад, прочитанный здесь, в большом поме-

щении, за последние, может быть, двадцать лет, если не больше, и зал, разумеется, был не так уж переполнен. Этот доклад впервые продемонстрировал мою солидарность с рабочими. Я сомневаюсь, что здесь просто совпадение. Я полагаю, что это говорит о неспособности «левых» делать то, что они призваны делать, и находиться там, где они должны в первую очередь быть. Был ведь еще один митинг, которому уделили значительно меньше внимания, чем я ожидал. Это митинг по поводу «Контракта с Америкой», который опять касался благодеяния матерей и бедняков.

Д. Б.: Трудно предсказывать будущее. Мне вспоминаются строки из стихотворения Йейтса «Второе пришествие»: «Вещи рассыпались в прах; центр притяжения больше не держит. Воды анархии обрушились в мир... Сколь яростен зверь... Не родится ли кто в Вифлееме?» Но в условиях Оклахома-Сити и нынешнего драконовского роста внутри ФБР структур слежения, наблюдения и контроля за населением — что, как Вы полагаете, нас ожидает?

— Еще до событий в Оклахома-Сити Конгресс успел отменить четвертую поправку, которая была своеобразным исключением из исключительного закона и разрешала, по сути своей, незаконный обыск. Это предшествовало событиям в Оклахома-Сити. Так что случившееся потом, конечно, отчасти добавило мощи ФБР. Но я не думаю, что это будет иметь особенный эффект. Дело совсем не в этом. Так называемым консерваторам нужно сильное, жесткое государство, и конечно, при таком государ-

стве должна быть сильная система безопасности. Именно по этой причине в течение 1980-х годов население тюрем в США выросло втрое. И продолжает расти. Согласно клинтоновской программе уголовного законодательства очень сильно вырастет. Штаты являются фактически единственной страной, — может быть, сюда можно включить еще Иран, Ирак и некоторые другие страны, — где государству позволено убивать детей, то есть где существует смертная казнь для несовершеннолетних. Соединенные Штаты редко подписывают международные конвенции по правам человека. В этой области нам принадлежит печальный рекорд. Но совсем недавно мы подписали Международную конвенцию по правам ребенка. В списке стран, ее подписавших, мы сто семьдесят седьмые, и это уже кое о чем говорит. В одном из положений этой конвенции сказано, что несовершеннолетние, то есть лица, не достигшие 19-летнего возраста, не должны подвергаться пожизненному заключению или смертной казни. Но мы, одни из немногих, едва ли не каждый день нарушаем то, что сами же подписали. Эта атака на судебную и правовую системы не имеет ничего общего с Оклахома-Сити. Она непосредственно связана с целью создания мощного полицейского государства, которое справится с тем, что огромное количество людей совершенно бесполезны для единственной человеческой ценности, которая все еще имеет значение, а именно — получение прибыли. По моему мнению, это важнее любых прав, которые ФБР может получить в результате событий в Оклахома-Сити. Это плохо, точно так же как плох Раш Лимбах. Но случаются и более важные вещи.

*Д. Б.: Ранее мы говорили о Вашем сравнении те-
перешней ситуации в США с Германией 30-х годов
и Ираном. Как Вы относитесь вообще к аналогии
как виду доказательства? Многие люди по всей
стране в один голос начали говорить о Веймарской
республике и даже о поджоге Рейхстага. Считаете
ли Вы, что подобные аналогии способствуют пони-
манию вещей?*

— Аналогии могут быть полезными, не нужно со-
всем от них отказываться. Следует обращать внима-
ние на то, что некоторые события нашего времени
имеют исторический прецедент. То есть что они не
приходят с Марса. Существуют, конечно, и ни на
что не похожие ситуации. Вы можете критически
отметить различия. Разумеется, изучая историю,
можно кое-что извлечь для себя.

*Д. Б.: Что Вы можете сказать о политическом
использовании ислама, мусульман и арабов в усло-
виях того, что началось сразу после взрыва в Ок-
лахома-Сити?*

— Я советую вам обратиться с этим вопросом к
моему «другу» А. М. Розенталю. Меня удивило, что
Times позволяет ему свободно высказываться. Его
последние публикации дают вам яркую картину
того, какова была эта газета в то время, когда он со-
стоял главным редактором. Сейчас он ведет в Times
постоянную рубрику. Весь смысл его статьи, по-
явившейся на следующий день после событий в
Оклахома-Сити, сводится к следующему: «Из все-
го этого необходимо признать, что мы не справля-
емся с арабским терроризмом. Давайте их бомбить

по всей территории». Другими словами: «Кто это
сделал, мы точно не знаем, но в любом случае да-
вайте бомбить Ближний Восток». Это было сказано
не в таких выражениях, но «подтекст», — позаим-
ствую ваш термин, — был именно таков, как я ска-
зал. И не очень-то был скрытым этот «подтекст».
Через пару дней оказалось, что это были военизи-
рованные группировки «правых». Тогда он написал
другую статью, где говорилось: «Теперь стало окон-
чательно ясно, что мы здесь столкнулись не с ближ-
невосточным терроризмом, так что давайте, в кон-
це концов, подойдем к делу серьезно и займемся
террористами с Ближнего Востока». Надо сказать,
что речь у него шла о специфической разновиднос-
ти этого терроризма. Он, например, говорит не о том
терроризме, когда израильские самолеты бомбят
деревни в Ливане, и уничтожают мирное население.

*Д. Б.: Или же о бомбежках, организованных ЦРУ
в 1985 году.*

— О бомбежках, организованных ЦРУ в Бейру-
те, которые очень напоминают события в Оклахо-
ма-Сити, вообще не принято говорить. Дисциплини-
рованность СМИ, сказавшаяся в «забвении» бейрут-
ских событий 1985 года, вероятно, худшей бомбар-
дировки в истории человечества, когда целью было
исключительно гражданское население, производит
сильное впечатление, особенно с учетом стенаний о
том, что центральные американские штаты будут
теперь выглядеть как Бейрут, а также угроз бом-
бить всякого, кто попадет под подозрение в причас-
тности к взрывам в Оклахома-Сити, — не в Бейру-
те. На эту очевидную аналогию между событиями

в Бейруте и Оклахома-Сити постоянно указывалось прессе. Я знаю это по личному опыту. Но таинственным образом эти слова не были никем услышаны. Для тех, кому это интересно, я написал специально книгу, изданную Алексом Джорджем, которая называется «Терроризм в Западных штатах». В США эта книга никогда не освещалась и нигде не упоминается, о чем, впрочем, легко догадаться, если судить по названию.

В прессе не принято говорить о бомбардировке Бейрута, которая потом в точности повторилась в Оклахома-Сити. Нет ни слова и о теперешних бомбардировках на Ближнем Востоке. Израиль регулярно бомбит гражданские объекты в Ливане. На это никто не обращает внимания. Разумеется, время от времени можно встретить отдельные упоминания об этом в печати. Ливан в течение месяца находился в кольце израильской блокады. Израильские солдаты не позволяли рыбакам выходить в море. Блокада страны — акт военной агрессии. Но никто об этом не говорит. Все, что сейчас происходит на Ближнем Востоке, идет в нарушение принятых единогласно резолюций Совета Безопасности ООН, которые были подписаны США еще 20 лет назад. Но для них это не терроризм. Фактически они отказываются говорить даже о Турции, об оккупации Ирака. Даже о бесспорных проявлениях террористической деятельности, не вызывающих сомнения в том, что это действительно терроризм, и где непосредственным образом замешаны США, не принято распространяться. Возьмите, к примеру, случай с Pan Am-103. Взгляните на Иран. Он сейчас считается центром международного терроризма. Если где-то что-то случается, разумеется, это

Иран. Никаких доказательств не надо. Существует только одно крайне интересное исключение: никто не возлагает ответственность на Иран в случае с гибелью Pan Am-103. Почему? Как случилось, что именно этот террористический акт не был приписан Ирану? Тем более что это, по всей вероятности, единственный эпизод, о котором с уверенностью можно сказать, что он был действительно инициирован Ираном. Почему же в данном случае против Ирана не было выдвинуто никаких обвинений? Напротив, все обвиняют в гибели самолета Ливию, — на очень шатких основаниях. Не думаю, чтобы требовалось много времени, чтобы это понять. Очень похоже на то, что взрыв Pan Am-103 была ответной реакцией на расстрел судном американских военно-морских сил «Винсенн» иранского пассажирского самолета в Персидском заливе, что было настоящим убийством. В «Трудах Института Военно-морских сил США» уже появилось несколько публикаций на этот счет. Самая последняя из них написана отставным подполковником ВМФ США, где он подробно описывает то, что видел собственными глазами. Командир «Винсенна» получил за это орден «За боевые заслуги». Корабль просто направил свое сверхсовременное боевое оружие на гражданский самолет, находившийся в гражданском воздушном пространстве, и расстрелял его, уничтожив при этом 290 человек. Этот эпизод был всего лишь частью непродолжительной стычки США с их другом Саддамом Хусейном во время ирано-иракской войны. Это не та история, которую можно пустить на первые страницы газет, поэтому за расстрел Pan Am-103 Иран никакой ответственности не несет, притом что это, возможно, единственный эпизод, за

который Иран действительно отвечает. Так что обеспокоенность американских властей проблемой ближневосточного терроризма очень избирательна, подобно тому, как избирательной является обеспокоенность в США проблемой исламского фундаментализма. Какое государство в мире является самым фундаменталистским? Саудовская Аравия. Но о ней вы никогда не услышите ни единого слова. Почему? Потому что ребята в этой стране хорошо выполняют свою работу. Прибыль от нефти поступает в США, вот почему они могут позволить себе быть сколь угодно фундаменталистами. Разумеется, здесь мы имеем дело с самой низкопробной пропагандой. Удивительно только то, что им это постоянно сходит с рук.

Д. Б.: Мне всегда хотелось узнать, откуда у Вас имеется доступ к «Трудам Института военно-морских сил США»? Вам их, что, присылают на дом? Вы на них подписываетесь?

— Я слежу за ними. Скажем, видел где-нибудь ссылку, пошел и посмотрел. Вся центральная пресса писала об этой истории. В Newsweek была по этому поводу обширная публикация два-три года тому назад. Впервые мне что-то встретилось в лос-анджелесской Times. В этой статье, в частности, упоминалось, как командир соседнего с «Винсенном» судна, Дэвид Карлсон, рассказывал: «Мы стояли и смотрели на происходящее, не веря своим глазам». Там же сообщалось, что в «Трудах Института военно-морских сил США» была опубликована его статья, и я быстро ее разыскал. Затем я начал следить за этим изданием и наткнулся на более позднюю

статью о военно-морском прикрытии. В конце этой статьи, я помню, цитировался некий высокий армейский чин, который решительно заявлял: «Военно-морской флот США нельзя отпускать в открытое море, это чересчур опасно». Действительно, это не тот материал, который вы сможете прочитать на страницах центральной печати.

Удивительно, что на фоне всех этих разговоров вокруг Ирана, мы только сейчас подвергаем эту страну эмбарго, обвиняя ее в причастности к терроризму. Эта страна себе на уме. Все сходят с ума из-за Pan Am-103 и почему-то не замечают, что это единственный эпизод, который не связывается с Ираном, но к которому он, скорее всего, имеет самое непосредственное отношение.

Любопытно также и то, что Соединенные Штаты обвинили в гибели самолета нескольких ливийцев, но теперь уже стало понятно, что суда над ними не будет. Ливия предложила, чтобы их судили на нейтральной территории, например, в Гааге, но Штаты и Великобритания отказались, дав, таким образом, понять, что им не нужен суд, который бы они не смогли контролировать. Британский комитет семь жертв катастрофы с негодованием воспринял этот отказ. Американский же комитет шел до конца рука об руку с вашингтонской пропагандой, так же как и вся центральная американская пресса. Документальный фильм о гибели Pan Am-103 был показан в Британском парламенте и на BBC. У нас PBS отказалась его демонстрировать, а о коммерческом телевидении и говорить не приходится. Попытайтесь найти что-нибудь об этом в СМИ.

Д. Б.: Вы упомянули А. М. Розенталя и его напад-

ки в *Times*. Но необязательно ходить так далеко. Здесь, в Бостоне, Хоуи Карр в своем ток-шоу высказался, что взрыв в Оклахома-Сити был устроен «группой бритоголовых». Кстати, была в Оклахома-Сити одна небольшая история с иранской женщиной, беженкой. Вы слышали о ней?

— Нет, не припоминаю.

Д. Б.: Кристофер Хитченс писал об этом в The Nation. Кроме этой статьи я мало встречал публикаций по этому поводу. Захер аль-Сауди была на 8 месяце беременности. Ее дом был атакован толпой бродяг, выкрикивавших оскорбления в адрес ислама и мусульман. Они разбили все окна в доме. Женщина в ужасе металась из комнаты в комнату, и у нее случился выкидыш.

— Но ведь не Хоуи Карр тому виной. Причина подобных эксцессов заключается в постоянных, повторяющихся каждый год публикациях в центральной печати, рисующих арабских террористов, исламских фундаменталистов сумасшедшими, неизвестно почему нападающими то на Израиль, то на нас. «Соединенные Штаты сейчас находятся в опасности», — это заявил президент Клинтон, который связал создавшееся в стране положение дел со страшной угрозой национальной безопасности и национальным интересам, исходящей от «Хезболла» в Ливане и «Хамас» на оккупированных территориях. Так что Хоуи Карр здесь ни при чем.

Д. Б.: Продолжая тему политических проблем, связанных с исламом, процитирую Вилли Клаеса,

Генерального Секретаря НАТО в Брюсселе. В феврале он сделал следующее заявление: «Исламский фундаментализм так же опасен, как коммунизм».

— Имел ли он в виду Саудовскую Аравию? Нет. Это как в случае с еретиками в истории церкви. Все, что не поддается контролю, опасно. Если контролю не поддается какая-то часть исламского фундаментализма — это опасно. Если контролю не поддается какая-то часть представителей католической церкви — это опасно. Если контролю не поддается политик-демократ из Гватемалы — он опасен. Если ты не поддаешься контролю — ты опасен. Исламский фундаментализм — один из многочисленных способов того, как всеми униженная и подавляемая часть мирового сообщества начинает организацию своего независимого существования. Естественно, с этим нельзя смириться. И дело здесь вовсе не в исламском фундаментализме как таковом, это уж точно. Лидирующее государство исламского фундаментализма — Саудовская Аравия. Но даже оставим пока государства. Обратимся к негосударственным деятелям. Кто на сегодняшний день в мире самые крайние представители исламского фундаментализма? Те, кого Соединенные Штаты десять лет поддерживали в Афганистане. Они затмевают всех. Гулбеддин Хекматъяр, например. Нельзя мимо него пройти. На его фоне Саудовская Аравия выглядит едва ли не образцом светскости и гуманизма. Он получал помощь в размере 6 миллиардов долларов от США и Саудовской Аравии. Именно из-за него сейчас страну раздирают на части. Это не Пол Пот. С тех пор, как американцы ушли, прекратились всякие разговоры о зверствах. Сейчас ушли русские, и как

только это произошло, сразу же началось тотальное опустошение всей страны. И за этим стояли все те же «наши ребята», наподобие Хекматъяра. Кабул разрушен. Тысячи, может быть даже десятки тысяч людей убиты. Число беженцев составляет, наверное, сотни тысяч. Афганистан стал одним из главных центров по производству наркотиков. «Наши ребята» — это самые что ни есть фанатичные исламские фундаменталисты, но, конечно же, нас это нисколько не беспокоило, когда мы набивали их карманы миллиардами долларов.

Д. Б.: Да, операция ЦРУ в Афганистане перешла в Пакистан, где производство наркотиков широко распространено. Вы об этом писали. Теперь Беназир Бхутто просит помощи у США, чтобы справиться с пакистанскими террористами.

— Я бы хотел прояснить только одну деталь. Когда речь заходит о той или иной «операции ЦРУ», то это означает операцию Белого дома. ЦРУ никогда ничего не делает по собственной инициативе.

Д. Б.: Именно с этим связаны Ваши недавние разоблачения, касающиеся Гватемалы.

— Это тема для очень серьезного разговора. Я не спорю, может быть, иногда и случались какие-нибудь внештатные операции, но насколько я могу судить, ЦРУ всегда делало только то, что велел ему Белый дом. Роль ЦРУ заключалась во все времена только в том, чтобы создать Белому дому наиболее правдоподобное прикрытие, так что людям не следует попадаться на эту удочку. Если ЦРУ проводит

операцию, значит, ему приказали ее провести. Они сами являются только частью операции.

Д. Б.: Я должен быть на самолете меньше чем через час. Мысленно я уже в аэропорте, но давайте поговорим еще несколько минут. Я хотел задать Вам вопрос об избирательности нашей памяти. Я помню рассказы матери о нашей деревне в турецкой части Армении. Это был рай, по ее словам. Я никогда от нее не слышал о тех временах ни одного плохого слова. Однако если мы сейчас обратимся к жизни Вашей семьи в Филадельфии в 1940-е годы, то можете ли Вы сказать, какую информацию Вы получали в то время о ситуации в Европе? Вы хорошо понимали, что там происходит?

— Вы имеете в виду 1930-е годы?

Д. Б.: Не просто 1930-е годы, а именно геноцид.

— Все более или менее хорошо представляли себе, что происходит. Когда наступил 1943 год, во всяком случае, не позднее этого срока, все уже стало понятно и произошел общественный взрыв. Даже перед войной ощущение возрастающего ужаса было ощутимо в кругах, где жили мои родители. Но вернемся в 1930-е годы, говоря о воспоминаниях. На днях на митинге в Декейтере показывали видеофильм, запечатлевший жестокость полиции по отношению к рабочим. Мне эти вещи врезались в память еще в 1934—1935 годах, когда полицейские часто позволяли себе и гораздо худшие формы насилия.

Помню, я ехал в троллейбусе со своей матерью. Мне было тогда лет пять. Бастовала текстильная

фабрика, и женщины — фабричные работницы — стояли в пикете. Мы проезжали мимо и видели, как полицейские избивали этих женщин-пикетчиц. Это зрелище было гораздо хуже того, что на днях в Декейтере демонстрировали по видео, хотя, конечно, и в данном случае жестокости было предостаточно. Такие у меня сохранились идиллические детские воспоминания. В 1930-е годы мне было понятно, что нацисты представляли собой зловещую и опасную силу, которая, как темное облако, омрачала каждый день моего детства. В начале 1940-х годов, примерно в середине войны, мне уже было понятно все от начала и до конца, может быть, мы не знали всех подробностей, касающихся Аушвица и так далее, однако общая картина совершенно ясна.

Д. Б.: В те дни Вы много читали. Кажется, в фильме «Производство согласия» отмечено, что Вы обычно брали в библиотеке десять, двенадцать, четырнадцать книг за раз.

— В то время действовала очень хорошая библиотечная система. Это было одним из способов пережить Великую Депрессию. Я много времени проводил в Центральной публичной библиотеке Филадельфии. Это была большая библиотека, в ней было все. Брать книги на дом не разрешалось, но я, просиживая в ней часами, читал действительно очень много, в том числе мне попадались разрозненные диссидентские журналы, некоторые были ерундой, а некоторые интересные.

Д. Б.: Возвращаясь к сегодняшним дням... Вы поведуете скептицизм. Свои доклады Вы часто за-

канчиваете словами: «Не верьте тому, что я говорю. Пойдите и выясните все сами». Когда, на Ваш взгляд, скептицизм перерастает в болезненную паранойю, что произошло, на мой взгляд, с некоторыми из членов этих военизированных организаций?

— Скептицизм может привести к паранойе, хотя это вовсе необязательно. Всякий хороший ученый всегда в первую очередь скептик. Каждый раз, когда появляется новый научный журнал, студенты читают его со скептицизмом, если они, конечно, чего-то стоят, потому что им хорошо известно, что все необходимо всегда подвергать сомнению и всему давать соответствующую оценку. Но когда вы читаете специальный журнал со скептицизмом, это вовсе не означает, что вы предполагаете, что его подготовили на тайном масонском собрании для того, чтобы разрушить ваш разум. Это уже тревожный сигнал. Разница между одним состоянием и другим заключается вот в чем: когда скептицизм основан на принципах понимания и рациональности, это позиция очень здравая, однако в том случае, если за ним находятся только вакуум и пустота, скептицизм — очень опасная вещь. В этом случае человеческий разум становится опустошенным, и скептицизм, действительно, очень быстро заканчивается паранойей. Хочется только заметить, что основная тяжесть вины за пустоту, что находится в головах у многочисленных наших граждан, несут, разумеется, государство и современная система образования.

Д. Б.: Но пропаганда ведь действует постоянно, и воздействие ее на людей с каждым годом только

растет. Вы частично разделились с Лимбахом и тем, что он представляет. Но ведь у Лимбаха под рукой 20 миллионов слушателей, тогда как у нас с Вами такой аудитории нет.

— У нас с вами нет, но у коммерческого телевидения и Голливуда аудитория во много раз больше. По поводу Лимбаха я говорю лишь, что это второстепенное явление. Это вроде фильмов, которые я смотрел в далекой молодости, таких как «В порту» (On the Waterfront). Это был типичный фильм своего жанра. На производство подобных фильмов уходили десятки миллионов долларов, тогда как идея у них у всех была одна: профсоюзы — злейший враг рабочих людей. Главный герой этого фильма, его сыграл Марлон Брандо, — прямой, очень честный и очень смелый парень — бросает профсоюзного босса в океан и тем самым отстаивает свои права. Эта картина внушает нам: мы на одной стороне («мы» — это рабочий класс), и тот, кто сидит в административном офисе, и тот, кто работает на конвейере, — мы все на одной стороне. Но существуют плохие парни, которые стараются разрушить нашу счастливую совместную жизнь, чужаки, профсоюзные боссы. Вот почему мы должны себя всячески от них защищать. Надо признаться, что эта идея срабатывала безотказно. Все это привело к нынешней ситуации.

Какова же позиция населения? Думаю, около 80% считают, что рабочие не пользуются достаточным влиянием. Очень многим кажется, что профсоюзы пользуются чрезмерным влиянием. Это сделал не Раш Лимбах. Это является результатом десятилетий интенсивнейшей пропаганды, направ-

ленной специально на то, чтобы лишить людей чувства солидарности, симпатии, поддержки и желания помогать друг другу, — то есть всего того, что отстаивают профсоюзы. Лишить людей чувства понимания, симпатии и поддержки — значит открыть прямую дорогу к паранойе. Такие вещи как раз и способен эксплуатировать какой-нибудь демагог вроде Лимбаха, но думаю, мы должны понимать, где корень истинной проблемы. Не там. Гораздо глубже. У них ничего бы не вышло, если бы не существовало такой тщательно подготовленной основы.

Д. Б.: Не знаю, известно ли Вам то обстоятельство, что режиссером этого фильма был Элия Казан. Он одобрял работу комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Марлон Брандо играет роль человека, чье сотрудничество с властями всяческим образом поощряется и оправдывается.

— Элия Казан был одним из тех, кто попал под влияние маккартизма, и он действительно сотрудничал с комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Никаких комментариев у меня на этот счет нет. Нельзя винить людей только за то, что они оказываются не героями, а обыкновенными людьми. Я и в самом деле думаю, что он мог бы проявить больше смелости, как, скажем, Лилиан Хеллман, но мне-то легко говорить. Да, он поступил так. И правда то, что случилось. Но это был самый успешный жанр и довольно интересный. По-моему, этот фильм вышел в том же году, что и «Соль земли» — очень серьезный, малобюджетный,

но отлично сделанный фильм. Он ничем не уступает фильму «В порту» по эстетическим или любым другим критериям, главное его отличие — идея профсоюзов дана как положительная. Его показывали в маленьких кинотеатрах подальше от центра. Потому что это была не та идея, которую многомиллиардная индустрия развлечений была готова нести в массы. Драматический контраст, и ни в коем случае не единственный. Это типичное явление для десятилетий пропаганды.

Д. Б.: Каковы Ваши ближайшие планы относительно поездок и книг? Я знаю, что скоро выйдет Ваша новая книга по лингвистике. Будут ли новые книги по политике?

— Надеюсь. В любом случае, пару книг я уже обещал. Неделю я был в Австралии и обещал записать свои доклады, а они их опубликуют. Может быть, и здесь их кто-нибудь напечатает. Там рассматривается множество различных тем. Кроме того, я обещал издательству South End попытаться продолжить эту серию статей об «Откате», которая публикуется в журнале «Z».

Д. Б.: Как обстоят дела с Вашей книгой о Ближнем Востоке — «Роковой треугольник»? Вы ведь, насколько я помню, собирались ее переработать?

— Меня неоднократно просили переработать ее и приблизить к сегодняшнему дню. По правде сказать, третья глава моей только что вышедшей книги «Мировые порядки: старые и новые», и вообще

вся эта книга примерно на треть напрямую касается последних событий на Ближнем Востоке. Против переработки своей прежней книги я тоже не возражаю. Об этом регионе можно много сказать.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
РЕЗЕРВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

31 МАЯ 1995 ГОДА

Д. Б.: У меня вылетело из головы, чем Вы занимаетесь обычно по средам — гольф или теннис?

— И то и другое. (Смеется.)

Д. Б.: Ненавижу напоминать Вам о таких вещах, Ноам, но в 1995 году исполняется 40 лет Вашей работе в Массачусетском технологическом институте (MIT).

— Да, это так.

Д. Б.: Как Вам все-таки удалось попасть на эту работу?

— После четырех лет, проведенных в Гарварде и в «Обществе Друзей», я оказался, по существу, без определенной профессии, без рекомендаций для вступления в академическую среду, и вообще без каких-либо обязательств перед ученым миром. Я даже не был уверен, что мне это вообще все нужно. Но в MIT у меня были друзья. Моррис Халле, вы его знаете?

Д. Б.: Конечно, у него офис через коридор от Вашего.

— Мы подружились с ним, будучи еще студентами. Он и тогда уже работал здесь, — часть времени отдавая исследовательской работе, и часть — преподаванию. В Исследовательской лаборатории электроники был запущен проект по проблеме машинного перевода, представляющий интерес для лингвистики. Вот тогда-то он и Роман Якобсон помогли. Я встретился с директором лаборатории, мы немного поговорили. Я сказал ему, что со своей стороны был бы, разумеется, счастлив работать в лаборатории, но только не над этим проектом, который мне чужд, а над тем, это мне самому покажется интересным, а также преподавать и т. д. Это всех устроило. И вот, при таких обстоятельствах я пришел в Институт и стал выполнять ту работу, которая мне самому казалось интересной; здесь же, в Исследовательской лаборатории электроники, я работаю и сейчас, в том же самом старом деревянном здании эпохи Второй мировой войны. Помимо этого я начал немного преподавать.

Примерно за пять лет упорной работы нам с Моррисом удалось достичь кое-каких результатов. К нам начали проявлять интерес люди со стороны. Стали приходиться посетители. Вскоре у нас уже был свой собственный кандидат в доктора наук, которого нам пришлось провести через факультет электроники, потому что своего факультета у нас тогда еще не было. Собственный факультет нам удалось открыть, если не ошибаюсь, в 1960 году.

Д. Б.: Вы мне рассказывали, что когда Вы только начали работать в МИТ, то оказались в рабочей группе, отличавшейся среди прочих своей политической активностью.

— Нет, это было уже в другое время. А тогда о политической активности никто не помышлял. Я могу ошибаться, но, по-моему, я был первым человеком в лаборатории, который отказался проходить проверку на благонадежность. Наша лаборатория финансировалась военными, и процедуры по проверке благонадежности сотрудников были обычным делом. Я отказался их проходить. Я полагаю, что все тогда сочли мой поступок не более чем причудой, потому что, в конечном счете, я добился только того, что был лишен права бесплатных поездок на военно-воздушном транспорте и все прочее в том же духе. Мой поступок посчитали тогда настолько странным, что у меня есть такое чувство, что именно я был первым, поступившим таким образом. Я не знал здесь вообще политически активных людей.

Д. Б.: Значит, все это началось значительно позже, — я имею в виду таких людей, как Уэйн О'Нил и другие?

— Все это началось десять лет спустя.

Д. Б.: Чувствовали ли Вы, что кто-то был внутренне на Вашей стороне?

— Внутренне? Политические союзники? Нет. Я не мог на это рассчитывать. Моя политическая жизнь тогда проходила не в этих стенах. Однако должен вам сказать, что через несколько лет я встретил на факультете людей, интересы которых были очень близки с моими, некоторые были старше меня, например, Сальвадор Лурия, нобелевский лауреат по биологии. Я не помню, был ли он здесь,

когда я пришел. Но спустя несколько лет он точно здесь работал. Он был старше меня, но у нас с ним было много общих интересов. Мы встретились, должно быть, в начале 1960-х годов. Были и другие люди. Мой друг Луи Кампф и кое-кто еще. К началу 1960-х годов люди начинали спланиваться.

Д. Б.: Те исследования, которые проводились Вами в 1950—1960-х годах, осуществлялись за счет федерального финансирования?

— О, разумеется. Не только за счет федерального, но и за счет военного финансирования. В сущности, финансируется ли что-нибудь военными или нет — это находится в ведении бухгалтерии. МИТ существует прежде всего на живые деньги, а не за счет инвестиций или платы за обучение. Как эти деньги распределяются — дело крайне таинственное и даже для бухгалтерского отдела не совсем понятное. Я могу это со всей ответственностью утверждать, потому что однажды мне довелось принять участие в работе комиссии, которая несколько лет спустя попыталась в этих вещах разобраться. В определенном смысле, все финансируется военными, даже музыкальный факультет. Смысл в том, что если бы не было военного финансирования, скажем, для факультета электротехники, и пришлось бы искать другие фонды, то от некоторых факультетов, например, музыкального, пришлось бы вообще отказаться. Так что, это, прежде всего, вопрос бухгалтерии. Если вы возьмете, к примеру, те мои книги, что были написаны в начале 1960-х годов, то вы обратите внимание на официальное объявление на первой странице, где говорится, что «данное иссле-

дование стало возможным благодаря поддержке...» — и далее перечисляются три службы. Однако все дело в том, что работа самой лаборатории «стала возможной» лишь при поддержке этих трех служб. Так это или не так сейчас, точно я не могу сказать.

Д. Б.: Насколько сильно изменился Институт за те годы, что Вы здесь работаете?

— Большие изменения действительно имели место — вследствие изменений в науке и в характере математического образования, которые происходили в стране около 1960 года. В определенной степени причиной этих событий стал запуск «Спутника», во всяком случае, он послужил подходящим предлогом. Дело в том, что Конгресс и вся страна были страшно обеспокоены тем, что русские нас опередили. Это стало причиной бесконечных вмешательств государства в сферу высшего образования и систему преподавания математических дисциплин в школе. В течение короткого промежутка времени в МИТ приходили студенты, которые были очень хорошо подготовлены. Потом МИТ начал меняться, и не в лучшую сторону. Главным образом, это следовало из того, что студенты, приходившие в МИТ из какой-нибудь инженерно-технической школы, — а Институт в 1950-е года как раз и являлся одной из таких «школ», во всяком случае, именно так обстояли дела, когда я впервые здесь появился, — так вот, эти студенты оказывались тем самым в специализированной математической школе, во что и выродился Институт к середине 1960-х годов. Значительно большее число студентов стало специализироваться

по математике и фундаментальным наукам. Классические инженерно-технические дисциплины начали приходить в упадок, число людей, знающих как построить мост или что-нибудь в этом роде, уменьшилось. Студенты утратили интерес к этим вещам. Оставшиеся инженерные факультеты, в основном, дублировали планы научных курсов. Так, например, на электротехническом факультете стали заниматься не тем, как соединяются цепи, но основательно изучать физику и математику — точно так же, как это было на факультетах физики и математики, за исключением, может быть, применения этих знаний для решения собственных проблем электротехники. То же самое можно сказать об инженерно-техническом образовании в области авиации и машиностроения и так далее. В конечном счете, базой для Института стала наука, а не техника.

Одним из последствий этого стал значительный рост гуманитарных наук. Инженеры 1950-х были очень профессионально ориентированы. Для них гуманитарные науки были своего рода деликатесом. Это то, что следовало бы знать, чтобы вежливо разговаривать с людьми. Однако к 1960-м годам у студентов, изучавших математику и другие научные дисциплины, появилось больше свободного времени. Учеба уже не занимала всего их времени, и у них стали появляться новые интересы. В силу указанных обстоятельств студенты начали требовать расширения учебных программ по гуманитарным наукам. Я и сам был в этом лично заинтересован. В особенности меня волновала судьба преподавания философии, — вот почему я принял тогда самое непосредственное участие в работе по изменению учебной программы по этому предмету. Прежде это было

похоже на программу для «подготовительных классов», нечто вроде: «Давайте, друзья, почитаем интересные книжки». Мы же хотели иметь настоящую программу по философии — как для студентов, так и для аспирантов.

Похожее произошло и с историей. Примерно в это время жизнь пошла полным ходом и на других факультетах. В институте один за другим были открыты биологический и психологический факультеты, а также компьютерный факультет, — и все это стало возможным благодаря одной единственной лаборатории электроники. Лаборатория электроники, где был и я, представляла собой чрезвычайно странную и сложную смесь людей, интересовавшихся разного рода «необычными» темами, и через какой-то момент на основе всех этих «интересов» стали возникать целые факультеты. К настоящему времени некоторые из них достигли очень солидных размеров. Факультет биологии, психологии, лингвистики, философии, компьютерных технологий, — у всех этих факультетов был один общий источник — наша лаборатория. К середине 1960-х годов MIT представлял собой своеобразное заведение, — это был скорее университет и исследовательский институт, чем просто высшая инженерная школа. Перемены, затронувшие MIT, сказались на всем — на самих студентах, учебных планах и т. д.

Пока все это развивалось вне сферы политических интересов, до известной степени. Надо сказать, что с начала 1960-х годов центр пацифистской деятельности, — как-то: подписание политических заявлений, организация протестов, — находился именно в MIT, а не в Гарварде. Так что даже если в целом институт был более консервативным, чем,

например, Гарвард, политическая активность проявлялась главным образом именно здесь. Несколько человек были с периферии — из Гарварда или из Бостонского университета, как, например, Говард Зинн, — но ведущая роль принадлежала МИТ, хотя изначально это была очень небольшая группа преподавателей. Кроме нее существовала также маленькая группа и среди студентов, куда входили люди вроде Майка Альберта и Стива Шаломы и других, тех, кто учился здесь в середине 1960-х годов. Начиная с 1965—1966 годов они все были уже политически активными. Добавьте к этому также и то, что я в это время — вместе с Луи Кампфом — вел здесь очень большие лекционные курсы для выпускников по современным социальным и политическим проблемам, роли интеллигенции, альтернативным выборам и т. д., на которые приходили сотни студентов. Но только к концу 1968 года, или к началу 1969-го, Институт стал действительно серьезной политической силой и начал принимать участие в антивоенном движении и иных подобных делах.

Д. Б.: Вы часто выступаете с докладами в МИТ. За последние несколько месяцев Вы выступили с докладом о ситуации в Колумбии, о войне с наркотиками и о Восточном Тиморе, а совсем недавно — с докладом в поддержку рабочих Декейтера, штат Иллинойс.

— МИТ по-прежнему продолжает играть важную роль общественной трибуны и центра университетского активизма. Если какая-нибудь общественная организация захочет провести митинг, вероятнее

всего, что они обратятся в МИТ, а не в Гарвард или Бостонский университет. Гораздо более вероятно. Вот почему у нас постоянно проходят все эти митинги, причем всегда в одной и той же аудитории — № 26-100.

Д. Б.: Новый директор ЦРУ, Джон Дейч, в прошлом был проректором МИТ. Вы его знали лично?

— Не то чтобы очень хорошо, но знакомы мы были.

Д. Б.: Я потому задаю Вам этот вопрос, что на секунду представил, как Вы, уйдя из МИТ, сделаете себе сумасшедшую карьеру в Лэнгли.

— Не думаю, что до этого дойдет. (Смеется.) Мы, в общем-то, были друзьями и неплохо ладили, хотя буквально по всем вопросам у нас имелись существенные разногласия. Мне он нравился. Он честный, очень прямой человек. С ним всегда было понятно, как держаться. Мы говорили о разных вещах. Если между нами возникали разногласия, они всегда были открытыми, резкими, ясными и чистыми. Мне это нравилось. Никаких проблем с ним у меня не возникало. Я был одним из немногих на факультете, как мне говорят, кто поддерживал его кандидатуру на должность президента МИТ.

Д. Б.: Которой он не получил, верно?

— Часть преподавателей была настроена против него.

Д. Б.: Хочу задать вопрос, который Вам и без того часто задают после ваших докладов. Как Вы можете работать в МІТ? Вам никогда не мешали здесь работать?

— Напротив. МІТ всегда оказывал мне поддержку. В частности, я уверен, что в 1960-х годах я создавал администрации Института много различных проблем. Я сейчас не помню цифр, но в 1969 году благодаря совместным усилиям преподавателей и студентов было предпринято детальное изучение той самой проблемы, о которой мы с вами только что говорили, — проблемы финансирования МІТ, — то была учреждена комиссия, занявшаяся деятельностью лабораторий, принадлежащих к военной сфере. И я вошел в состав этой комиссии. Нам удалось установить, что финансирование МІТ осуществлялось в то время почти полностью Пентагоном. Около половины институтского бюджета поступало от двух главных военных лабораторий, всецело действовавших под контролем военного ведомства, а остальная часть денег, так сказать, «на академические цели», — это могло бы быть что-то около 90%, — шла непосредственно из Пентагона. Что-то в этом роде. Так что финансовой базой для Института был Пентагон. И я работал в те годы в лаборатории, финансируемой военными.

Но никогда, что бы я ни делал и что бы ни говорил, мне ни в чем не ставили преград. МІТ, пожалуй, принадлежит рекорд в деле защиты академической свободы. Я уверен, что на Институт оказывалось давление, — может быть, не со стороны правительства, но, во всяком случае, со стороны бывших выпускников, — это наверняка. Я в то вре-

мя был у всех на виду при организации протестов и сопротивления. Факты вам известны. Однако никаких проблем ни у меня, ни у моих сотрудников не возникало, ни у кого, насколько я знаю.

Д. Б.: Люди всегда удивляются, когда Вы так об этом говорите.

— Напрасно. Это доказывает только то, что на самом деле большинство людей не понимает, как все происходит. Университет, базирующийся на фундаментальной науке, — такой как МІТ, например, — обладает большими свободами в этом отношении.

Д. Б.: Давайте поговорим на экономические темы. Начать я бы хотел с обсуждения того, что представляет собой Федеральное резервное управление. Какова его роль?

— Федеральное резервное управление в основном контролирует такие вещи, как процентные ставки. Первоначально его официальной задачей было, по меньшей мере, поддерживать низкий уровень инфляции и высокую степень занятости населения. Одной из его ближайших задач было сделать все возможное, что могло бы способствовать достижению максимально полной занятости. Разумеется, речь никогда не заходила о ста процентах, но что-то близкое к тому. Но эта задача отошла далеко на задний план. Теперь для Федерального резервного управления существует только одна цель первостепенной важности — предупреждение инфляции, и это является следствием тех процессов, которые произошли в недавнее время в международных фи-

нансовых кругах. Дело в том, что за последние двадцать пять лет количество нерегулируемого финансового капитала в мире фантастически возросло, и обращаются все эти деньги очень быстро, — благодаря новейшим достижениям в сфере телекоммуникаций и т. д. В день, например, через финансовые рынки может пройти сумма в 1 триллион долларов. Главным образом речь здесь, конечно, идет о валютных спекуляциях. Денежный капитал помещается в те отрасли или в те регионы, для которых есть основание предполагать, что обращение капитала будет происходить стабильно в условиях высокой безработицы и низкого экономического роста, в силу чего инфляция невозможна. Действия Федерального резервного управления всегда имели антиинфляционный характер. Если вы вкладываете деньги, скажем, в облигации, вашим главным врагом становится потенциальная инфляция, которая одновременно означает потенциальный экономический рост. Следовательно, вы должны избегать тех отраслей, которые будут стимулировать экономическое развитие. Процентные ставки, подконтрольные Федеральному резервному управлению, всегда в этом случае будут иметь тенденцию подниматься вверх — с целью предупреждения стимулирования экономики и возможной инфляции, так как одно без другого не происходит. Отсюда возникает тот демпинговый эффект, что сказывается на экономическом росте и занятости населения. В общей сложности получается так, что безработица постоянно растет, а стоимость труда падает. Вот почему стремление к достижению полной занятости населения, бывшее изначально как минимум частью формальных обязанностей Федерального

резервного управления, на сегодняшний день сошло на нет.

Д. Б.: Есть интересное высказывание, сделанное Полом Волкером в 1979 году, когда он был главой Федерального резервного управления. Он сказал, что «жизненный уровень среднего американца с необходимостью будет падать вниз». Вот Вам пример политики, которая принесла результаты!

— Да, но дело тут не в одном Федеральном резервном управлении. Это часть общих процессов, происходящих в национальной и международной экономике, а также следствие совершенно особой социальной политики. В этом смысле ваша оценка происходящего не вполне верна. Например, существуют всевозможные способы замедлить движение финансовых капиталов, установить защиту денежного обращения и поддержать политику стимулирования, проводимую правительством. Все это всем давно хорошо известно, но ничего не предпринимается потому, что существуют обязательства перед определенной социальной политикой. Эта политика направлена, главным образом, на то, чтобы «отодвинуть назад» «государство всеобщего благосостояния». Если вам интересно, то есть отличная статья по этому поводу в последнем номере журнала Challenge, очень хорошего экономического журнала, написанная крупным специалистом по вопросам международной экономики Дэвидом Феликсом. Статья посвящена так называемому «налогу Тобиана». Речь идет о предложении, сделанном Джеймсом Тобином, нобелевским лауреатом по экономике, в Йеле в 1978 году. Этот его доклад имел боль-

шой резонанс. Сам Тобин был в то время президентом Американской экономической ассоциации, и это было его президентское обращение. В этом докладе он указал на то обстоятельство, что поток финансового капитала и его многократное увеличение приводит к снижению темпов экономического роста и заработной платы и оказывает существенное воздействие на рост имущественного неравенства и концентрацию богатства в ограниченных кругах населения. Он предложил тогда ввести налог, который имел бы международный статус, и который бы предусматривал наказание финансовых фондов за их чрезмерную приверженность валютным спекуляциям. Впоследствии этот налог назвали «налогом Тобина». В течение нескольких лет этот законопроект промурыжили в ООН, и, в конечном счете, он был благополучно прикрыт. Точка зрения Дэвида Феликса в упомянутой мной статье такова, что, конечно, на сто процентов уверенным быть нельзя, однако в том случае, если бы этот налог был утвержден, то это, скорее всего, привело бы к многочисленным положительным результатам, и поток капитала из области интересов исключительно спекулятивных, экономически бесполезных и фактически разрушающих национальную экономику, автоматически был бы перенаправлен на более продуктивное инвестирование. В целом это могло бы дать позитивный эффект. Но этот законопроект не был поддержан даже секторами частного капитала, которые бы только выиграли. Дэвид Феликс считает причиной этого классовый интерес, который стоит у этих людей на первом месте, отодвигая их частные интересы на задний план. Классовый интерес заключается в том, чтобы использовать финансовый кризис го-

сударственных структур с целью скорейшего разрушения общественного договора, который с таким трудом создавался, их ближайшая цель — отодвинуть назад рост всеобщего благосостояния, урезать права профсоюзов, права рабочих и т. д. Этот классовый интерес настолько силен, что люди согласны на сокращение государственных инвестиций даже в тех отраслях, от которых во многом зависит состояние их кошелька. Все это в изложении Дэвида Феликса выглядит очень правдоподобно. И Федеральное резервное управление имеет к этому непосредственное отношение.

Д. Б.: Федеральное резервное управление de facto является чуть ли не Центральным банком Соединенных Штатов. Но ведь оно, по существу, является частной организацией, — или я не прав?

— Нет, это не частная структура. Федеральное резервное управление не зависит ни от каких особых распоряжений правительства, и президент не может отдавать ему приказы. Однако его члены и директор назначаются через правительство.

Д. Б.: Другими словами, это президентские назначения?

— Да. Но по существу они независимы.

Д. Б.: Складывается впечатление, что Федеральное резервное управление и другие центральные банки на сегодняшний день не в состоянии стабилизировать и контролировать курсы валют с той степенью эффективности, как это было некогда.

— Да, все это в прошлом, эта система давно уже перестала существовать, в общей сложности она продержалась до начала 1970-х годов, не более.

Д. Б.: Вы говорите о Бреттон-Вудской валютной системе?

— Да.

Д. Б.: Однако недавно, когда курс доллара резко упал по отношению к йене и марке, центральные банки попытались его несколько стабилизировать.

— Мне это не представляется очевидным. Может быть, европейские банки пытались. Что же касается американских банков и правительства США, то здесь не все ясно. Вовсе не очевидно, что стабилизация доллара вообще входила в их планы. Возможно, что падение доллара казалось им манной небесной.

Д. Б.: Но ведь это именно Вы всегда утверждали, что торговцы и спекулянты сегодня контролируют больше капитала, чем все центральные банки?

— Это утверждаю не я, это утверждают все.

Д. Б.: Дэвид Питерсон процитировал мне на днях отрывок из классического труда Джона Мейнарда Кейнса середины 1930-х годов «Общая теория занятости, процента и денег». Кейнс пишет: «В то время как организация рынков ценных бумаг медленно улучшается, риск тотального господства спе-

куляции в мире постоянно растет. Спекуляции могут не причинить вреда, если они — не более чем пузырьки воздуха в ровном и мощном потоке предпринимательства, но дело принимает серьезный оборот, если предпринимательство становится пузырьком в водовороте спекуляций».

— Так и случилось. Вот почему Бреттон-Вудская валютная система, становлению которой Кейнс много способствовал, действительно обладала реальными механизмами валютного регулирования. Основная идея этой системы заключалась в том, что доллар в те дни являлся международной валютой из-за всепоглощающей промышленной и экономической мощи Соединенных Штатов, которая действительно была огромной. Так что доллар являлся в то время действительно подлинной международной валютой. Он был фиксирован относительно золота, тогда как все остальные валюты регулировались относительно доллара. Бреттон-Вудская валютная система располагала множеством средств, гарантирующих определенную степень гибкости в зависимости от экономического роста, спада и т. д. Это была фундаментальная система. Она была демонтирована США в одностороннем порядке в начале 1970-х годов, когда Соединенные Штаты решили, что оставаться по-прежнему «международным банкиром» более не имеет смысла. Это решение было связано с целым рядом обстоятельств: развитие более или менее трехсторонней экономической системы (то есть, помимо американской, системы, главной составляющей частью которой была Япония, и европейской системы, основным компонентом которой была Германия), и также цена войны

во Вьетнаме, и те выгоды, которые извлекли из этой войны противники и соперники США. Все это в своей совокупности привело администрацию Никсона к этим решениям.

В то время, когда эти решения принимались, финансовые спекуляции были еще «пузырьками». Общая оценка состояния дел в тот период приблизительно такова: около десяти процентов капитала на международных биржах можно было отнести на счет спекуляций, девяносто процентов были вложены в реальную экономику, инвестиции и торговлю. К 1990 году эти цифры поменялись местами. Почти девяносто процентов были отданы спекуляциям, и только десять — торговле и инвестициям. Дэвид Феликс недавно провел исследование для ЮНКТАД (Конференции Объединенных Наций по торговле и развитию), в ходе которого он, в частности, обнаружил, что к 1994 году около 95% капитала имели спекулятивное происхождение и только 5% принадлежали сфере реальной экономики. Случилось именно то, о чем в свое время беспокоился Кейнс.

Д. Б.: Кейнс также предупреждал: «Если развитие капитала страны становится побочным эффектом деятельности казино, то это означает, что дела идут плохо».

— К 1980-м годам международную экономику часто называли «экономикой казино». Есть даже книга с таким названием, ее автор — известный британский экономист Сьюзан Стрейндж. Эту фразу подхватили потом и другие. Джеймс Тобин много говорил об этих вещах в 1978 году, когда это все только еще начиналось.

Д. Б.: Как Вы считаете, нынешняя экономическая система сможет и дальше работать в прежнем цикле взлетов и падений, или же ее ожидает крах? Все ли сделано для того, чтобы 1929 год не повторился?

— Никто не имеет ни малейшего понятия. В начале 1980-х годов, когда разразился долговой кризис, банки высказали опасение, что они не смогут его сдержать. Народ их вытащил из долговой ямы. Огромный долг стран «третьего мира», выросший во много раз за очень короткое время, стал одной из важнейших проблем, когда процентные ставки США резко подскочили вверх, так как значительная часть долга была привязана к доллару. Поскольку, с одной стороны, процентные ставки резко подскочили вверх, тонны денег потекли из стран типа Латинской Америки. Не из Восточной Азии, потому что в Восточной Азии капитал контролируется, так что богатые корейцы не могли посылать свой капитал в Соединенные Штаты. Это все контролируется. А богатство Латинской Америки, которая в силу различных исторических причин более открыта международным рынкам, просто потекло в банки США. Это привело к полному краху в Латинской Америке. Фактически долг Латинской Америки не сильно превосходит размер потока капитала, направленного из Латинской Америки. Кроме того, процентные ставки этого долга пошли вверх, потому что они связаны с процентными ставками США.

Затем случился этот страшный долговой кризис. Было очень похоже на то, что ведущие страны Латинской Америки: Бразилию, Мексику и другие —

ожидает дефолт. Крупные банки были крайне обеспокоены. Все было тонко решено за счет налогоплательщиков. Это было подхвачено Всемирным Банком. Так или иначе, большая часть долга была переведена в социальную сферу, и банки были спасены.

В 1987 году разразился другой, столь же значительный кризис. Еще один — только что, в декабре 1994-го. Никто не знал, причиной какого эффекта домино мог бы стать мексиканский обвал, и угрожал ли он финансовым рынкам других стран «третьего мира», основу которых, как мексиканского рынка, составляли спекуляции. В планы Клинтона не входила выплата компенсаций людям, вложившим свои деньги в спекуляции в Мексике. Они либо сумели вытащить свои деньги, либо их потеряли. Задача заключалась в том, чтобы поддержать экспорт капитала в такие страны, как Аргентина, и дать людям гарантии, что там потерь не будет. Так что именно помощь налогоплательщика должна поддерживать относительно безопасные капиталовложения через общественные фонды, но для мексиканских инвесторов это не так уж много. Этот кризис, похоже, тоже сдержали. Но никто, я думаю, не знает, что может произойти в следующий раз. Предсказывать что-либо в этой области бессмысленно. Взгляните на прогнозы международных экономистов и Всемирного банка по поводу Мексики, и станет ясно, насколько можно полагаться на их слова. До самого краха они были полны эйфории относительно перспектив Мексики, этого великого экономического чуда. После обвала они стали говорить, что уже давно его предвидели. Попробуйте найти этому подтверждение.

Д. Б.: Давайте вернемся назад к проблеме занятости населения. До недавнего времени в США было принято полагать, что полная занятость населения — цель правительства США. С тех пор многое драматично изменилось.

— Сейчас даже теоретически не ставится задача обеспечить полную занятость населения, как это имело место в конце 1940-х годов. Тогда эта задача, пусть в теории, была, и даже частично была осуществлена, но теперь это все уже в прошлом. Теперь ситуация совершенно иная, она называется «естественный уровень безработицы». Предполагается, что существует некий «естественный» уровень. И когда безработица почему либо опускается ниже своего «естественного уровня», тогда возрастает инфляция. Поэтому лучше, чтобы безработица оставалась бы на своем «естественном уровне». Есть различные мнения о высоте этого уровня, но она весьма значительна, больше шести процентов.

Д. Б.: Эта цифра мне представляется явно надуманной.

— Нет, она не надуманна. Она имеет определенное значение. Значение ее заключается в следующем: желательно, чтобы заработная плата оставалась достаточно низкой, чтобы не было угрозы потенциальной инфляции.

Д. Б.: Я имел в виду, что множество людей вообще не вошло в эти проценты.

— Но так было всегда. Официальный процент

безработных всегда был ниже реальной безработицы. Всегда есть люди, не состоящие на бирже труда или отказавшиеся от предложенной им работы, те, которые пребывают вне сферы видимой экономики. Так что это всего лишь цифры. Так было и в то время, когда речь шла всего лишь о трех процентах.

Д. Б.: Даже если человек работает, скажем, один час в неделю, он уже не считается безработным.

— Я не назвал бы эти цифры «надуманными», ведь все знают, как это делается. Цифры что-то измеряют. Но, конечно, они не измеряют количество людей, имеющих постоянную работу, соответствующую их желанию.

Д. Б.: Для корпоративной власти, похоже, наличие постоянной армии безработных представляет очевидную выгоду.

— Только следует иметь в виду, что теперь речь идет уже о международной армии безработных. Во время последнего спада, возвращения Клинтона, этого периода роста за последние два года, несмотря на то, что трудовая занятость возросла, соответствующего роста заработной платы не было, хотя так должно происходить на нормальном трудовом рынке. Если занятость возрастает, и резервная армия безработных уменьшается, логично ожидать также ответного роста заработной платы. Но этого не произошло. Никто не знает наверняка, но вероятно, что частично причиной является наличие угрозы простого переноса производства куда-то в дру-

гое место. Эту угрозу не нужно обязательно реализовывать. Достаточно факта ее существования.

Здесь нет никакой абстракции. Возьмите, скажем, нынешние забастовки в Декейтере, критический момент в истории рабочего класса. Три могущественные корпорации, только одна из которых располагается в США (две другие — в Великобритании и Японии), вовлечены в конфликт, целью которого является уничтожение остатков промышленных профсоюзов в США в этом старинном пролетарском городе. Один из заводов сейчас находится в состоянии локаута. Два других с формально-юридической точки зрения бастуют. Следовало сказать «бастовали», потому что United Auto Workers уже прекратило свое существование. Так что остаются только два. Эти забастовки для корпораций желательны, потому что они хотят уничтожить профсоюзы.

Они объяснили, как они могли бы это сделать. Caterpillar, американская корпорация, имеет прибыль извне. Она, как и другие важнейшие корпорации, получает огромную прибыль, так что капитал у них очень солидный. С этим нет никаких проблем. Но последние несколько лет они использовали свои прибыли для наращивания дополнительных мощностей в других странах. Например, в Бразилии у них есть заводы, где за труд они могут платить меньше. Заметьте, это делается не ради экономической рентабельности. Напротив, это делается ради власти. Дополнительные мощности наращиваются не ради экономической рентабельности, а ради власти, в качестве угрозы рабочим у себя на родине. В этом суть дела.

Возьмите другой пример из современной жизни. Он как раз показывает, что это все не абстракция, а

реальность. Я говорю о торговой войне, которая в наши дни ведется с Японией. Посмотрите на происходящее внимательно. Соединенные Штаты стараются заставить Японию открыть свои рынки для запасных частей автомобилей, изготавливаемых американскими производителями. Это серьезная проблема. В интервью Wall Street Journal американские производители заявили, что открытие японских рынков очень бы их порадовало. Но они сказали, что посылали бы туда товар не с американских заводов, а с азиатских. Потому что они уже организовали сеть производителей на местах, где рабочие дешевле и которые расположены гораздо ближе к японскому рынку. Так что, если Япония уступит в этом конфликте, очень маловероятно (во всяком случае, так считает Wall Street Journal), что в США будет больше рабочих мест, хотя прибыль и пойдет в США.

Д. Б.: Почему сейчас Клинтон нажимает на Японию?

— Ему бы доставило удовольствие, если бы американские автомобилестроители и их инвесторы получали еще большую прибыль.

Д. Б.: Что может произойти, если это дело дойдет до Всемирной торговой организации (ВТО), и она выступит против США?

— Генеральное соглашение по таможенным тарифам и торговле (ГАТТ), предшественник ВТО, в ряде случаев принимало постановления против США. На это просто не обращали внимания. И ник-

то не собирается оказывать давление на США, поскольку страна слишком большая. У Всемирной торговой организации есть свои механизмы. ГАТТ и ВТО имеют свои методы наказывать страны, которые играют не по правилам. Но вспомните, что это за методы. Если, например, Никарагуа обвинит США в нарушении правил ГАТТ, что имело место, и если решат, что правда на стороне Никарагуа, что также имело место, то Никарагуа вправе наказывать США, подняв, например, тарифы на американский импорт. Это не шутка. С другой стороны, если Штаты захотят что-нибудь сделать с Никарагуа, они могут уничтожить эту страну, действуя по тем же правилам. Но кто попытается закрыть свои рынки для американского экспорта?

Д. Б.: Пару месяцев назад мы говорили с Вами о деле, которое рассматривается сейчас в Международном Суде, относительно нефти Восточного Тимора, в которое оказались вовлечены Португалия и Австралия. Есть ли какие-нибудь новости?

— Нет, и не будет еще несколько месяцев. Судебный процесс завершился в начале февраля. Затем в течение нескольких месяцев Суд принимает решение. Предполагают, что это будет осенью. Не так-то легко будет получить информацию. В США я не видел никаких упоминаний об этом деле.

Д. Б.: Откуда же Ваши сведения?

— Из других источников. Прежде всего, это австралийская, португальская и вообще европейская пресса.

Д. Б.: В Вашем недавнем докладе о забастовке рабочих Декейтера, который Вы сделали здесь, в MIT, 9 мая, прозвучало несколько интересных замечаний, о которых мне хотелось бы с Вами поговорить. Вы сказали тогда, что нынешний политический климат в США — «в некотором роде мечта организатора», и что «налицо ситуация, при которой возможности для организации и восстановления демократической культуры очень высоки». На чем основан Ваш оптимизм?

— По правде говоря, это замечание принадлежит не мне, а моему другу Майку Альберту. Думаю, оно точное. Сейчас имеет место общее настроение страха и беспокойства, гибели иллюзий, цинизма и осознания того, что все идет не так, как должно, и основа этого в нашей современной реальности. Для, возможно, восьмидесяти процентов населения жизненный уровень не изменился или даже ухудшился за последние пятнадцать лет. Никакой надежды они не видят. Главным виновником они считают правительство, а не Fortune 500. Но это результат многих лет эффективной пропаганды, которая держит в тени источник принятия решений. Однако корень проблем надо искать именно там. При надлежащей мобилизации мог бы быть очень конструктивный ответ. Давайте конкретизируем. Возьмите этих людей, называющих себя «милицией». Конечно, они никакая не милиция. Любая милиция организуется государством. Но эти полувоеенные организации, которые называют себя «милицией», люди типа Тимоти Маквея, если внимательно к ним присмотреться, что они собой представляют? По большей части — это белые, при-

надлежащие к рабочему классу, имеющие что-то вроде среднего образования. Это, во многом, люди того же типа, что 60 лет назад создавали Конгресс производственных профсоюзов (CIO). Почему они сейчас не делают что-нибудь в том же духе? Это мечта для организатора, но их организацией никто не занимается.

Д. Б.: Верно.

— Вы помните митинг, тот эпизод, когда выступал тот рабочий из Staley?

Д. Б.: Очень хорошо.

— Его выступление мне показалось чрезвычайно красноречивым. Не знаю, есть ли оно у вас в записи, если есть, вам обязательно надо его посмотреть. Он описывает, какой бы он хотел, чтобы была его жизнь, и какой, он считал, она должна стать. Я готов с вами поспорить на что угодно, что если взять наугад любого человека из этих самых полувоеенизированных группировок, вы получите ту же самую картину или нечто очень похожее. Если люди, такие как этот парень, загнаны в угол, если у них отнимают такую жизнь и возможность вести осмысленное существование, иметь серьезную работу, семью и все такое прочее, о чем он говорил, — в том, чего он просил, нет ничего чрезмерного. По сути, это было достойно похвалы. Но если эти возможности отнять, эти люди могут выбирать между двумя направлениями. Либо они присоединяются к каким-нибудь военным группировкам (или выбирают другую разрушительную деятельность, вариантов тут

тысячи), либо становятся людьми, которые будут восстанавливать гражданское общество, чтобы все снова стало похоже на демократическую систему. Различие между ними только в разных обязательствах и разном понимании, а не в социальном происхождении и даже не в целях.

Д. Б.: Я заметил, в частности, после Вашего возвращения из Австралии в конце января, что Вы находились тогда в приподнятом расположении духа и были полны сил и энергии. За весь весенний период Вы, похоже, ничуть этого не утратили. Я прав?

— Не знаю. Во многом поездка в Австралию была встряской для меня, это принесло в мою жизнь оживление. Но я сомневаюсь, чтобы подобная ситуация когда-нибудь повторилась. Для меня существует некий естественный цикл смены активности и желания работать, энергии и упадка сил.

Д. Б.: Насколько я понимаю, Ваш академический год ведь практически завершен?

— И не только академический. Ритм активности в США, я говорю об активности организованной — разного рода встречи, доклады и так далее — скорректирован так, что все это совпадает с академическим годом. Так что в июне здесь замирает все.

Д. Б.: Вы, наверное, с нетерпением ждете того, как будете проводить лето в Веллфлите, на Мысе Доброй Надежды?

— Вообще говоря, у меня накопилось много ра-

боты. Ненадолго уехать куда-нибудь — приятно, однако мне предстоит основательно потрудиться.

Д. Б.: Наверное, будете плавать и ходить под парусом?

— Надеюсь. Там будет видно.

Д. Б.: Что же, увидимся в Z-Media Institute в Вудз Хоул через пару недель. Всего Вам хорошего!

«ОГРАБЬ БЕДНОГО
И НАКОРМИ БОГАТОГО»

31 ОКТЯБРЯ И 3 НОЯБРЯ 1995 ГОДА

Д. Б.: Вы следили за этим делом в Международном суде, — я говорю о спорах вокруг соглашения о разделе Тимора. В частности, Вы говорили о том, что здесь столкнулись интересы Австралии и Португалии. Есть ли на данный момент какие-нибудь подвижки?

— Да, 30 июня Международный суд огласил свое решение, которое, по существу, решением не является. Суд «принял решение» попросту обойти этот вопрос стороной. Вместо этого были рассмотрены процедурные вопросы, вроде того, можно ли вообще продвинуться в этом деле, если на заседаниях не присутствует Индонезия, и затем, если бы удалось достичь согласия на этот счет, то тогда можно было бы перейти к более важным вопросам, но они остановились на процедурных вопросах. Двенадцатью голосами против трех Международный суд постановил, что рассмотрение этого дела не может быть продолжено за отсутствием Индонезии, и на этом проблема оказалась исчерпана. С другой стороны, если прочесть судебное постановление до конца, оно покажется не совсем бесплодным. К примеру, в нем сказано, что согласно международному законодательству неотъемлемое право Восточного Тимора на самоопределение сомнению не подлежит. Однако далее говорится, что выносить решение относитель-

но технической стороны договора суд не имеет права ввиду отсутствия одной из сторон, а Индонезия отказывается принимать в этом участие, подобно тому, как Соединенные Штаты поступили в деле с Никарагуа. В случае с Никарагуа Международный суд данное обстоятельство не остановило, но в случае с Восточным Тимором он отказался давать делу ход.

Д. Б.: Вы отметили сравнительное превосходство Австралии над Португалией в споре по данному вопросу.

— Я не видел всех записей целиком, но то, что я видел из португальских материалов, меня не впечатлило. Что же касается Австралии (опять-таки, я могу говорить только о том, что видел сам), то с юридической точки зрения все ясно. В конце концов, нужно помнить, что даже в Международном суде и в Верховном суде закон — это, в значительной степени, разновидность дуэли, где истина и подлинный смысл находятся где-то на задворках. В значительной степени все это — шоу и техника, не более того. Один эпизод, упомянутый Австралией и смутивший Португалию, хотя он и не имеет отношения к делу, имеет отношение к сделкам с Марокко и Западной Сахарой. Австралия задействовала его для того, чтобы показать: «Португалия лицемерит». Двух секунд не требуется, чтобы понять, что лицемерят они или нет — это не имеет ни малейшего отношения к делу. Но во время судебных слушаний и консультаций все это оправдано. Это обычная судебная процедура. И австралийцы показали, что они хорошо этим владеют. Австралия — страна

«первого мира», и они знают, как играть в эти игры.

Д. Б.: Португальская позиция мне не вполне известна. Поддержала ли Португалия марокканскую аннексию Западной Сахары?

— Всех подробностей этого дела я не знаю, но очевидно, что Португалия заключила какую-то сделку с Марокко относительно природных ресурсов Западной Сахары или что-то в этом роде. Австралийцы раскопали эту информацию и заявили: «Это же явная аналогия, как вы можете даже поднимать вопрос о Восточном Тиморе?» Самое большее, о чем может свидетельствовать данный инцидент, это о лицемерии Португалии, но вопрос-то не в этом. Но на суде именно это может иметь решающее значение.

Д. Б.: Вы недавно вернулись после целой серии выступлений в Вашингтоне и Орегоне. Там было все, к чему Вы уже давно могли привыкнуть: огромное количество публики, овации стоя и тому подобные вещи. Однако мне кажется, Вы ощущаете некоторое беспокойство. С чем это связано?

— Говоря откровенно, когда я вижу перед собой огромную массу народа, что в наше время стало обычным явлением, я часто испытываю смешанные чувства. Это отчасти меня угнетает, и по многим причинам. Например, начинаешь слишком многое относить на свой счет. Смысла в этом нет никакого, одно беспокойство. Кроме того, со временем начинаешь замечать, насколько существенна разница между пассивным участием и активной заинтересо-

ванностью людей. Эти мои выступления были обставлены очень хорошо. Организаторы делали то, что многие должны были бы делать, а не делают. В каждой аудитории, где я выступал, снаружи стояла дюжина столов, на которых всегда можно было найти — вот оно, мыслимое чудо организации! — листки с тезисами докладов и всевозможные разъяснения. Так что если бы кто-нибудь захотел к чему-нибудь приложить свою руку, то он без труда мог бы найти ответ на вопрос, что именно он в состоянии сделать в своем родном городе. Мне часто задают вопрос, на который у меня все еще нет ответа (по правде сказать, я не знаю ни одного человека, у которого был бы ответ). Вопрос звучит приблизительно так: «Все плохо, ужасно и становится все хуже и хуже. Что же нам делать?» Вы смогли бы ответить на этот вопрос? К несчастью, на протяжении всей истории человечества на этот вопрос не было никакого другого ответа, кроме как одного: «Над этим необходимо работать».

Существуют тысячи способов работы над «этим». Начать хотя бы с того, чтобы раз и навсегда осознать: никакого «этого» нет. Напротив, есть множество самых разных вещей. Можно ставить перед собой большие задачи и иметь тысячу планов в голове, однако существенным будет другое, — а именно те шаги, которые вы станете предпринимать с целью их скорейшей реализации. Они могут иметь самый разнообразный характер, начиная с заботы о голодающих детях в Центральной Америке или Африке и борьбы за права рабочих здесь, в США, до проявления элементарного беспокойства о том, что загрязнение окружающей среды — серьезная проблема. Нет ничего, что было бы единственно пра-

вильным. Все зависит от ваших интересов, от исходящего вокруг, от появившихся проблем и т. д. С этим необходимо считаться. В одиночку вы никогда не добьетесь значительных результатов. Иногда кое-кому удается, но это бывает редко. Большей частью вам придется постоянно работать с другими людьми, вместе со всеми вы медленно постигаете сущность идей, получаете новую информацию и пытаетесь обнаружить решение, справедливое в отношении той или иной частной проблемы. Если когда и случаются бóльшие или меньшие перемены, то это, как правило, происходит в силу указанных мной причин.

Если некий чудесный ответ на этот вопрос и существует, то мне он не известен. Когда мне задают этот вопрос, то в самой постановке и в самой интонации — разумеется, я пристрастен — мне постоянно слышится следующее: «Назовите, пожалуйста, средство, которое даст мгновенный положительный результат, а то я даже беспокоиться не захочу, своих дел хватает». Однако ничто из того, чем понастоящему стоит заняться, к мгновенному результату не приведет никогда.

Возвращаясь к исходной точке, хочу заметить, что и во время этих моих выступлений организаторы мне говорили, что им приходилось иметь дело с огромным количеством разнообразных заявок. Люди спрашивают: «Можно мне работать в вашей группе? Что я могу сделать? У вас есть какие-нибудь предложения?» Если это срабатывает, то все в порядке. Но чаще всего существует определенная пропасть между численностью аудитории, ее реакцией, пусть даже очень активной, и тем, что из всего этого получается. Это угнетает.

Д. Б.: У организаторов подобных мероприятий Вы по-прежнему идете нарасхват. Не подумываете ли Вы о том, чтобы закончить эту Вашу деятельность?

— Для меня это было бы великим счастьем. Подобные вещи не доставляют мне большого наслаждения. Я это делаю потому, что мне это нравится. Постоянно встречаешь интересных людей, которые делают необычайные вещи. Это самое важное, что я могу себе представить. Но если бы этот мир однажды исчез, я был бы счастлив остановиться. В конце концов, должны прийти люди моложе меня, и делать все то, что делаю я, должны будут они. Если это произойдет, прекрасно. Я буду рад отойти в сторону. По мне, это прекрасно. Но эти события не торопятся происходить. Вот еще одна вещь, которая беспокоит меня: не видно «левых» интеллектуалов, которых бы можно было задействовать. Я не имею в виду людей, которые норовят прийти и сказать: «О'кей, я ваш лидер, идите за мной, я решу все ваши проблемы». Таких людей вокруг всегда очень много. Я говорю о людях иного сорта, которые просто «делают дело», будь то образование рабочих, либо активное участие в их общественной жизни, — это всегда было призванием интеллигенции, начиная от Рассела или Дьюи и заканчивая такими людьми, о которых мы с вами не слышали никогда, но которые делали в прошлом очень важные вещи. Сегодня этот разрыв очевиден в силу целого ряда причин. Об этом много говорят. Я уверен, вы также на это обращали внимание.

Д. Б.: С тем, что Вы говорите, я не могу вполне

согласиться. На мой взгляд, есть интересные люди, как Холли Склар, например, Вайнона Ла Дьюк и другие, представляющие молодое поколение.

— Конечно, это не ноль. Однако я думаю, это почти ничто в сравнении с тем, что должно быть, и что имело место в прошлом. Может быть в прошлом это происходило потому, что не было достаточных причин. Многие из этих людей находились, к примеру, в сфере влияния Коммунистической партии, у которой и без того всегда серьезных проблем хватало. Но каковыми бы не были причины, есть, как мне кажется, очевидный факт. В наши дни множество «левых» интеллектуалов. Они просто заняты другим. Это — нечто нейтральное по отношению к их социальной функции, а иногда даже губительное.

Д. Б.: Ваш доклад о корпоративной власти, который Вы прочитали в «Марта Виньярд» в конце августа, транслировали по C-SPAN пару недель назад. Какие были отзывы?

— Самые обычные. С тех пор я получил огромную массу писем, на которые мало-помалу стараюсь отвечать. Многие из них — очень путаные. Многие полны тревоги. Люди пишут: «Это ужасно. Хорошо, что хоть кто-то об этом говорит. Я думаю точно так же». И очень часто: «Что нам делать?» Встречаются среди них странные письма. Люди часто видят в моих словах совсем не то, что я действительно намеревался сказать. К примеру, я получил письмо, автор которого пишет, что «все было прекрасно», что он «очень рад был это услышать», что «все было чудесно» и «восхитительно», «большое спасибо за

все» и так далее. Затем он пишет, что им была проделана большая работа, и что он хотел бы со мной поделиться своими достижениями. Затем прилагается документ, не имеющий ни малейшего отношения к тому, о чем я когда-либо говорил. Так что кое в чем мы — то есть я и моя аудитория — пока еще не достигли согласия. Полагаю, я даже знаю, почему. В наши времена вы можете наблюдать один очень странный культурный феномен. Он связан, с одной стороны, с громадным распространением сектантства, иррациональности и разобщенности людей, их разделением и изоляцией. Все эти факторы тесно взаимосвязаны между собой. Другой аспект, как мне кажется, связан с особым рода реакцией населения на происходящее вокруг. Люди настроены резко против того, что их окружает, они злы и напуганы, и если вдруг что-то случается, они реагируют так, как если бы это была пьяная драка. Дело в том, что они до ужаса одиноки, как в своей личной жизни, так и в своем общении с другими людьми, — им просто не на что опереться. Никакие виды иных ответных действий, кроме самых иррациональных, им в голову не приходят. Отчасти это напоминает образ разоренной сельской общины, разрушенной эпидемией чумы или вторжением вражеской армии. Люди разобщены до такой степени, что они утратили способность отвечать.

Это по-настоящему драматично, если вы берете, скажем, противоположный полюс полушария — Гаити. Это одна из самых бедных стран на планете. Ужас, который ей довелось претерпеть, трудно с чем-либо сопоставить. Люди живут в полной нищете. Я много раз видел нищету стран «третьего мира», однако мне трудно что-либо сравнить с тем,

что происходит на базарных площадях Порт-о-Пренса, не говоря уже о сельской местности. Ситуация здесь невыносимо тяжела, условия существования чудовищны. Бедняки, проживающие в трущобах, и нищие крестьяне из обезлюдевших деревень, сумели благодаря исключительно собственной активности создать полное жизни гражданское общество со всеми необходимыми общественными движениями и институтами, социальными обязательствами, надеждами, энтузиазмом и т. д. Удивительно, что, не обладая никакими ресурсами, они сумели перевернуть политическую систему. Конечно, это Гаити, поэтому последовал сокрушительный удар молотом по голове, нанесенный не без нашего участия, но это уже другая история. Однако даже после всего, что случилось, видно, что эта система все еще жизнеспособна. И это при самых худших из мыслимых условий.

И вот мы пытаемся разобраться с тем, как обстоят дела у нас, в США, где условия — лучшие из мыслимых, и все-таки люди не знают, как им следует поступать. Поэтому, когда говорят, что нам необходимо отправиться на Гаити, чтобы они поучились у нас демократии, — это просто смешно. Следует говорить иначе: мы должны отправиться на Гаити, чтобы поучиться демократии у них. Здесь, в США, люди спрашивают: «Что нам делать?» Идите и спросите об этом у неграмотного гаитянского крестьянина. Он, похоже, знает, что делать. Это то, как нам следует поступать.

Есть еще одна сторона все той же проблемы, не в меньшей степени представляющая интерес. Я всегда говорил, что в США — очень свободное общество, по крайней мере, для тех, кто обладает хоть

какими-то привилегиями, а таких слишком много. Способность правительства принудить очень незначительна. Знаете, что мне чаще всего отвечают? Я постоянно слышал это во время своего последнего тура, но не только тогда. Люди мне говорят: «А как же тот инцидент в Кентском университете?» Не события в университете Джэксона, заметьте, — об этом упоминается редко. Или еще: «А как же Джо Маккарти?» Но даже это не упоминается, потому что это не относится к делу. Я сказал, «люди, обладающие хоть какими-то привилегиями». Если вы чернокожий организатор в трущобах, то, конечно, у вас множество проблем. Но большинство из нас таковыми не являются. Тем не менее, нельзя избавиться от чувства, что здесь репрессии ощутимы. Для сравнения, я был на Гаити как раз в самый разгар террора. Люди буквально сошли с ума от страха, и, конечно, у них были на то основания, однако у них не возникало и тени мысли положить террору конец, потому что они опасались того, что однажды последуют репрессии. Если сравнить количество репрессий здесь, в США, с тем, что происходит в большей части мира, где люди об этих вещах не думают — они просто продолжают делать свои дела — знаете, это пугает.

Д. Б.: Как, по Вашему мнению, не может ли это всеобщее ощущение неограниченной власти правительства быть результатом воздействия пропаганды?

— Только в очень широком смысле. Я готов отнести это за счет пропаганды, но при том условии, что термин «пропаганда» будет понят очень широко, —

как целостная система, включающая в себя индустрию развлечений, корпоративные СМИ, систему образования, политические институты и все остальное; это целая индустрия общественных отношений, которая долгое время, начиная со второй мировой войны, сознательно и с фантастической интенсивностью делала все возможное для выполнения ряда задач. Одна из них — демонизировать профсоюзы. Другая — заставить людей ненавидеть правительство и бояться его. Здесь можно увидеть некоторое противоречие, поскольку ведь именно люди, в представлении большинства, осуществляют контроль над правительством. Но никакого противоречия нет. В правительстве многое происходит не так, как хотелось бы представителям корпоративной власти, но не это их беспокоит. О чем они действительно беспокоятся, — оно-то как раз и правильно, — это возможность народа действительно брать работу правительства под контроль.

Частным тираниям беспокоиться не о чем. Деятельность General Electric осуществляется без контроля со стороны населения, — за исключением опосредованного, через регулирующие механизмы, которые очень ослаблены и в большинстве своем подчинены администрации. Вы лишены права голоса, чтобы решить, что они должны делать, не можете участвовать в разработке таких решений. Таковы все тирании. Вообразите себе, что вы сотрудник фирмы, занимающейся связями с общественностью, где ваша основная задача — сформировать у людей представление о таком «идеальном» государственном устройстве, при котором они превратились бы в управляемых атомов потребления, тратящих все свои силы на покупку ненужных им вещей

единственно потому, что это вы создаете этим вещам рекламу. Они никогда не должны против этого протестовать, и в их головах не должно быть иных мыслей, кроме как осознания необходимости делать то, что им говорят. Стопроцентная утопия. Предположим, что вы попытаетесь это осуществить. В этом случае вашей задачей будет заставить людей ненавидеть правительство и бояться его, бояться его ничем не ограниченной власти, чтобы отвлечь их внимание от Fortune 500, даже от среднего бизнеса, от деятельности корпораций, от банальностей таких ведущих экономистов, как Роберт Брэди, высказанных шестьдесят лет назад, и от движения рабочих, существовавшего на протяжении всей истории. Речь идет о тиранических, тоталитарных системах, и ваша задача — сделать все, чтобы люди об этом никогда не узнали. Вы хотите, чтобы они ненавидели то, с чем непосредственно связаны и что могло бы при случае стать им защитой от разрушительных действий корпоративной власти. Вот почему для вас является важным способствовать развитию антиправительственных настроений. И это уже дает свои результаты. Люди ненавидят правительство, боятся правительства, а главным источником своего беспокойства считают бюрократов.

Возьмем, к примеру, здравоохранение. Сколько высказывается беспокойства о том, что здравоохранение будет контролироваться правительственными бюрократами. Гораздо большее число бюрократов из страховых компаний давно уже осуществляют этот контроль. Однако людей почему-то данное обстоятельство не беспокоит. Я говорю не об яйцеголовых чиновниках, которые сидят в страховых конторах и заставляют нас заполнять все эти формы,

указывая, что нам делать, а нам приходится оплачивать их ланчи и их рекламу, в то время как они изводят нас своей пропагандой. Но гнев и страх населения сфокусированы вообще не на этих вещах. Страх и ненависть людей путем сознательной манипуляции и великолепно продуманной организации направлены на представителей федеральной власти.

Вообще все то, что происходит сейчас с попыткой передачи власти представителям местной администрации, имеет значение только при том условии, что вы уповаете на тиранию. Конечно, случаются обстоятельства, при которых подобный процесс мог бы стать очень хорошим шагом. Снижение уровня власти до уровня преобладающей массы населения могло бы стать шагом к демократии, однако не в том случае, когда вас со всех сторон окружают частные тирании. А если дела обстоят именно так, единственным институтом, который, с одной стороны, мог бы этим частным структурам противостоять, а с другой — учитывать, пусть частично, интересы народа, становится могущественный государственный институт, а именно — федеральное правительство.

Давайте представим себе следующую ситуацию: вы — государственный чиновник, и вы направляете сверху единовременные дотации в определенный штат. Это — стопроцентная гарантия, что к малоимущим людям эти деньги не попадут. Даже представители среднего бизнеса имеют тысячу и один способ оказать давление на администрацию штата и быть уверенными, что эти деньги осядут именно в их карманах, а не в карманах голодных детей. Для предотвращения этого применяются регрессивные фискальные меры, осуществляется целый ряд субсидий, которыми правительственные институты

снабжают частные власти, представляющие для них угрозу, — завтра я отправляюсь в штат Теннесси, — так что сомневаться не приходится, снижение уровня власти в данных условиях — это путь к возрастанию тирании и к уменьшению угрозы утверждения демократии и, разумеется, к еще большему перемещению денежных средств от бедных к богатым. Это — очевидное следствие указанного процесса. Но хотя это так очевидно, я не встречал, чтобы этот вопрос где-нибудь обсуждался.

Чаще всего обсуждаются незначительные темы, вроде того, можем ли мы доверить правительству штата заботу о бедных. Какое это имеет отношение к чему-либо? Это совершенно бессмысленно. Но обсуждается именно эта ерунда, а не тот очевидный, всепоглощающий факт, что распределение правительственных ресурсов на более низком уровне поставит их в еще большую зависимость от частной власти. Это ведь очень важный момент, который является частью все той же самой социальной политики, призывающей нас к тому, чтобы мы хотели ослабления федерального правительства.

В этом, конечно, только половина правды. Федеральное правительство отнюдь не теряет своих позиций. Оно постоянно меняется. Сейчас, например, возрастает роль системы государственной безопасности, не только Пентагона, но даже системы внутренней безопасности, тюрьмы и т. д. Этот аспект деятельности правительства с каждым годом становится все более значимым. Цель этих процессов — не только контроль над ситуацией в стране, хотя, конечно, и это немаловажно. Дело в том, что те процессы, о которых мы говорим, являются частью программы по передаче ресурсов от бедных бога-

тым, что фактически также никем никогда не обсуждается. Эти вещи вообще практически вне повестки дня, если вы не читаете деловую прессу. Но ведь это имеет огромное значение, и об этом необходимо писать на первых страницах каждый день! Сейчас очевидно, что обойти этот вопрос уже невозможно. Русские ушли, а Пентагон по-прежнему стоит на тех же позициях и фактически даже продвигается вперед. Пятьдесят лет нам твердили, хотя это всегда было смешно слышать, что нам будто бы необходима огромная военная сила, чтобы защищаться от русских. Насколько же глупым нужно быть, чтобы проникнуться этой идеей! Вы никогда не ставили перед собой вопрос, что же происходит на самом деле? А в действительности происходит то, что роль, для которой Пентагон был предназначен с самого начала, остается той же, что и всегда. В самом деле, каким еще образом богатые избиратели Ньюта Гингрича намереваются дальше сохранять свое богатство? Их ведь никак нельзя подчинить рыночной дисциплине. Если это произойдет, они тут же отправятся торговать отбросами. Они и представления не имеют, что это значит — существовать в условиях рынка. Зато они отлично знают другое: правительство будет по-прежнему набивать их карманы деньгами, прежде всего, при посредничестве Пентагона. Сходную роль начинают играть в наше время правоохранительные органы. На сегодняшний день они достигли если и не уровня Пентагона, то, во всяком случае, уровня, достаточного для того, чтобы большие инвестиционные компании, в том числе принадлежащие к индустрии высоких технологий и оборонной промышленности, начали проявлять интерес к этой новой «дойной корове». И с

каждым годом эти тенденции растут. Так что нельзя сказать, что роль правительства ослабевает.

Все это огромное многолетнее напряжение сил, направленное на то, чтобы заставить людей сфокусировать все свои страхи, гнев и ненависть на федеральном правительстве, в конце концов, увенчалось успехом. Мы все знаем, что есть многое, от чего можно прийти в отчаяние. Первое — это то, что все это произошло не по воле народа, а под давлением частных сил. Это первое, о чем нам следует беспокоиться. Но тогда решение этой проблемы путем предоставления частной власти еще больше власти — просто абсурд. То, что менеджеры доктрины смогли, в конечном счете, настоять на своем, — это их подлинное достижение.

Д. Б.: Мне вспоминается «Скотный двор» Джорджа Оруэлла: «Две ноги — плохо, четыре ноги — хорошо». «Общественный сектор — плохо, частный — хорошо». Сейчас так больше не играют.

— Это может поставить в тупик. Экономисты знают, что это, по большей части, бессмыслица. Они об этом не говорят, разве что между собой. Давайте посмотрим реально на эти мантры, взять, скажем: «Общественный сектор — плохо». Что это значит? Может быть то, что идея приватизации до чрезвычайного хороша? Нет, это просто слова, которые вы повторяете, потому что их вбили вам в голову. Да, говорите вы мне, благодаря приватизации многое становится более эффективным. Всегда ли? Существуют различные опыты. Например, можно вспомнить о Мексике. Каковы были результаты приватизации там? Быстрый рост числа миллионеров, ус-

коренное снижение заработной платы и социальных условий. Стало ли лучше благодаря приватизации? Для 24 миллиардеров — безусловно. Вы можете возразить, что Мексика — коррумпированная страна «третьего мира». Давайте возьмем Великобританию, которая на пару шагов опередила нас на пути приватизации. Во время правления Тэтчер там была приватизирована система водоснабжения. Это была общественная коммунальная служба. Теперь это стало частным. Что же произошло? Об этом вы можете прочитать на первой странице *The Financial Times*. Вам уже не обязательно обращаться к малоизвестным изданиям. *The Financial Times* пишет гневом. Произошло вот что: прибыли никакой, цены поднялись, а качество услуг резко снизилось. По сути, ждать осталось недолго до того момента, когда эти частные собственники внесут предложение, что доставка воды в отдаленные или малонаселенные местности себя не окупает. Люди должны будут ходить за водой с ведрами к насосу в центре города, поскольку любой грамотный экономист всегда сможет вам доказать, что это гораздо более самокупаемая система, что она улучшает валовой национальный продукт, и что это самое лучшее распределение ресурсов. Такова приватизация.

Цель любой частной корпорации, по вполне понятным причинам, заключается вовсе не в том, чтобы бизнес был гуманным. Эта цель заключается, прежде всего, в получении наибольшей прибыли и участии в рыночных спекуляциях. Обычной массе населения это, как правило, приносит только вред. Разумеется, некоторые цифры могут радовать глаз. Может даже произойти так называемое «экономическое чудо», что означает рай для инвесторов, ад

для населения. Однако нет никаких причин полагать, что все это хорошо. Ведь что обычно говорится? «Посмотрите, насколько неэффективны и коррумпированы общественные институты!» Это правда. А частные лучше? Относительно этого нет никаких указаний, насколько мне известно. Можно, к примеру, упомянуть следующий факт (он соответствует действительности): общественные промышленные системы, такие как Бразильская сталелитейная промышленность, действительно, часто теряли деньги. Но эта потеря денег была одним из способов субсидирования частной промышленности. Так что, если цены на сталь искусственно удерживать на низком уровне, то в результате выиграют люди, которые эту сталь используют, хотя система сама по себе будет убыточной.

С другой стороны, если подумать о том эффекте, который будет оказан на всю экономику в целом, станет понятно, что ситуация с приватизацией гораздо сложнее, и я не думаю, что на этот вопрос существует простой ответ. Иногда частная промышленность была эффективной, а иногда даже помогала людям, что совсем не значит, что она была при этом неэффективной, просто одно необязательно не имеет отношения к другому. Иногда это было, но, как правило, — нет. Все, в конечном счете, зависит от обстоятельств, от факторов, действие которых люди понимают не очень хорошо. Но идея, что приватизация все автоматически улучшает, — чистейший абсурд.

Д. Б.: Как-то, находясь в Австралии, — не в этом году, а раньше, — Вы заметили, что, по Вашим собственным ощущениям, Вы находитесь в некой

странной ситуации с точки зрения вашей собственной политической философии. Вам постоянно приходится отстаивать значение государства и, что государству принадлежит активная роль в защите интересов народа.

— Это действительно имело место во время моего доклада на одной анархистской конференции. Я сказал тогда, и, по-моему, так оно и есть, что наши цели и наши мечты часто противоречат друг другу. Наши мечтания, вещи довольно-таки долгосрочные, — это есть то, чего мы хотим достичь в самом конце пути. И если под целями мы имеем в виду то, что необходимо сделать уже завтра, то обнаружится, что эти вещи очень часто будут вступать в конфликт с нашими мечтами. На самом деле, конфликта никакого нет. Мне кажется, что сейчас мы находимся в схожей ситуации. Я думаю, в отдаленном будущем централизованная политическая власть будет упразднена, постепенно исчезнет и перейдет, в конечном счете, на местный уровень вместе с федерализмом, союзами и т. д. Таковы мои представления о том, что нас ожидает в весьма отдаленном будущем. С другой стороны, на сегодняшний день я бы хотел укрепить федеральное правительство. Причина проста: мы живем в этом мире, а не в ином. А в этом мире, так уж случилось, существуют огромные концентрации частной власти, которые как ничто другое, изобретенное человечеством, близки к тирании и тоталитаризму, и власть их просто невероятна. Они никак не подотчетны народу. Есть только один способ защитить завоеванные права или расширить их границы вопреки этим частным силам. Этот способ — сохранить единственную фор-

му законной власти, которая ответственна перед народом и на которую народ действительно может влиять. Так что, все это приводит к тому, что вы начинаете выступать с поддержкой централизованной государственной власти, даже если вы лично против нее. Те, кто полагает, что в этом есть какое-то противоречие, просто не продумывают проблему до конца.

Д. Б.: Существуют две точки зрения на роль правительства. Джеймс Мэдисон в 1787 году обозначал ее как «защиту богатого меньшинства от большинства». Другая точка зрения была озвучена Франклином Рузвельтом в 1937 году, когда он сказал: «Национальный прогресс определяется не тем, служим ли мы росту изобилия у тех, кто имеет много, а тем, достаточно ли мы даем тем, кто имеет мало». Очевидно, что сейчас преобладает первая из этих точек зрения. Почему?

— В случае с Мэдисоном вам следует быть более осторожным. То, о чем вы сказали, действительно было главной темой, и вы наверняка изучали ее в начальной школе, потому что его точка зрения фактически победила. Конституция США была составлена в терминах Мэдисона. Его аргументация была сложнее. Он был решительным противником демократии и предостерегал против нее. Он рассуждал об Англии, служившей тогда образцом для всего остального мира, и говорил следующее. Если бы у этих ребят там была демократия, то народ бы объединился, отобрал бы имущество у лендлордов и использовал бы себе на благо, вместо того, чтобы разрешить богатым и сильным сохранять его. Ничего

подобного нам тут не надо. Демократия, следовательно, вещь плохая. Первая обязанность правительства защищать богатое меньшинство от большинства, и вся конституционная система должна быть построена с расчетом именно на это.

Но есть здесь и скрытая сторона вопроса. Она заключается в том, что он — мыслитель докапиталистический. Капитализм тогда только начинал делать свои первые шаги, и Мэдисон, в основном, был против него. Согласно его представлениям, тем «богатым меньшинством», о котором он говорил, должны были стать гуманные и просвещенные аристократы, которые бы читали разного рода философские книги и являлись бы подлинными консерваторами в старомодном смысле этого слова, которого ныне в США не существует — консерваторами в европейском смысле слова, просвещенными и великодушными. Его политический идеал — господство великодушных тиранов. Это вполне сопоставимо с тем, о чем говорил впоследствии Рузвельт, за исключением того, что касается структуры государственной власти.

Однако Мэдисон быстро понял, что он ошибался. Через несколько лет он уже осуждал созданную им самим систему и говорил о «дерзкой развращенности века», имея в виду то, что поднимающийся класс бизнесменов становится «орудиями и тиранами» правительства, подчиняющего его своим интересам и извлекающего пользу из его даров. Вот вам прекрасное описание того, что происходит в наши дни. Это было сказано в 1790-е годы. Когда Мэдисон огляделся вокруг и увидел, что среди «богатого меньшинства» почти что нет милых его сердцу джентльменов, аристократов или просвещенных

философов, которые стали бы следить за тем, чтобы все были здоровы и счастливы, то это его оскорбило до глубины души и привело в ярость. Картина, которую он нарисовал, исходя из своего собственного понимания ситуации, уже тогда была доминирующей, а сегодня она достигла всесокрушающей степени полноты и законченности.

С тех пор ничего нового не произошло. В 1920-х годах было все то же самое, как и столетие назад.

Д. Б.: Разве одним из принципов классической консервативной политэкономии и философии не является резкая антипатия к концентрации власти, к монополии? Тем не менее все эти «соглашатели», если хотите, которые называют себя консерваторами, поддерживают именно политический курс, способствующий ускорению этой концентрации.

— Вы правы, классический либерализм твердо выступает против концентрации власти. Однако это не то, что мы называем либерализмом сегодня. Это то, что сегодня мы называем консерватизмом. Термины полностью изменили свое значение, если оно вообще у них когда-нибудь было. Достаточным будет упомянуть воззрения, скажем, таких людей, как Томас Джефферсон или Адам Смит, — я говорю сейчас об отцах-основателях того, что люди ценят и чему отдают должное, однако не понимают или предпочитают не понимать, — так вот, эти люди были, конечно, против концентрации власти. Правда и то, что те люди, которые в наши дни называют себя «либералами», — я говорю, в частности, о сторонниках предоставления широких граж-

данских прав, — что бы у них не было на уме, по существу, выступают за крайнюю степень концентрации власти, то есть в действительности они выступают с поддержкой одной из наиболее тоталитарных систем, от которых когда-либо приходилось страдать человечеству. Понятно, что они не ставят перед собой такой задачи. Но если вы почитаете Адама Смита, то вы увидите, что одним из его аргументов в пользу рынка было то, что он приведет к подлинному равенству — равенству условий, а не только равенству возможностей. Как и Мэдисон, он придерживался докапиталистических и антикапиталистических взглядов, основы его идей следует искать в эпохе Просвещения. Вы можете спросить, хороша ли была его аргументация? Мы никогда не сможем об этом узнать опытным путем, поскольку его аргументацией было то, что в условиях полной свободы рынок с необходимостью приведет к равенству условий, но мы, конечно, и в отдаленной степени к этому не приближаемся. Чтобы вы не думали об интеллектуальном характере его аргументации, ясно, в чем была его цель. Да, представители «классического либерализма», все эти «Джефферсоны» и «Смиты», выступали против тех форм концентрации власти, которые они наблюдали вокруг, таких как феодальная система, церковь или королевская власть. Они считали, что все это должно исчезнуть. Других форм концентрации власти, которые развились позже, они не видели. Когда они их увидели, они им не понравились. Хороший пример представляет собой Томас Джефферсон. Он резко выступал против концентрации власти, развитие которой он видел перед собой, и предупреждал, что банковские институты и промышленные корпора-

ции, которые тогда едва начинали свое существование, в конце концов, уничтожат достижения революции. Как я уже говорил, и Мэдисон через несколько лет по-другому говорил о том, что сам создал.

Здесь кроются иллюзии, которые должны быть развеяны с самого начала. Возьмите, к примеру, Давида Рикардо, который в гораздо большей степени может быть назван «крестным отцом» современной неолиберальной экономики, чем Адам Смит, придерживавшийся докапиталистических взглядов. Возьмите его знаменитый «закон сравнительных затрат», который мы, — предполагается, — боготворим. Частично этот закон основан на домыслах самого Рикардо, однако его «домыслы» опирались на то, что капитал практически недвижим. Отчасти это связано было с тем, что капиталом была земля, двигать которую и в самом деле сложно, а отчасти по другим причинам. Он считал, что капитал будет относительно недвижим, потому что капиталисты — милые существа и заботятся об окружающих, так что они не собираются перемещать свой капитал из одной точки мира в другую, ведь от этого люди в их государстве, в их стране могут пострадать, а капиталисты, понятное дело, о них беспокоятся. Это, опять-таки, мысль докапиталистического толка. В рамках капиталистической идеологии все это не имеет смысла. Предполагается, что человек не заботится ни о чем, кроме максимально возможного увеличения собственного богатства. Так что Рикардо в начале XIX века отражал остатки докапиталистической представлений, во всяком случае, частично. В целом, конечно, его работы представляют собой очень сложную и интересную смесь.

Все гуманистические идеи Просвещения, в конечном счете, потерпели крах, и это произошло не случайно, поскольку согласно логике капиталистического предпринимательства человеческих чувств вообще нельзя иметь. Надо только стараться максимально увеличить свое богатство и власть. С одной стороны, идея о том, что капиталисты-предприниматели когда-либо собирались подчиняться рыночной дисциплине, просто смешна. Государственную власть используют настолько, насколько это возможно. Опять-таки, историкам экономики это прекрасно известно, но они отказываются взглянуть на это всесторонне. Существуют, например, хорошие исследования, очень убедительно показывающие, что в истории Соединенных Штатов экономический рост всегда был тесно связан с крайне высоким уровнем протекционизма. Период наибольшего роста пришелся на конец XIX века, когда тарифы в нашей стране были в пять или десять раз выше, чем в большей части Европы, и для экономики США это было очень полезно. Это вполне обычное явление для любого развитого государства.

С другой стороны, здесь мы имеем дело с сильным упрощением ситуации, потому что есть множество других вещей, на которые вы, будучи экономистом, не обращаете никакого внимания. Вы предоставляете это поле деятельности другим. Приведу пример. Одной из причин успешного хода промышленной революции в Англии и США был дешевый хлопок. Почему он был дешевым? Благодаря искоренению и уничтожению коренного населения и последующему ввозу рабов. Согласитесь, что это довольно серьезное вмешательство правительства в рыночные отношения, это нечто большее, чем просто легкая

корректировка рынка. Но это в счет не идет. Большая часть историков экономики скорее поверят во всевозможные мифы о том, насколько быстро происходил экономических рост в государствах, использовавших государственное вмешательство. Они непременно скажут, что протекционизм в Соединенных Штатах прекратил свое существование после 1945 года, когда США взяли курс на либеральный интернационализм. Действительно, в то время было оказано давление на правительство, и тарифы были значительно снижены. Однако не вполне верно, что протекционизм прекратил свое существование. Администрация Рейгана фактически только и занималась тем, что постоянно чередовала тот или иной вариант протекционизма.

Но даже если бы мы согласились, что протекционизм не приостановился, это было бы все равно менее значительным по сравнению с тем обстоятельством, что существовала иная форма государственного вмешательства в экономику, и очень солидных размеров. Но, опять-таки, собственно экономистов это мало интересует, поскольку в данном случае мы говорим о Пентагоне, вся система которого служит средством перевода общественных ресурсов в наиболее передовые отрасли промышленности. Для выполнения именно этой задачи она и была задумана.

Если сложить все эти факты вместе, то станет понятно, что рыночные доктрины всегда были нужны лишь для того, чтобы обманывать людей. Сами мы никогда не применяем эти идеи на практике. А если внимательно почитать труды отцов-основателей политической экономии, то в отношении рынка и сущности рыночных отношений у них обнаружатся самые разнообразные соображения. Они исходили из

подлинно консервативной традиции, которая у нас отсутствует. Истоки этой традиции восходят к эпохе Просвещения, и все эти представления были теснейшим образом связаны с такими понятиями, как симпатия, солидарность, забота о людях, благотворительность. Все это постепенно исчезло под воздействием ханжеской капиталистической идеологии, которая предполагает капитализм для себя и протекционизм для других.

Д. Б.: Вы сделали себе имя в области проблем лингвистики и языка. Любопытно, насколько часто на нынешней политической сцене используется пассивный залог. В The New Yorker от 16 октября была опубликована статья о неравенстве доходов, иллюстрирующая примерами такого рода. Например, неравенство «случается». Ни о каком субъекте действия здесь не говорится. Отсутствует активный залог. Люди «беднеют», «нищают», «делаются беднее». Никто их «беднее» не «делает», это происходит словно бы само по себе.

— Или «людей убивают», а не «мы убиваем их». Это стандарт. Замечательно, что существуют пассивный залог и подобные ему языковые средства. Создается впечатление, что никакого исполнителя действия нет, а это очень полезно, когда обнаружение этого исполнителя нежелательно, потому что он может обнаружиться слишком близко. В сущности, все дискуссии об агрессии и терроризме ведутся в таких рамках. Но вы правы, сейчас основная мысль именно такова: с экономикой происходит нечто странное, что служит причиной роста неравенства. Возможно, это как-то связано с проблемой автома-

тизации производства, или всему виной торговля. Точно никто не знает. Сделать с этим ничего нельзя.

Однако все это следствия социальной политики. Те решения, которые принимаются в этой сфере, отследить очень просто. Кто и почему принимает эти решения, хорошо известно. Не вполне, может быть, точно, но в значительной степени, мы знаем, почему такие вещи происходят. Можно определить их движущие силы. Нетрудно понять, что они ни в коей мере не являются неизбежными. Есть люди, которые говорят очень разумные вещи об автоматизации производства и конце труда. Здесь, конечно, существует реальная проблема. Люди не хотят работать, поскольку, возможно, однажды наступит такой момент, когда их работу будут выполнять роботы. Я готов согласиться с такой постановкой вопроса, если ввести эту дискуссию в крайне узкие рамки, но в общем смысле это абсолютно неверно. Достаточно пройтись по Бостону или любому другому городу, чтобы убедиться, что работы вокруг более чем достаточно. Затем надо обратиться к этим праздным людям и спросить, не хотели бы они выполнять эту работу. Ответ будет положительным. Существует огромное количество работы и не меньшее количество людей, готовых ее выполнять. Но экономическая система находится в настолько абсурдно-катастрофическом состоянии, что она просто не в состоянии сложить воедино праздные руки и насущный труд, что удовлетворило бы людей и было бы полезно всем нам. Это признак системы, вышедшей из строя. Наиболее характерный признак ее упадка. Работа — не такая вещь, которой люди хотели бы избежать. Это нечто такое, что человек хочет делать, потому что это ему свойственно, это со-

зидательно. Работы вокруг очень много. Не выполняется она исключительно по причине зашедшей в тупик социально-экономической системы.

Д. Б.: В статье, напечатанной в недавнем выпуске Covert Action Quarterly, Вы написали, что «язык политического дискурса в наши дни фактически оказался лишенным значения». Мы, к примеру, говорили с Вами о слове «консервативный». Как можно восстановить его первоначальный смысл? Это есть нечто хорошее?

— Разумеется. Выхолащивание содержания понятий — очень полезное средство для оглупления людей. Если говорить о чем угодно становится невозможным, люди подпадают под ваш контроль. Есть вещи, о которых надо уметь говорить обычными, простыми словами. Ничего особенно глубокого, насколько я знаю, здесь нет. А если и есть, этого еще пока никто не обнаружил. Мы должны уметь говорить об этих вещах просто и прямо, без уверток, без обращений к экспертам, без попыток все усложнить. Я вовсе не ратую за антиинтеллектуализм. Эти вещи надо изучать, их стоит изучать, но все же обсуждаемые нами темы — не квантовая физика. Любой, кто этим интересуется, может узнать и понять достаточно для того, чтобы вести себя разумно в структурах, где можно самому принимать важные решения. Мы должны защитить субстантивный дискурс от сыплющихся со всех сторон нападков. Их особенно много из стана левых, кстати говоря. Одним из аспектов нашей деятельности должна стать защита разумной дискуссии от всего, содержащего приставку «пост-».

Д. Б.: В той же самой статье Вы пишете об «ускорении умышленной политики, ведущей страну к модели „третьего мира“, с секторами огромных привилегий, возрастающим числом людей, которые тонут в бедности или подлинной нищете, и об излишках населения, запертых в труппах или загнанных в рамки быстро расширяющейся тюремной системы». Я думаю, что это справедливое резюме сегодняшней ситуации, но разве подобная социальная политика не должна с необходимостью вести к восстанию и перевороту?

— Иногда это происходит, иногда — нет. Общество, основанное на рабстве, не может существовать достаточно долго. Дело не в том, что в промышленных странах раньше ничего подобного не случалось. Возьмем, скажем, Англию времен Рикардо, то есть Англию 1820-х годов, когда система, очень похожая на ту, которую нам пытаются навязать сейчас, была действительно впервые навязана индустриальной стране. Правители, получившие политическую власть в середине 1830-х годов, очень скоро ввели столь желанную для них экономическую программу, которая не так уж сильно отличалась от той, что проповедуется сейчас. Возникли проблемы. Британская армия тратила массу времени на подавление мятежей. А в скором времени начали возникать организованные выступления рабочих: началось движение чартистов, началась организация трудящихся.

К середине XIX века экономисты, которые высмеивали идею о необходимости помогать людям, потому что людям это якобы вредит, пересмотрели свою позицию. Вы, должно быть, читали труды та-

ких людей, как, скажем, Нассау Сениор, одного из старых ястребов политической экономии. В конце концов, даже он был вынужден признать: «А ведь в этом что-то есть!» Затем вы можете обратиться к Джону Стюарту Миллю, — это уже 1848 год или около того. Это было временем основания современного «государства всеобщего благосостояния». Долгое время «laissez-faire» считалось плохим словом. Почему? Потому что если свести все к простой формуле, то получится, что богачи и власть имущие, а также находящиеся при них интеллектуалы, экономисты и так далее, говорили всем остальным: «У вас нет права на жизнь. Вы имеете право на то, что вы заработали на рыночной площади, но никакого другого права на жизнь у вас нет, и любая попытка помочь вам только вам навредит». Очень скоро, однако, всем этим «чужакам» пришла в голову такая идея: «У нас, может быть, и нет права на жизнь, а у вас нет права на власть. Поэтому мы возьмем ее в свои руки, а вас выкинем вон». Это было уже несколько чересчур. «Наука», как ее называли тогда и как называют сейчас, была очень сговорчивой. Рикардо сравнил законы политической экономии с законами Ньютона, но оказалось, что подобная аналогия не вполне справедлива. Когда что-либо перестает быть инструментом в классовой войне, оно просто меняется. Все неожиданно изменилось и звучало примерно так: «Конечно, у вас есть право на жизнь, и нам придется удовлетворить ваши потребности, ибо в противном случае мы лишимся права на власть».

Какую форму примет эта борьба за выживание в наши дни... Она уже приняла видимые очертания. Она приняла антисоциальные формы. Но не следу-

ет забывать, что все это отражение социальных и культурных факторов в обществе. Как я уже упоминал, следует взглянуть на Гаити, где она приняла очень конструктивные формы. Если здесь она принимает формы неконструктивные, то в этом наша вина. Кроме нас самих нам обвинять в этом некого.

Д. Б.: Но предположим, что Вы — глава огромной корпорации. Разве не в ваших экономических интересах следить за тем, чтобы в моих карманах не переводились деньги, и я бы мог постоянно покупать вашу продукцию?

— Вопрос интересный, и ответа на него не знает никто. В свое время у национальной экономики США был ответ на этот вопрос. Если вернуться в 1920-е годы, во времена фантастического подъема в сфере автомобильной промышленности, то мы увидим, что этот же самый вопрос был поднят Генри Фордом. Он пришел к тому же заключению, что и вы. Он заявил: «Лучше я буду платить этим ребятам приличные деньги, иначе мои машины никто не станет покупать». Зарплата у его рабочих была выше той, которую от него требовал рынок. Другим пришлось подтянуться. Причины были те самые, на которые вы только что указали, и в условиях национальной экономики это имело смысл.

Имеет ли это смысл в условиях международной экономики? Имеет ли это смысл в условиях, когда у вас есть возможность перенести производство в наиболее бедные и отсталые регионы, где с помощью служб безопасности вы сможете держать людей под контролем, где вам не нужно будет беспо-

коиться о загрязнении окружающей среды, где множество женщин будут готовы бросить свои фермы и идти работать в самых невыносимых условиях, и умирать от потери сил, чтобы на их место тут же приходили другие. И затем ваше производство вливается в мировую систему, где требования выше и где появляются опытные рабочие, вы возможно платите им чуть больше, но так ли их много? В конце концов, ваша продукция продается богатым людям в любой стране. Даже в самой бедной стране «третьего мира» есть своя, очень богатая элита. Если взять эту модель структуры «третьего мира» и перенести ее на богатые страны, — это только структурная модель, а не нечто абсолютное, — то у них обнаружится даже свой потребительский сектор, что немаловажно. При этом большая часть населения может быть попросту лишней, многие могут находиться в тюрьме, страдать от нищеты или даже умирать от голода. Так что, возникает вопрос: будет ли это работать? С технической стороны вопроса, ответ никто не знает. Но и в любом случае, особой разницы нет. Мы не должны позволять себе ставить этот вопрос. Дело в том, что независимо от того, будет ли это «работать» или нет, это само по себе чудовищно. Фашизм тоже работает. По существу, с экономической точки зрения он работал неплохо, даже весьма успешно. Но это совсем не означает, что фашизм — не чудовищно. Так что есть формальная сторона вопроса: будет ли это работать? И ответа на него никто не знает. Но есть и человеческая сторона: должны ли мы вообще об этом спрашивать? И ответом будет: конечно, нет.

Д. Б.: Что Вы можете сказать о проблеме долга

как о тактике навязывания de facto структурного регулирования в США?

— Об этом можно многое сказать. В главном я с вами согласен. То, что говорится обычно по поводу долга, это, по большей части, ерунда. Одна вещь, которая действительно имеет место и которую тщательно скрывают, заключается в том, что это — инструмент для урезывания социальных расходов. Похоже, именно с этой целью он был создан. Большая часть национального долга — долг Рейгана. Если оглянуться назад, то станет понятно, — хотя это можно было понять уже тогда, — что это безумие, построенное на том, чтобы скорее занять и скорее потратить. Эта политика, существенно увеличившая долг примерно на 80% по сравнению с предшествующими двумя столетиями, была задумана для того, для чего сейчас используется, — для того, чтобы урезать ту часть правительственных расходов, которая причитается основной массе населения, в то время как траты на помощь богатым, например, на Пентагон, только возрастают.

3 НОЯБРЯ 1995 ГОДА

Д. Б.: Возвращаясь к тому, на чем мы остановились в прошлый раз, мне кажется, мы должны провести четкое разделение между тем, что называется «долгом» и «дефицитом».

— Различие чисто технического порядка. Дефи-

цит — ежегодный учет соотношения прихода и расхода. Долг — это то, что накапливается сверхурочно. Следовательно, когда дефицит остается высоким, долг имеет тенденцию расти. Если дефицит может быть отрицательным, тогда долг сокращается.

Д. Б.: Вы говорили о том, что в дискуссии по поводу долга многое было упущено. Что, например?

— Должен сказать, что серьезные, профессиональные экономисты, такие как Роберт Эйснер, которому принадлежат одни из лучших работ в этой области, ничего не упускали. Но это упускается во время публичных дебатов. Одна из причин заключается в том, что долг, хотя он и в самом деле огромен (он существенно вырос за годы правления Рейгана), тем не менее, в сопоставлении с тем, что имело место в прошлом, или с тем, как обстоят дела в других странах, не кажется столь уж большим. В прошлом он часто бывал и выше, а где-то в других местах он значительно выше и сейчас. Когда говорят, что долг «высок» или «огромен», то имеется в виду вся экономика в целом, скажем, в отношении валового национального продукта, или что-нибудь подобное. В этом смысле, долг, действительно, не кажется столь уж большим.

Вторая причина заключается в том, что долг — часть нашей жизни. Вокруг нас нет ни одного коммерческого предприятия, не имеющего долгов. Например, вы занимаете деньги с целью капиталовложения. У каждого есть долги, разве что вы прячете деньги под матрасом. Почти у каждого есть машина, дом или ребенок, обучающийся в колледже.

Либо живи, либо не имей долгов. Ничего плохого в этом нет. Если бы вы не брали в долг, у вас бы не было дома, автомобиля или телевизора. Вы не могли бы делать покупки по своей кредитной карте. Ваши дети не учились бы в колледже. Долг — это просто способ функционирования системы.

Третья причина заключается в том, что для федерального правительства все эти расчеты не имеют смысла, потому что оно не видит разницы между той частью долга, которая предназначена для капиталовложения и, следовательно, способствует экономическому росту (в том числе и дальнейшему росту доходов самого федерального правительства и чьих-либо доходов вообще), и той частью долга, которая относится к текущим расходам. В любом бизнесе важно понимать эту разницу. Большинство государств эти вещи различает. Если вы этого не делаете, значит, вы живете в мире фантазий.

Когда речь заходит о долге, необходимо задать вопрос: а на что тратятся эти деньги? Возьмите семью. Если вы едете в Лас Вегас, тратите все свои деньги, занимаете их у друзей с единственной целью, чтобы снова поехать в Лас Вегас, — это плохое использование долга. А если ту же самую занятую сумму вы тратите на покупку дома или машины, на образование детей, на вложение в бизнес или покупку книг, — тогда это, возможно, хороший долг и, в сущности, конструктивный. Если забыть, что он означает для вас как для личности, если держаться строгих, чисто экономических соображений, то такой долг может способствовать дальнейшей прибыли. Вот почему бизнес или конкретные люди входят в долги. Всегда нужно искать одну из этих причин. Для бизнеса это, пожалуй, единствен-

ная причина, для людей таких причин может быть множество.

Если речь заходит о правительстве, мы задаем тот же вопрос: ради чего производится заем? Если это делается ради кармана богатых избирателей Ньюта Гингрича, а в сущности, ради этого оно и делается, то это то же самое, что поехать в Лас Вегас и оставить все деньги там. С другой стороны, тот же самый долг можно потратить на то, чтобы улучшить так называемый «человеческий капитал», то есть сделать детей более здоровыми, образованными и т. д. В наше время, чтобы слова звучали серьезно, необходимо в каждой фразе употреблять слово «капитал», — хотя именно это как раз и является несерьезным. Вот почему я говорю о «человеческом капитале». Это является частью нашей больной идеологии. Итак, если заем используется на благо «человеческого капитала», это, по всем меркам, умный долг. Например, это ускорит экономический рост, потому что улучшение «человеческого капитала» — один из стандартных путей ускорения экономического роста, это вам подтвердит Всемирный банк. Определять, в значительной степени, качество жизни людей будет то, как работает экономика. То же самое касается наших детей. Все будет зависеть от того, является ли население образованным, здоровым, квалифицированным, способным повышать производительность труда и делать полезные вещи; все будет зависеть и от состояния окружающей среды, чтобы люди не умирали по причине плохой экологии; все будет зависеть от развития инфраструктуры, от того, сможет ли человек добраться до места работы, не проведя три часа в пробке, существуют ли школы, больницы, — все это может в

кратчайшие сроки стать причиной экономического роста.

Кстати, относительное равноправие также может способствовать экономическому росту. Но в этих вещах не очень-то стремятся разобраться. Возьмите Всемирный банк. Они признают, что одним из факторов, возможно, основным фактором произошедшего в странах Восточной Азии экономического подъема стало относительное равноправие, высокое развитие инфраструктуры, инвестиции в сферу образования и прочее в том же роде. Это не только здравый смысл, это логика исторического процесса. Следовательно, если правительственные затраты используются для перечисленных целей, это способствует росту благосостояния будущих поколений, и долг в таком случае оказывается очень умным, он фактически приводит к экономическому подъему.

Идея, что мы каким-то образом обременяем этим долгом будущие поколения, — еще один маленький обман. Большая часть долга является собственностью американцев. Последние цифры, которые я видел, свидетельствуют о том, что примерно 80% долга причитается американцам, то есть выплата этого долга пойдет прямым образом в карманы американских граждан. Вы можете заявить, что это имеет весьма отрицательный перераспределительный эффект. Возможно, так оно и есть. Не знаю, известны ли кому-нибудь точные цифры, но само собой разумеется, что ценные бумаги государственного казначейства принадлежат уж точно не водителям такси. Следовательно, долг — это в целом такая же форма социальной политики, при которой бедные платят за богатых. Внутренний долг США не может

быть передан по наследству, разве что в том смысле, что существующая регрессивная система в целом ляжет тяжелым бременем на наших детей, потому что им точно также придется платить за богатых. Этот долг — другого порядка. Идея Гингрича о том, что нам необходимо спасти грядущие поколения от наших собственных долгов, не только по сути своей смехотворна, но и находится в явном противоречии с тем, как обстоят дела на самом деле. В том-то и суть вопроса, что, требуя уничтожения долга, Гингрич и его избиратели в силу указанных мною причин делают все возможное, чтобы, с одной стороны, отодвинуть экономический рост на неопределенное будущее, а с другой — ухудшить условия жизни для наших детей.

Есть вещи, которые нужно серьезно принимать во внимание, говоря о внутреннем долге и годовом дефиците.

Другой фактор связан с тем, что народ думает обо всем этом. Бизнес полностью выступает за то, чтобы внутренний долг был сокращен. Даже те его отрасли, которые от этого пострадают, целиком поддерживают эту идею. Это примечательный факт. Очевидно, что для них собственный классовый интерес стоит выше интереса сиюминутной выгоды. Их классовый интерес заключается, прежде всего, в ликвидации всех социальных программ, в гарантировании того, что правительство будет работать исключительно ради богатых, в уничтожении регулирующего аппарата, в предоставлении больших прав корпоративному криминалу и, как следствие, в изменении всей системы гражданского судопроизводства, а также системы внутренней регуляции общества. Все это для них настолько безоговорочно

выгодно, что они готовы поступиться даже — до некоторой степени, разумеется, — той поддержкой, которую правительство оказывает богатым.

Я бы сказал только до некоторой степени. Если вспомнить о Национальной ассоциации промышленников, то они требуют большей поддержки со стороны правительства, скажем, в деле реализации своей экспортной продукции, то есть требуют больше денег в свой карман. Ньют Гингрич никогда не призывает к сокращению финансирования системы Пентагона, а также своих богатых избирателей и им подобных. Напротив, Гингрич и Heritage Foundation хотят, чтобы государство еще в большей степени стало «дойной коровой» для богатых. Так что здесь все перемешано. Однако они готовы поступиться даже своей личной выгодой ради тех ошеломительных преимуществ, которые они приобретут вследствие уничтожения системы, которая не дает им возможность всех свободно обкрадывать. Так что, им есть ради чего стараться.

Деловые круги выступают с поддержкой этих инициатив. Почитайте Business Week. Они все выступают единым фронтом. В политической сфере руководство обеих партий (я не беру в расчет диссидентов) согласно с такой постановкой вопроса фактически на 100%. Когда Клинтон выступает по радио с критикой бюджетной программы республиканцев, он говорит: «Конечно, мы должны сбалансировать бюджет и ликвидировать внутренний долг». Это даже не обсуждается.

Но существует и другая часть страны, а именно — население. Существуют опросы общественного мнения. Недавно проводился опрос, людей спрашивали, что они считают наиболее важной проблемой в

стране: 5% сказали, что это проблема внутреннего долга; еще 5% сказали, что это проблема бездомных. Как видите, равное количество голосов. Вот как к этим вещам относятся люди. Когда людей спрашивают: «Должны ли мы ликвидировать внутренний долг?», то эти опросы всегда составлены очень хитро. Есть два списка вопросов, один — для тех, кто пишет заголовки газет и работает в сфере общественных отношений, другой — для тех, кто хочет знать ответы. Для тех, кто пишет заголовки газет, вопрос звучит так: «Хотели бы вы, чтобы долг был ликвидирован?» Большинство людей отвечают «да». Это все равно, что спросить: «Хотели бы вы, чтобы была ликвидирована ваша закладная?» И вот выходят газеты со следующим заголовками: «Американцы голосуют за сбалансированный бюджет! Все хотят, чтобы долг был ликвидирован!», «Американцы одобряют программу республиканцев» и т. д. Затем уже следует вопрос, который имеет подлинное значение: «Хотите ли вы, чтобы был ликвидирован долг или чтобы уменьшился дефицит ценной...» Дальше — множество вариантов: сокращение расходов на медицину, на защиту окружающей среды, на образование. Количество положительных ответов заметно снижается. В зависимости от формулировки вопроса процент людей, которые полагают, что внутренний долг должен быть ликвидирован, снижается до 25-ти, согласно грубому подсчету, не говоря уже о тех, кто изначально не придавал этой проблеме большого значения. Это все равно, что задать вопрос: «Хотите ли вы, чтобы ваша закладная была ликвидирована ценой отказа от вашего дома?» Вы получите совсем другой ответ, чем на предшествующий вопрос: «Хотите ли вы,

чтобы ваша закладная была ликвидирована?» Так что, все это — результат работы индустрии связей с общественностью на благо господствующей социальной политике. Если взглянуть в конец статьи, заголовок которой сообщает, что «американцы хотят сбалансированный бюджет», там можно иной раз почерпнуть некоторую информацию. И отношение народа к этой проблеме в общем реалистичное. Они не считают это важным, — на уровне вопроса о бездомных, — и не хотят платить за это навязываемую им цену.

Предположим, вы подняли этот серьезный вопрос и спросили: «Хотите ли вы, чтобы долг был сокращен ценой здоровья, благосостояния и экономического роста следующего поколения?» Ведь именно это всегда имеется в виду. Я более чем уверен, что как только это будет сказано, вы столкнетесь с могучей оппозицией, особенно если будет ясно, в чем дело.

Помимо прочего существует определенный исторический опыт. Здесь необходимо быть крайне осторожным, потому что в этих делах очень мало понятного, в чем согласны лучшие экономисты. Все это очень умозрительно. Но кое-что является очевидным. Например, можно назвать в истории США несколько попыток сбалансировать бюджет. Думаю, с 1820 года их было не меньше шести. Каждая из них очень быстро приводила либо к серьезному экономическому спаду, либо к глубокой депрессии. Не трудно понять, почему. Если это хорошо обдумать, причины становятся очевидными.

С другой стороны, имеются также исследования, довольно-таки изоцированные, которые были посвя-

щены эффекту, производимому дефицитом на такие вещи как потребление, инвестиции, рост и так далее. В результате была обнаружена некая позитивная взаимосвязь. Согласно этим исследованиям дефицит способствует росту, уровню потребления, инвестициям, производительности, торговле наряду со всем прочим. Здесь все очень сложно, и утверждать что-либо окончательно попросту не приходится. Однако дела обстоят именно так, как показали эти исследования, и можно понять, почему.

Если бы вы попытались произвести серьезный анализ, что вообще-то сделать очень непросто, то вы могли бы задать тот же самый вопрос, что и в случае с персональным заимствованием. «Для чего вам нужны эти деньги, — для того, чтобы их промотать в Лас Вегасе, или же для того, чтобы потратить их на образование своих детей?» Точно также вы могли бы спросить: «Если внутренний долг был использован в целях продуктивного правительственного инвестирования, например, в области инфраструктуры, здравоохранения, охраны окружающей среды и т. д., где же тогда позитивный эффект, подобный, скажем, тому, какой мы имеем в случае с F-22?» Если бы вы задали этот вопрос, я уверен, вы бы получили очень резкий ответ. Но этот вопрос очень трудно кому бы то ни было адресовать, и не думаю, чтобы кто-нибудь это сделал.

В любом случае, если вы захотите как-то переосмыслить вопрос о внутреннем долге, вам придется начать с самого начала и сделать это заново в совершенно иной перспективе. Опять же, если бы мы имели нечто, хотя бы отдаленно напоминающее свободную прессу, об этом было бы напечатано на первых страницах, и люди бы ежедневно могли об этом

читать. Нельзя сказать, что нам вообще по этому поводу ничего не сообщают. Если читать все подряд, то вы обязательно обнаружите, что кто-то на последней странице что-то об этом сказал. Но то, что потоком выливается на людей, не имеет к этому делу ни малейшего отношения. Единственный способ узнать что-либо по этой проблеме — это осуществить собственный исследовательский проект.

Мне представляется очень интересным тот факт, что, несмотря на весь этот поток информации, люди все-таки убеждены, что внутренний долг не является важной проблемой. Это поразительно. Не знаю, как долго это сможет продолжаться.

Д. Б.: Вам часто бывает свойственно принимать на себя сложную задачу. Очень многие вещи принято полагать чем-то само собой разумеющимся, и вся газетная риторика строится на этом. Например, когда говорят: «Нам нужен сбалансированный бюджет».

Но давайте вспомним недавний опрос, проведенный CBS News и New York Times, согласно которому на вопрос, предпочли бы они поддержать на прежнем уровне правительственную программу медицинской помощи или сбалансированный бюджет, большинство американцев ответили, что предпочитают медицинскую помощь. Соотношение было три к одному. В речи спикера парламента этот случай был описан как пример «дезинформации».

— Times, которая хорошо провела опрос, упустила из виду то обстоятельство, что приведенные цифры, если оглянуться на прошлое, проявляют определенное постоянство. Я говорю о декабре прошло-

го года, когда проводился опрос, очень похожий на этот. Хотя вопросы формулировались несколько иначе, оказалось, что когда людей спрашивали: «Хотите ли вы, чтобы бюджет был сбалансирован за счет медицинской помощи и заботы о вашем здоровье», процентное соотношение было примерно таким же: три против одного сказали «нет». Так что эти цифры довольно устойчивы, и что особенно интересно — невзирая на пропаганду. Когда людей спрашивают: «Согласились бы вы на повышение налогов, если бы эти деньги пошли на расширение медицинских исследований», почти 75% высказывается «за». Я не помню точных цифр, но на протяжении нескольких лет эти опросы с определенным постоянством показывают, что народ одобряет повышение налогов, если они расходуются на медицину или образование. Даже, хотите — верьте, хотите — нет, на гуманитарную помощь, если она направляется бедным. И конечно, подавляющая часть населения считает, что помогать бедным и малоимущим — это одна из обязанностей правительства.

Правда, они выступают также против идеи «всеобщего благосостояния», и это победа пропагандистской системы. Но результаты этих опросов интересны и крайне важны, их отличает последовательность в постановке вопросов и конкретная обобщенность выводов. И это не прошло незамеченным. Например, можно назвать Брэда Никербокера, известного вашингтонского корреспондента Christian Science Monitor. В наше время он в основном занимается вопросами энергетики и окружающей среды. В одной статье он саркастически замечает, что создается такое впечатление, что Конгресс изучает эти опросы и поступает наоборот. Он говорил о про-

блемах, связанных с энергетикой и с состоянием окружающей среды, где дела обстоят, опять-таки, самым катастрофическим образом, однако это ощущается повсюду. Я думаю, что во всей американской истории трудно найти такой период, когда политика была бы столь радикально противопоставлена общественному мнению по самым разным вопросам. Это также является справедливым в отношении тех вещей, которые только сейчас приобретают значение.

Одним из примеров этого может служить Пентагон. В США шесть человек из семи хотят, чтобы его финансирование либо осуществлялось на прежнем уровне, либо было урезано. Так что даже в этом вопросе политики выступают против народа. Их комментарии любопытны. Гингрич является законченным циником, но очень умелым. Его точка зрения, которую вслед за ним повторяют Heritage Foundation и Cato Institute, заключается в том, что существует философский вопрос. Нельзя заставлять людей платить за то, за что они платить не хотят, и вот почему мы должны сократить расходы на пропитание голодающих детей. Многие этого не хотят, и наша философия заявляет, что они и не обязаны за это платить. Но каким-то образом эта же самая философия утверждает, что бюджет Пентагона можно увеличивать до бесконечности, несмотря на то, что, быть может, три четверти населения выступают против, так как прекрасно осознают, что в результате чей-то чужой карман будет набит деньгами. Так что исчезает и философский вопрос. К счастью, философия — очень тонкая дисциплина, как мы учим этому здесь, и Гингрич тоже это прекрасно осознает, а с ним и Heritage Foundation и ос-

тальные прохвосты, которые все продолжают трудиться над своим смехотворным извращением философии либерализма.

Д. Б.: Но у людей существует много путаницы в головах. Мы говорили об этом с Вами совсем недавно. Всегда существует великое множество самых разнообразных движений мысли и точек зрения, часто противоречащих друг другу. Например, в одной из своих последних статей Вы ссылались на опрос, согласно которому примерно 80% населения полагают, что экономическая система «изначально несправедлива», и что правительство «заботится только о выгоде меньшинства и о частных интересах, не о народе». Это больше, чем стабильные 50%. Однако что именно здесь называется «частными интересами»?

— Хороший вопрос. По-моему, я в своей статье об этом упоминал. В частности, мной было сказано следующее. То, что стоит за этими «частными интересами» с точки зрения человеческих представлений, — вопрос второстепенный. Эти опросы проводятся постоянно, в течение долгого промежутка времени, иногда те или иные формулировки отличаются друг от друга, и поэтому цифры каждый раз выходят немного другие. Однако уже давно примерно половина всего населения на откровенный вопрос, о ком, по их мнению, заботится наше правительство, так примерно и отвечает: о «меньшинстве», о «частных интересах», не о народе. Сейчас это 82%, и это — беспрецедентные цифры. Это значит, что 82% населения США даже и не думают, что у нас существует политическая система.

Что эти 82% называют «частными интересами»? Здесь нужно очень внимательно изучить существо вопроса. Вероятно, судя по результатам других опросов и еще кое-каким источникам информации, если спросить этих людей, чьи именно интересы они называют «частными», то они назовут обеспеченных матерей, правительственных чиновников, элитных специалистов, либералов, руководящих СМИ, профсоюзы. Все это может быть перечислено. Сколь многие упомянули бы Fortune 500, я не знаю. Возможно немногие. Система пропаганды в нашей стране поистине фантастическая. Ничего подобного в истории человечества никогда не существовало. Это целая индустрия связей с общественностью и индустрия развлечений. Средства массовой информации, о которых многие, включая меня самого, не устают говорить постоянно, являются малой частью ее. Я, в основном, говорю о том секторе СМИ, который обращен к сравнительно небольшой аудитории, то есть к высоко образованной. Но если взглянуть на всю эту систему целиком, она покажется огромной. Эта система имеет свои строгие принципы. Ее главная цель — уничтожение демократии. То есть уничтожение любой формы организации или союза между людьми, которая могла бы привести к демократии. Отсюда необходимо демонизировать профсоюзы. Необходимо изолировать людей, разделить их, заставить их ненавидеть и бояться друг друга, необходимо создать у них иллюзорные представления о том, где именно сосредоточена власть. Одной из главнейших задач всей системы пропаганды в течение пятидесяти лет было создание настроения, ныне получившего определение антиполитического.

Это удалось. Отныне человеческий гнев и страх направлен, прежде всего, на федеральное правительство, то есть на ту часть системы, на которую люди действительно в состоянии повлиять, и они, как правило, очень редко способны видеть ту реальную власть, которая как рука простерлась над ними и над правительством. Вспоминается банальность, принадлежащая Джону Дьюи, который, сказал, что «политика — это тень, отбрасываемая на общество большим бизнесом». Это давно должно было стать для всех общим местом, но не многие отдают себе в этом отчет. Так что путаницы в головах много. И она имеет тенденцию обнаруживать себя — чем дальше, тем больше.

Возьмем, к примеру, профсоюзы. Около 80% населения считают, что рабочие не имеют достаточно влияния на то, что происходит. С другой стороны, огромное число людей считает, что профсоюзы обладают чрезмерным влиянием. В этом есть определенная правда. Профсоюзы не всегда четко представляют интересы рабочих. Так что доля правды в этом есть. Однако не в этом их настоящее предназначение. Дело в том, что через демократические профсоюзы рабочие получают слово. Но именно это было вытеснено из сознания людей.

Или взять, к примеру, государственную поддержку малоимущих граждан — тему поистине драматическую. Насколько я помню последние цифры, которые мне довелось увидеть, 80% населения полагают, что правительство обязано оказывать всестороннюю помощь бедным. Вместе с тем существует реальная оппозиция идее государственной «благотворительности», которая, собственно говоря, есть правительственная поддержка бедных. Причи-

на этого — рейгановские сказки: «черные матери в кадиллаках», «девочки-тинэйджеры с детьми», «за которых мы должны платить», — весь этот обман. Вследствие этого люди стали крайне враждебно относиться к государственной «благотворительности»: «Если это — благотворительность, почему я должен за нее платить? Я-то хочу помогать по-настоящему бедным!»

Кроме того, люди преувеличивают сумму денег, идущую на государственную благотворительность. Социальные траты в США всегда были довольно низкими по международным стандартам, а с 1970 года они и без того резко упали. Это чувство огромного бремени государственной «благотворительности» — не более чем фантом. Я не говорю о подлинной «благотворительности», направленной на богатых, — но та тонкая струйка правительственной поддержки, которая направлена к людям, действительно нуждающимся в помощи, и которая никогда не отличалась особыми размерами, она еще к тому же и резко уменьшается. Я думаю, около четверти, а, может быть, и трети всего населения считают, что это самая значительная статья федерального бюджета. На самом деле она почти незаметна. То же самое они ощущают по поводу гуманитарной помощи, тогда как она незаметна совсем. Опять-таки, примерно четверть населения полагает, что это самая большая статья в федеральном бюджете. Еще они полагают, что на них очень сильно давят налоги, тогда как на самом деле у нас очень низкие налоги, и крайне регрессивные.

Имеются две весьма любопытные цифры: доналоговый доход, с одной стороны, и фактический доход после выплаты всех налогов и правительственных

дотаций, с другой. Так что если взять в расчет про- довольственные талоны, а также налоговый эффект и т. д., и спросить, что же останется у людей после того, как эта система сделает то, что от нее зависит, — в большинстве индустриальных стран, подобных нашей, это многое могло бы изменить. Доналоговое неравенство — это не то, что отличает нашу страну от прочих. В США неравенство, которое образуется после уплаты налогов, включая все упомянутые правительственные трансферы, практически совпадает с доналоговым. То есть вся система налогов и правительственных дотаций не очень-то многое меняет. В большинстве стран это меняет очень многое. Вот почему уровень бедности в нашей стране в два раза выше, чем в Великобритании, нашем ближайшем сопернике в этой области, и значительно выше, чем в других странах. Потому что система в целом практически ничего не дает. Эта система в высшей степени регрессивна. А если произвести серьезные подсчеты, что люди, как правило, не делают никогда, то система окажется еще более регрессивной.

Вспомните, например, о таких вещах, которые налогами не называются, но, по сути своей, являются именно налогами. Взять, скажем, Нью-Йорк Сити. Там буквально на днях были сокращены расходы на общественный транспорт. То есть будет тратиться меньше денег налогоплательщиков. С другой стороны, одновременно с этим была повышена плата за проезд, что автоматически означает повышение налогов. Плата за проезд — тот же самый налог, только по-другому названный. Между этими снижениями и налогами есть различие. Налоги регрессивны. Даже если бы должностные лица и бед-

няки в одинаковой степени стали пользоваться метро, это был бы высоко регрессивный налог. Но, конечно, этого не происходит. В подавляющем большинстве именно бедные ездят на метро. То есть это в основе своей регрессивный налог, он ударяет по тем, кто не может платить, и набивает карманы тех, кому за это платить не надо. Если же изучить этот вопрос более обстоятельно, все окажется еще более драматичным. К примеру, скажем, государственная администрация выделила на общественный транспорт, как они выразились, «субсидии», — смешное слово в этом контексте. Это значит, что деньги людей используются на их же собственные нужды. Но присмотритесь внимательнее. В то же самое время они значительно урезали те «субсидии», которые идут на общественный транспорт, такой как метро и автобусы, и увеличили за их счет долю пригородных железнодорожных линий. Теперь они сократили обе эти «субсидии», но та, что идет на метро, сокращена значительно больше, чем та, что идет на пригородные железные дороги. Фактически, согласно последним цифрам, разница государственного инвестирования в эти виды транспорта оценивается как десять к одному в пользу пригородных железных дорог. Кто же ими пользуется? Прежде всего, самые разные должностные лица, живущие в округе Вестчестер и Лонг Айленде. Кто ездит на метро? Это люди, живущие в Квинз, желающие попасть в Бруклин, дети бедняков, едущие в школу. Вот как обстоят дела с налогами. Если бы кто-нибудь принял все это во внимание, то он бы увидел, что эта система фактически может быть названа «пропорциональной», как это следует из расчетов экономистов, так что все разговоры о «пропорцио-

нальном налоге» — ерунда. Это просто разговоры о том, как сделать его еще более регрессивным. Налог уже более или менее является пропорциональным и является таковым, конечно, со времен правления Рейгана. Но если произвести настоящий расчет, то окажется, что он вовсе таковым не является, потому что вся его реальная тяжесть возложена исключительно на неимущих.

Возьмите, скажем, Бостон. Я живу в пригороде, где, в основном, живут очень богатые люди. Проехать две мили отсюда — и вот вы в городе, где проживают очень бедные. Сегодня утром я ездил в Бостон. Кто платит за то, чтобы я смог осуществить эту поездку? Кто следит за состоянием дорог? Кто платит местным полицейским? Кто платит за обслуживание? Это не те ребята, которые живут в моем районе. Мы все только обдираем бедняков. И так работает каждый крупный город. В каждом крупном городе жизнь налажена так, чтобы бедные платили за богатых.

Д. Б.: А кто платит за самый дешевый в мире бензин?

— Вот именно, кто?

Д. Б.: Пентагон.

— На самом деле, тут нужно быть несколько осторожным. Пентагон лишь удерживает цены на нефть в определенных рамках. Он не хочет, чтобы они чересчур опустились или чрезмерно поднялись. Потому что, если цены на нефть будут слишком низкие, это ударит по большим энергетическим компаниям,

которые в основном располагаются в Штатах, во всяком случае те из них, которые не находятся в Великобритании. Нежелательно, чтобы это произошло, потому что эти компании являются важной частью богатого сектора. С другой стороны, если цены на нефть резко взлетят, пострадают другие отрасли экономики. Поэтому необходимо всегда удерживать цены в определенных границах. На протяжении всех последних лет лозунг этой политики был: «Ни слишком высоко, ни слишком низко».

Д. Б.: Здесь, в Бостоне, существует общественная организация, которая называется «Поделись богатством». Ее участникам принадлежит большое число исследований и докладов, посвященных налоговому кодексу. В частности, они сообщают, что если в 1950-е годы корпорации платили что-то около 40% всех налогов, собираемых Службой внутренних налогов и сборов (IRS), то в 1990-е годы их доля снизилась примерно до одной четверти от прежней суммы. Мне кажется, что подобная информация может вызвать у людей интерес.

— Все это не вполне так, как вы говорите. Взгляните на государственные налоги и на все остальные. Налоговый кодекс всегда был регрессивным. Прогрессивных налогов никогда не было много. Обратитесь к работе настоящих аналитиков, таких как Джозеф Печмэн, и других, исследовавших этот вопрос на протяжении многих лет. Они указывали на то, что если все посчитать: государственные налоги, налоги с продаж, весь бизнес, — вы получите достаточно пропорциональный налог. За последние года два это сильно изменилось в худшую сторону.

И продолжает ухудшаться. Есть программы, которые всегда на рабочем столе, и которые называют «программами пропорционального налога», — бессмысленные слова, потому что пропорциональный налог у нас уже существует. Эти программы предполагают наклонить чашу весов еще более резко в пользу богатых, предусматривая даже сокращение налога на доходы с капитала. Доходы с капитала для верхнего 1% населения, составляют около половины всей прибыли, и налоги на них резко сходят на нет. Нам говорят: «Если вы входите в верхний 1%, то мы даже не будем облагать налогом половину вашего дохода», — а ведь это огромная сумма! Все это — сложные механизмы обеспечения того, чтобы бедные, то есть около 80% населения, оплачивали богатых.

Вы постоянно читаете разные байки вроде той статьи в *New Yorker*, написанной Джоном Кэссиди, которую вы мне дали на днях почитать, и где говорится, что все это — «неизбежные побочные результаты работы капиталистической системы». Дескать, «гению рынка присущ этот неприятный эффект». Это совершенная чушь. Все дело в социальной политике, которую можно изменить.

Д. Б.: Он также сказал, что «то, почему люди беднеют, — это тайна».

— Если внимательно присмотреться к этой статье, то в ней обнаружатся крайне любопытные внутренние противоречия. Автор весьма критически относится ко всему тому, что происходит вокруг. Разве, мол, не печально, что столько людей страдает, и т. д. У него доброе сердце. Но затем появляется

«чудо рынка», «гений рынка», все эти «тайны». С другой стороны, говоря о рынке, он упоминает лишь три корпорации: Hughes, Grumman и McDonnell Douglas. Вот, пишет он, «так функционирует рынок». Разве так функционирует рынок? Эти корпорации субсидируются государством! Вообще говоря, очень трудно найти лучшие примеры государственной индустрии. Единственное, что делает их частью рынка, это то, что прибыли оседают в частных карманах. А народ за все это платит. Вот почему эти корпорации «функционируют».

Д. Б.: По-моему, это Вы как-то мне говорили, — возвращаясь к вопросу о человеческом восприятии и о путанице в головах, — что большинство американцев полагает, что лозунг «От каждого по способностям, каждому по потребностям» (Маркс) является частью «Билля о правах».

— Нет, частью Конституции. Это был опрос общественного мнения, который проводился в преддверии 1976 года, к двухсотлетию независимости США. Тогда проводилось много опросов. Среди прочего людям предлагались известные клише, после чего их просили ответить, какие из них заимствованы из Конституции. Около 50% опрошенных сказали, что этот лозунг наверняка из Конституции, — ведь мысль настолько очевидная! Отсюда, кстати, можно было тогда сделать вывод о провале «левых», — во всяком случае, относительно организации. Если половина всего населения полагает, что самая крайняя точка зрения не только верна, но и должна быть отражена в Конституции, то для «левых» это определенно провал.

Д. Б.: Мы переживаем сейчас эру реформ, — вот еще один «оруэллизм», — эру налоговых реформ, реформ в сфере «всеобщего благосостояния». Поэтому существует так называемое «лоббирование реформ». Неоднократно высказывалось предложение перестать финансировать «левых», обуздать активность некоммерческих организаций. Интересно посмотреть, какие организации упомянуты как «левые».

— Хотя, опять-таки, слово «реформа» следует употреблять очень аккуратно. Мы ведь не называем реформами то, что делал Гитлер. В слове «реформа» всегда ощущается нечто положительное. Предполагается, что в результате реформ вещи становятся лучше. Поэтому это слово следует вообще не употреблять, а говорить «перемены». То же самое можно сказать и о слове «обещание». В каждой газетной статье можно прочитать: «Вам может нравиться или не нравиться то, что делают республиканцы, но свои обещания американскому народу они выполняют». Если я говорю, что изобью вас до полусмерти, а потом это сделаю, — это не обещание. Я вовсе не «обещал» сделать то, что я сказал, я вам угрожал. Таким образом, следовало бы писать: «Республиканцы претворяют в жизнь свои угрозы американскому народу». Особенно, если мы знаем, что в результате испытывает американский народ. Это отнюдь не реформы, иначе мы с вами могли бы говорить о «реформах» Сталина или Гитлера. Это «перемены». Они могут нравиться или не нравиться, но это не реформы.

Сейчас происходят две очень важные вещи, которые тесно связаны с тем, о чем вы сказали. Одна из

них — «поправка Истука», которая медленно прокладывает себе дорогу. Впрочем, не думаю, что это когда-нибудь осуществится. Это уже было бы крайностью. Сейчас она находится в стадии законопроекта. Эта поправка содержит в себе циничную аргументацию, которая стремится доказать, что, скажем, только военная промышленность и только крупные корпорации могут иметь право лоббировать собственные интересы. Любой другой, кому дороги интересы народа, согласно этой поправке будет лишен возможности их протолкнуть на политическую арену. Основная идея этого документа заключается в том, чтобы нанести еще один тяжелый удар по «левой» части демократической системы. Для этого необходимо ввести ограничения на право лоббировать свои интересы в сфере политики, — тем самым на вашу позицию оказывается давление. «Лоббировать» — это значит, к примеру, составить письмо своему представителю или что-нибудь в этом роде. Однако даже подобная мелочь, согласно данному документу, будет возможна только для тех, кто и без того получает огромную правительственную поддержку.

На этом пути практикуются разные методы. Первый из них такой: утверждается, что если вы получаете финансовую поддержку от государства и являетесь некоммерческой организацией, то вы не можете использовать для лоббирования собственные деньги. Обратите внимание, вопрос об использовании федеральных денег на лоббирование даже не поднимается. Это уже незаконно. Так что тут и говорить не о чем. Вопрос ставится по-другому: можете ли вы использовать собственные деньги? Предположим, что 5% всех ваших денег проистекают из

правительственных субсидий, — можете ли вы использовать остальные 95% на продвижение своих интересов в области охраны окружающей среды или улучшения медицинской помощи? Вначале было предложено наложить на это запрет, конечно, при том условии, что это ограничение касалось бы только некоммерческих организаций. Тем самым предполагалось, что если вы получаете прибыль, подобно таким образцовым капиталистическим предприятиям, как корпорации Hughes, McDonnell Douglas и Grumman, то вы можете продолжать лоббировать все, что захотите, потому что вы получаете прибыль. Это предложение было отклонено.

Внесенное позднее предложение, которое, вероятно, будет принято, заключается в том, чтобы потребовать от некоммерческих организаций отчета в любой мелочи, в результате чего бюрократические издержки многократно возрастут, и большей части этих организаций придется прекратить существование.

Это один аспект «поправки Истука». Другим аспектом этой программы является прекращение государственного финансирования «левых», что само по себе интересно. Начало этому положил Cato Institute. Сейчас идея проталкивается Конгрессом, и об этом была публикация в Wall Street Journal. То, что они говорят, это очень интересно. Они ссылаются на Heritage Foundation и Ньюта Гингрича как представителей точки зрения, согласно которой необходимо прекратить финансовую поддержку «левых», ибо несправедливо, что правительство оказывается втянутым в проталкивание всякого рода «политических интриг».

Интересное слово — «интриги». «Интриги» —

нечто, присущее людям, стремящимся творить плохие дела, например, помогать бедным или охранять окружающую среду. Это все «интриги». А вот если вы стараетесь набить свой карман деньгами, это уже не «интриги». Таким образом, есть множество людей, занимающихся своими «интригами», а правительство их финансирует. И это неправильно, потому что с какой это стати мы обязаны финансировать «левых»?

Взгляните на список «левых» организаций, опубликованный в том же самом номере Wall Street Journal. Главная организация «левых», финансирование которой должно быть прекращено, — Католическая служба помощи. Крайне «левого» толка организация! В качестве аргумента приводится то обстоятельство, что, дескать, встречаются священники и монахини, которые даром работают в программах Head Start и помогают отапливать дома бедняков. Это — «интриги» «левых». Они помогают людям. И поскольку священники и монахини все это делают, и при этом им удается время от времени получить от правительства немного денег, их финансовая поддержка со стороны государства должна быть прекращена! Это была «левая» организация номер один. На втором месте шла Американская ассоциация пенсионеров (AARP). Это была «левая» организация номер два. Причина того, что все эти «левые» также должны быть лишены государственного финансирования, заключается в том, что AARP осуществляла программу, цель которой — помочь пожилым беднякам найти работу. Это опять «интриги» «левых», значит, финансирование должно быть приостановлено. Можно вспомнить, что Wall Street Journal буквально на днях опубликовал

статью, в которой говорилось о том, что каждый шестой пожилой человек голодает, и многие старики буквально умирают от голода. Но если кто-то пытается обеспечить этих людей работой, то это уже «программа левых», и ее необходимо лишить финансирования. Следующей оказалась какая-то консервативная организация. По их представлениям, каждый, кто проявляет хоть малейшую заботу о людях, автоматически оказывается «левым»! С другой стороны, довольно лестно, а также занимательно, что наделенные этим ошибочным ярлыком «консерваторы» ограничивались приемом в свою организацию только людей, которых трудно назвать иначе, чем сумасшедшими, — если судить с точки зрения здравого смысла и, конечно же, подлинно консервативных позиций.

Д. Б.: Любопытно, что в этот список была включена, среди прочих, Американская ассоциация больных сердечными заболеваниями, которой и без того всегда затыкали рот, пытаясь ее удержать от высказываний о вреде курения. Тем временем Philip Morris и табачная индустрия вообще, которая субсидируется очень основательно, имеет возможность лоббировать свои интересы вволю.

— Если говорить о «поправке Истука» и о проблеме в целом, необходимо также упомянуть об алкогольной промышленности, которая очень активно ее поддерживает. Они прилагают огромные усилия к тому, чтобы протолкнуть ее как можно скорее. Они не хотят, чтобы люди могли говорить, что алкоголь приносит огромный вред, — а это действительно так, — и вред гораздо больший, чем прино-

сят тяжелые наркотики, хотя, разумеется, и не настолько большой, как тот, который приносит табак. Самым значительным вкладчиком для этих парней является Philip Morris, — так же главный убийца, — поэтому им и нужна защита. Их «интриги», если можно употребить их собственное выражение, настолько понятны и очевидны, а последствия от этих «интриг» настолько катастрофичны, что нужно быть поистине гением, чтобы этого не замечать.

Д. Б.: Давайте поговорим немного о СМИ и о том, что сейчас вокруг них происходит. Этим летом разразилась целая буря мега-слияний в СМИ: Disney прибрала к рукам Cap Cities/ABC, Westinghouse вступила во владение CBS, Time Warner отошла к Тернеру. Какую бы Вы могли дать оценку этим процессам?

— Прежде всего, нужно не забывать, что все это часть чего-то гораздо большего. Сейчас действительно идет беспрецедентная волна слияний. Даже в самый пик правления Рейгана такого не было. Происходит реальное продвижение в сторону того, что в деловой прессе называют обычно «мега-корпорациями». Что, со своей стороны, означает рост, радикальный рост тиранической, тоталитарной структуры внутри мировой и национальной экономики. Разумеется, все это именно тирании и институты тоталитарной власти. Ни у кого не должно быть ни малейших сомнений на этот счет. Они все больше объединяются между собой и набирают все больше силы, — что уже само по себе может считаться серьезной атакой на рынок и демократию, поскольку эти системы контролируют связи между людьми, —

и любые контакты в условиях тоталитарной системы являются «внутренним делом» самой этой системы. Эти огромные командные экономические системы выходят далеко за пределы того, что люди, смешно сказать, называли «социалистическим». Мега-слияния в сфере средств массовой информации — часть этого. Значительно более важным, чем то, что происходит сегодня со СМИ, является все возрастающая концентрация тиранической власти в частных руках, недоступных никакому контролю.

Что касается СМИ, то какой будет эффект? Я всегда был немного скептиком относительно этого. Я не думаю, что имеет большое значение, сколько, к примеру, в Бостоне корпоративных газет — две, три или одна. Разница между ними действительно существует, но она не так уж велика. Есть, скажем, три телевизионных канала, принадлежащие нескольким огромным мега-корпорациям, а позже оказывается, что, в сущности, это только один канал, потому что все они принадлежат одному человеку, Руперту Мердоку. Подозреваю, что в этом случае разница между каналами будет незначительной.

Известное разнообразие будет иметь место всегда, — даже внутри системы, где власть принадлежит очень узкому кругу лиц, скажем, Политбюро в России. Если внутри Политбюро существуют фракции, то свободы всегда будет чуточку больше, чем если бы этих фракций не было. Существенно, что основная роль все равно будет принадлежать Политбюро как целостной структуре, а не той или иной совокупности фракций. Даже в тоталитарном государстве мы всегда обнаружим известное разнообразие представлений в силу наличия фракционности во властном секторе. Однако значение будет

иметь не вопрос о количестве фракций в правительстве, а его антидемократический характер. Такие явления, как слияние в области СМИ, подобны тому, как если бы количество фракций в Политбюро сократилось, и это, конечно, не может не беспокоить, но мы только зря теряем время, если будем этому уделять слишком много внимания, упустив общую картину.

Не так уж много существует людей, включая моих близких друзей и коллег, которые согласятся со мной в этом вопросе, поскольку то, о чем я сейчас говорил, вовсе не является очевидным. Может быть, я не прав. Но такова моя точка зрения.

Однако разрешите мне поделиться с вами своим личным опытом. Вы помните нашу историю с Warner и первой книгой: «Жестокость контрреволюции: Кровавые реки как факт и пропаганда» (Counter-Revolutionary Violence: Bloodbaths in Fact and Propaganda), которую мы с Эдом Херманом написали в 1973 году. Издательский дом Warner Modular, который согласился ее издать, был устранен из бизнеса, — то есть была уничтожена не только наша книга, но вообще все книги, изданные Warner Modular. Решение об этой массивной атаке на свободу слова было принято руководителем Warner Communications, которому наша книга не понравилась. Никакой реакции со стороны так называемых борцов за свободу слова не последовало (Бен Багдикьян написал об этом позднее). Но в те дни они еще не были Time-Warner. Это были Warner Communications. Достаточно большая компания, но не идет ни в какое сравнение с тем, что она представляет собой сейчас, и тем более с тем, чем она стала в результате последнего слияния. Изменился их стиль по-

ведения? Нет, почти. Разница незначительна. Я думаю, это аналогично фракциям в Политбюро.

Д. Б.: Я недавно беседовал с Бобом Пэрри (независимый журналист) и Джеффом Коэнном («Честность и точность сообщения») по этому поводу. Они утверждают, что разница существует, что в результате концентрации мега-слияний в отделе новостей теперь ощущается больше робости — с трудом это себе представляю! — и опасливой осторожности, потому что рабочих мест стало меньше. Следовательно, меньше приходится выбирать.

— Это совсем другое дело. Думаю, они путают две разные вещи. Количество рабочих мест уменьшается независимо от слияний. Возможно, мега-слияния как-то воздействуют на этот процесс, но я сомневаюсь, что значительно. Основная причина в том, что служба новостей идет на спад. И в этом есть смысл, поскольку главной целью этой огромной системы является уничтожение демократии, то есть отстранение народа с политической сцены. Чем больше вы вкладываете денег в развлекательные программы и рекламу и чем меньше в новости, тем лучше. Кое-какие новости давать необходимо. Людям все же хочется иметь некое смутное представление о том, что происходит. Но внутри государственной капиталистической экономики существует система естественного давления, цель которого — не допустить выхода народа на политическую арену, и новости — одно из этого. Так что, конечно, количество программ новостей будут стараться сократить, не говоря уже о том, что новости — это не так уж и выгодно. С точки зрения СМИ, денег на программы ново-

стей нужно много, а рекламы туда много не вставишь. Рекламодателей это не устраивает. Поэтому, подобно тому, как никто из них не собирается финансировать документальный фильм, рассказывающий о проблемах здравоохранения, точно так же никто не станет финансировать программы новостей, которые по произведенному эффекту не уступят документальному фильму, давая народу несколько версий происходящего, иной раз сильно расходящихся с действительностью. Это не в их интересах.

Следовательно, независимо от слияний давление будет постоянным, оно есть и теперь, и весьма серьезное, — в частности, это проявляется в сокращении репортажей-расследований. Возможно, такие репортажи и будут еще допускаться, если тема не очень значительна, коррумпированный судья, например, или дело О. Дж. Симпсона. Будет делаться все что угодно, лишь бы отвлечь людей от серьезных проблем. Могут быть также допущены репортажи, которые возбуждают страх и ненависть у населения. Вы просто подумайте о тех, кто вкладывает в это деньги, и спросите, какой у них интерес представлять честный и открытый взгляд на мир. Очень слабый. Так что все это происходит независимо от того, имеют ли место мега-слияния или нет. Они, конечно, производят определенный эффект, но он, как мне кажется, незначителен. В принципе, все могло бы пойти и по иному пути. Может быть, если бы СМИ управлял один тоталитарный институт, то они бы могли позволить себе больше внутренней свободы, поскольку угроза была бы меньше. Я не говорю, что это может произойти, но такую возможность не следует исключать.

Позвольте мне привести пример. Недавно я побывал в Австралии, где все не так, как у нас. Я выступал на Australian World Services, и говорил относительно договора о разделе Тимора. В Австралии это важная тема. Австралии пришлось предстать перед Международным Судом по обвинению в нарушении международного законодательства. У меня было получасовое интервью, и я весьма критически отзывался о позиции Австралии. Это происходило в Австралии, не в США. Здесь я не могу представить себе ничего подобного. Интервью происходило на Australian World Services и транслировалось на Индонезию через спутник Мердока, никак не меньше.

Д. Б.: Джефф Коэн и другие высказали недавно свое мнение по поводу происходящего в «правых» СМИ, в особенности, того, что касается ток-шоу на радио. Руперт Мердок только что основал новый еженедельный «правый» журнал The Standart. Есть также USA Today и тому подобные вещи. Вы не заметили этого?

— Разумеется. Здесь налицо большой подъем. Это было всегда, но с начала 1970-х годов наблюдается ускорение. Произошли две вещи. Первая — это то, что шестидесятые многих напугали, и либералы не были исключением. Все были очень напуганы. Произошел «кризис демократии». Люди напрямую соприкоснулись с политикой. Теперь их необходимо стало вернуть к апатии и невежеству, которые они, как правило, предпочитают. Кризис затронул всех, и либералов, и консерваторов. Это стало причиной полномасштабного наступления на университеты,

независимую мысль, независимые СМИ и т. д. Это одно.

Второй фактор — это то, что приблизительно в то же самое время новейшее современное оружие попало в руки частной власти. Тогда же независимо произошли ускорение процесса глобализации экономики, революция в области телекоммуникаций и дерегуляция финансовой системы. Именно это имело эффект передачи мощного оружия в частные руки. Так что, можно сказать, независимо от кризиса шестидесятых, была попытка нарушить равновесие сил, которое установилось вследствие либерализма «стиля Нового курса», «откатиться» назад. То, что произошло, стало подлинной катастрофой.

Последним либеральным президентом США был Ричард Никсон. С тех пор, начиная с Картера, шла постоянная атака на социальные программы, продолжался рост регрессивных форм государственной власти, таких как система Пентагона. Эти вещи происходили одновременно. Появились ток-шоу. Они были просто ужасными, но все-таки в них наблюдалось разнообразие. Впоследствии они очень резко сместились «вправо», как и все остальное. При колледжах появилось огромное количество студенческих городков, где в каждом почтовом ящике можно найти глянцевого журналы «супер-ультра-правого» толка, — все это тоже началось примерно тогда. Резко увеличилось число самых различных фондов, опять-таки, крайне «правого» толка, целью которых является только одно — уничтожение системы народного образования. Все это продолжается по сегодняшний день. И этот процесс ускоряется, что справедливо отмечают журналисты. Рост влияния «правых» — реальная вещь,

однако я все же не думаю, что это происходит из-за мега-слияния СМИ.

Д. Б.: Вы говорили недавно о статье, опубликованной в Wall Street Journal, «Волна голода среди стариков». Несколько дней назад они напечатали материал, очень позитивно оценивающий правительственные благотворительные программы в Южной Каролине. В то же самое время New York Times пишет о классовом конфликте. Налицо явные противоречия, Вам так не кажется?

— Противоречия встречаются на каждом шагу. Возьмите вопрос о сокращении управленческого аппарата. Приблизительно две недели назад в Times была большая статья о том, насколько все это удручает большие инвестиционные фирмы. Им необходима Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям (SEC). Рынок в той степени, в какой он существует, — дело весьма дорогое. Нужно очень много денег для того, чтобы его основать, и для того, чтобы им управлять, денег нужно не меньше. Если рынки не учреждать и не поддерживать их в должном порядке, то никаких рынков не будет. Будет только мошенничество, коррупция, нищета и быстрый финансовый крах, которые все уничтожат. Поэтому все эти «большие парни», крупные инвестиционные фирмы, финансовые институты и банки всегда возлагают надежды на SEC и на вмешательство со стороны государства с целью защиты функционирования рынков в той степени, в какой они существуют. Степень эта весьма ограничена, но не нулевая. Поэтому атаки на SEC, которые происходили недавно, этим парням не понравились. То же

самое можно сказать и в отношении Министерства торговли. Сейчас оно подвергается частым атакам со стороны вновь пришедших в правительство республиканцев. Однако большому бизнесу Министерство торговли необходимо. Оно просто кладет им деньги в карман. Министерство торговли — это одна из систем, обеспечивающих благополучие богатых, — конечно, они не захотят ее потерять.

То же самое можно сказать о проблемах охраны окружающей среды. Если вы обратили внимание, основная атака всех этих республиканских новичков была направлена как раз на эти проблемы. Однако в этом вопросе они были разбиты по причине, что крупные корпорации, которые могут думать на пять лет вперед, понимают, что мир, в котором бы можно было по-прежнему благополучно существовать, им не помешал бы и лет через пять или десять. То же самое произошло в случае с Администрацией по контролю за продуктами питания и лекарствами (FDA). Фармацевтические корпорации выступили против уничтожения FDA. Они, быть может, не возражали бы против ее частичного сокращения, но полная ликвидация FDA их не устраивает. У них хватает ума сообразить, что если будет утрачен контроль над ситуацией, то через пять или десять лет непременно наступит какая-нибудь катастрофа, и тогда они потеряют свои международные рынки. Отношения между частным большим капиталом и государственной властью всегда обладали характером симбиоза. Те и другие хотят, чтобы ничто не менялось.

Если взглянуть на историю американского бизнеса в целом, то обнаружится некий систематический раскол. Том Фергюсон написал ряд очень интерес-

ных работ по этому поводу, как и некоторые другие. Существует принципиальное различие между тесно связанным с капиталом, высокотехническим, ориентированным на международные связи финансовым и промышленным сектором, настоящими «большими парнями», с одной стороны, и требующим интенсивного труда, ориентированным на внутренний рынок и менее продвинутым в технологическом плане сектором той же самой системы, с другой. Это то, что называется «малым бизнесом», который, конечно, нисколько не мал. Это различие проявляется буквально во всем. Так, например, его легко обнаружить в системе лоббирования, в структуре Совета бизнеса, а также — с недавних пор — в структуре Круглого стола по вопросам бизнеса. Перечисленные структуры представляют «больших парней». Этим ребятам необходимо сильное государство. Часто они даже — в том или ином отношении — поддерживают меры «Нового курса». Они всегда в первых рядах того, что иногда называется «благотворительным капитализмом». О них нельзя сказать, что они думают исключительно о собственной выгоде. Они все время думают также о достойном жизненном уровне своих рабочих. Это им не обходится слишком дорого. Эти ребята умеют ценить преимущества общества, которое функционирует ровно, без сбоев.

С другой стороны, возьмите такие организации, как, например, Торговая палата или Национальная ассоциация промышленников — типичных представителей другого сектора. Они по многим вопросам проводят совсем другую политику. Как раз сейчас в Вашингтоне происходит необычное смещение власти в сторону так называемого «малого бизнеса».

Представители большого бизнеса вполне этим довольны, во всяком случае, пока это служит их обогащению, что и происходит. Но они настороженно наблюдают. Республиканцы Гингрича в разговоре придерживаются популистской линии. От них можно даже услышать отдельные высказывания против частной корпоративной власти. Конечно, они ничего не предпринимают на этот счет. Если они когда-нибудь начнут что-то делать, будет интересно взглянуть. Не думаю, что их хватит надолго. Пока они высказываются в популистском духе, но кладут деньги в карман богатых, они могут продолжать высказываться в каком угодно духе. Но когда конфликт и в самом деле получит развитие, они спокойно вернутся на прежнюю дорожку.

Д. Б.: Вы говорили всегда, что Вас бы мало заботило, если бы эти ребята — «передовые отряды республиканцев», как их обычно принято называть, — оказались обыкновенными политиками, скользящими по верхам, коррумпированными и т. д., и что Вы были бы более обеспокоены, если бы они оказались другими. Считаете ли Вы сейчас, что они другие?

— Я полагаю, они представляют собой действительно иное, и это интересно и очень важно. Они представляют собой разновидность прото-фашизма. И это опасно. В первую очередь, я имею в виду религиозный фанатизм, — а это чрезвычайно опасная вещь. Вокруг этих ребят образовалась определенная культурная атмосфера, проявляющаяся во всем, и которая, несомненно, имеет фашистский характер. Все, что мы только что обсуждали, свидетельству-

ет об этом. В их головах царит настоящий садизм. Эти люди готовы перерезать вам горло. Любого, кто не согласен с их лозунгом: «Завтра я буду богатым», они способны убить. Не просто выступить против, а уничтожить. Циники, вроде Гингрича, это уже крайность, но и другие, — так сказать, «умеренные», — делают все, чтобы вызвать у населения ненависть и страх по отношению к иммигрантам и беднякам. Они это делают с радостью. Их позиция преисполнена крайней злобы.

Вы можете увидеть повсюду. Взять, к примеру, штат Алабама, который недавно ввел у себя старый обычай водить каторжников в кандалах, сковав их между собой общей цепью. Это настоящий садизм. Или наш губернатор, Уильям Уэлд, которого все считают умеренным. Он — умеренный республиканец и типичный «хороший парень». Только на прошлой неделе, едва ли не каждый день, в любой газете можно было найти публикации, рассказывающие о том, как людей выгоняли из приютов в том случае, если ему не нравился их образ жизни. Например, мать взяла на работе лишний выходной, чтобы заботиться о своем умственно отсталом ребенке. О'кей, вон из приюта! Ему это не нравится. Он считает, что она должна работать, а не сидеть с ребенком. Беспомощный инвалид войны не хотел переезжать в известное всем прибежище для наркоманов. Отлично, вон, на улицу. Это один день. На другой день появляется информация, что отныне службы государственного обеспечения, социальные службы, должны сообщать в Службу иммиграции и натурализации (INS) обо всех, кто на их взгляд, может быть нелегальным иммигрантом. Затем их должны депортировать. Это значит, что вместе с

ними должны депортировать их детей. А ведь их дети вполне могут являться гражданами Америки! Таким образом, американский гражданин будет депортирован по приказу губернатора, если ему не понравится способ, посредством которого родители этого гражданина впервые здесь оказались.

Подлинным смыслом и целью этих мероприятий является гарантия того, что все дети умрут от голода, потому что их родители не смогут обращаться в социальные службы. Дети не смогут ходить в школу. Этим детям просто плюют в лицо. Вот в чем заключается смысл всей этой затеи. И так день за днем. В течение прошлой недели была напечатана целая серия статей, словно бы сошедших с пера Джонатана Свифта. В частности, в одной газете говорилось о том, что губернатор Уэлд предоставил, — не помню, сколько именно денег, однако не меньше двух миллионов долларов, — ребятам, которые управляют ипподромом. Таким образом, были урезаны даже те гроши, которые шли до этого на борьбу с азартными играми. Склонность к азартным играм — это пагубная привычка, такая же вредная, как и все подобные ей. Но губернатору нужно, чтобы она получила еще большее распространение. Дело в том, что азартные игры — это налог на бедняков. Ведь друзья губернатора не ходят на скачки. На скачки ходят одни бедняки, подобно тому, как одни бедняки покупают лотерейные билеты. Другьям губернатора они не нужны. Вот вам еще один регрессивный налог на бедных. Поэтому давайте способствовать его росту, давайте предоставим еще больше денег из государственных фондов тем, кто содержит ипподромы и помогает нам увеличивать этот налог.

Так продолжается день за днем. Это — садизм

чистой воды. Садизм осознанный. Губернатор не дурак. Он стремится найти у населения поддержку, культивируя ненависть и страх. Идея его такова: «Эти малолетки, — подразумеваются «черные малолетки», хотя в либеральном государстве так не принято говорить, — рожая все больше детей, обворовывают нас. Мы не позволим им этого. Давайте их ненавидеть, давайте плевать им в лицо, в то время как я буду плевать в лицо всем вам!» Это — настоящий фашизм. И это идет со стороны так называемых либералов. Это — вовсе не «передовые отряды» Гингрича. Это либеральная, умеренная, образованная часть общества.

Так по всему кругу вопросов. Посмотрите внимательно. Отмеченный синтез крайнего религиозного фанатизма, истерии, нетерпимости, злобы, садизма, страха, ненависти у людей, которые все очень правильно понимают, таких как Ньют Гингрич, Уильям Уэлд и других, служит единственной цели — гарантировать рост тоталитарной власти прежде всего в руках представителей частной тирании, на которую они работают, но также и в руках государства, которое все больше и больше оказывается в плену системы государственной безопасности и разного рода инструментов перевода финансов в карманы богатых. Это неписанный закон фашизма. И это опасно.

Д. Б.: Вы назвали данную экономическую систему «абсурдно-катастрофической». Какую систему Вы сами могли бы предложить?

— Это тема для отдельного разговора. Я выступаю за демократическую систему. Давно уже стало об-

щеизвестным (эта идея никак не связана с «левыми» *per se*, ее справедливость была доказана в ходе борьбы американского рабочего класса и в трудах независимых общественных мыслителей), что не может быть никакой демократии в случае, если народ не контролирует основные решения. А основные решения, и это также всем давно хорошо известно, связаны, прежде всего, с финансированием: «Что вы делаете с деньгами? Что происходит в стране? Что производится? Как это производится? Каковы условия для труда? Куда это все уходит? Как распределяется? Где продается?» Целый букет вопросов, требующих соответствующих решений, которые, конечно, не охватывают всего на свете, но если эти решения не находятся под демократическим контролем, тогда мы имеем дело с той или иной формой тирании. Эта истина стара, как мир, и она является точно таким же американским продуктом, как яблочный пирог. Чтобы это понять, не нужно обращаться к марксизму или еще чему-нибудь в этом роде. Это непосредственно следует из опыта американской истории.

Источник этих идей — элементарный здравый смысл. Вот что должно быть положено в основание. Это означает разрушение всех тоталитарных систем. Частные корпорации столь же тоталитарны, как фашизм и большевизм. Интеллектуальные корни, из которых они выросли в начале XX века, у них одинаковые. Подобно другим формам тоталитаризма, должны уйти и частные тирании. И они должны быть поставлены под общественный контроль.

Давайте рассмотрим возможные способы общественного контроля. Должны ли это быть рабочие советы, или общественные организации, или нечто

среднее между ними? Какого рода структура федеральной власти должна существовать? Здесь вы начинаете размышлять о том, как должно выглядеть и действовать свободное и демократическое общество. Над этим стоит хорошенько подумать. Однако нам еще очень далеко до этого. Первое, что необходимо сделать в случае любых перемен, это осознать существующие формы угнетения. Если рабы не осознают, что рабство — это угнетение, не имеет смысла спрашивать, почему они не живут в свободном обществе. Они полагают, что живут. И это не шутка.

К примеру, женщины. В подавляющем большинстве и в течение долгого времени они ощущали угнетение, но не рассматривали его как угнетение. Они считали, что это — жизнь. Тот факт, что вы не рассматриваете это как угнетение, не означает, что вы не понимаете этого на определенном уровне. На каком-то уровне вы отдаете себе в этом отчет. И то, как вы это знаете, может принимать весьма губительные формы — и для вас самих, и для всех остальных. Это справедливо в отношении любой системы угнетения. Но если вы этого не ощущаете, не отдаете себе отчет, не понимаете этого, не понимаете, помимо всего прочего, что это не гений рынка и не тайна, как это представлено в той статье в *New Yorker*, а абсолютно понятное, совершенно не гениальное и легко поддающееся под общественный контроль, — если все это не понято, вы не сможете перейти к следующему этапу. Именно на следующем этапе вы задаете вопрос: «Как можно изменить систему?»

Думаю, понять, как изменить систему, поможет чтение независимой рабочей прессы примерно сто

пятидесятилетней давности, о которой мы с вами говорили раньше. Это были обычные рабочие, мастеровые, «фабричные девчонки» с ферм Новой Англии и т. д. Они знали, как изменить систему. Вы тоже это знаете. Они были полностью против того, что называют «новым духом века»: «Зарабатывай деньги, не думай ни о чем, кроме себя самого». Они хотели сохранить высокую культуру, которой они уже обладали, солидарность, сострадание, контроль. Они не хотели быть рабами. Они считали, что целью Гражданской войны было покончить с рабством, а не утвердить его. Все это — совершенно обычное восприятие жизни, и оно совершенно правильное. Оно способно привести на путь, который может принять гораздо более свободное общество.

ИЗРАИЛЬ. БДИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ НА ПОСТУ

6 ЯНВАРЯ 1996 ГОДА

Д. Б.: На днях французское правительство попыталось навязать французским рабочим свой собственный вариант «классовой войны». Ответ был весьма драматичным. Произошли широкомасштабные демонстрации, парализовавшие страну. Что Вы обо всем этом думаете?

— В действиях французского правительства нет ничего особенно специфического. Оно всего лишь применяет один из вариантов неолиберального структурного регулирования, от которого давно уже задыхается большая часть стран «третьего мира». У них нет другого выбора. Теперь это стало все чаще применяться по отношению к индустриальным государствам. Лидерами здесь остаются США и Великобритания, однако в условиях глобализации экономики прочие страны тем или иным способом оказываются втянутыми в этот процесс. Отличие Франции от других государств сказалось, прежде всего, в ответной реакции людей, а не в самих программах. Во Франции до сих пор не утратили своего значения традиционные солидарность и активность рабочего класса, что удивило многих. Я не думаю, что по существу это произведет эффект. Проявление подобной активности было интересно и важно, и это могло бы стать причиной возникновения все более новых и более эффективных форм общественного протеста.

Д. Б.: Вы были удивлены?

— Да. В других местах, где людям приходится еще тяжелее, подобной ответной реакции не было.

Д. Б.: Удивительно, что этого не случилось в Декейтере, штат Иллинойс, где почти одновременно с событиями во Франции потерпела крах забастовка, организованная профсоюзом Объединенных рабочих автомобильной и авиационной промышленности (UAW) на Caterpillar, продлившаяся, в общей сложности, 18 месяцев.

— Она потерпела крах, вы правы. Но интересно как это произошло. Большая часть рабочих проголосовала против прекращения забастовки. Начало переговоров с администрацией означало их полную капитуляцию перед Caterpillar. Это понимали все. Произошел «разгром», как назвала это событие деловая пресса. 80% рабочих завода было против капитуляции. Высшее руководство профсоюза считало необходимым забастовку прекратить, и, возможно, что они были правы. Их точка зрения была такова, что силы не равны, и шансы, что рабочие смогут выстоять до конца, крайне невелики. Но это несопоставимо с событиями во Франции. Там это было проявление солидарности рабочего класса. Но в США рабочая солидарность фактически объявлена вне закона. У нас не бывает всеобщих забастовок или хотя бы элементарных бойкотов. Они запрещены законом. Законы были задуманы для того, чтобы сделать невозможным выступления для защиты общих классовых или иных интересов, что в усло-

виях индустриального общества довольно-таки необычно. Может быть, это единственный случай, по меньшей мере, среди наиболее демократических государств.

Во Франции это было общенациональным делом. Здесь же едва ли кто-нибудь знал вообще о том, что происходит в Декейтере. В газетах практически ничего нельзя было обнаружить по этому поводу, разве что совсем немного в деловой прессе или, скажем, в Chicago Tribune, то есть, в таких газетах, которые, с одной стороны, ориентированы на бизнес, а с другой — издаются в непосредственной близости к местам событий. Очень мало людей знали о происходящем. Вы, наверное, помните эпизод, когда рабочие из Декейтера пришли в один из отдаленных районов Бостона, чтобы добиться поддержки со стороны местного населения, то смогли собрать на митинг совсем небольшую группу людей, что само по себе необычно. В подобных обстоятельствах практически все что угодно способно собрать большую толпу народа. Тем не менее рабочие оказались одни.

Позиция Caterpillar была в высшей степени сильной. Как вообще вся корпоративная Америка, в последние годы они получали огромные прибыли. За прошлый год, если я не ошибаюсь, их доход вырос на 40% или 50%. И эту прибыль они использовали для проведения очень разумной деловой стратегии. Эти люди ведут жесткую классовую войну, и поэтому всю свою прибыль они использовали для создания дополнительных производственных мощностей за границей, в силу чего, как они разъяснили в деловой прессе, они теперь в состоянии без труда подорвать любые акции рабочих, просто используя

другие возможности, многие из которых находятся за границей, и тем самым гарантировать для себя сохранение контроля над рынком. Кроме того, и это опять-таки отличает США от других индустриальных стран, у нас разрешается, с целью положить конец забастовке, использовать постоянных резервных рабочих, что еще хуже, чем штрейкбрехеры. Международная рабочая организация ставила этот вопрос нашей стране, но ничего не изменилось. Остается огромное число рабочих с частичной занятостью и т. д. Так что у Caterpillar оказались сильные позиции для того, чтобы эффективно вести классовую войну, вплоть до успешного уничтожения некоторых из последних остатков американского тред-юнионизма.

Всеобщей солидарности не было еще потому, что об этих событиях мало кто был информирован. Напротив, было приложено много сил, чтобы все происходящее оставалось в секрете. Другая причина этого заключается в том, что проведение общественных акций в нашей стране имеет существенные ограничения, частично эти ограничения заложены в нашей системе законодательства, частично же они представляют собой результат бурной деятельности пропаганды, которая делает все возможное, чтобы вымести из человеческого ума все подобные представления и оставить каждого один на один с устрашающим ликом власти.

Д. Б.: Еще несколько слов по поводу забастовки в Декейтере. Мне стало известно, что к вернувшимся на завод рабочим администрация применила санкции, можно сказать, наподобие «сталинистских».

— Не «наподобие». В Wall Street Journal была напечатана статья, в которой прямо говорилось о том, что на рабочих были наложены обязательства, цель которых заключается в том, чтобы заткнуть им рот. Компания готова позволить отдельным рабочим вернуться, что само по себе уже странно, но в соответствии с этими новыми обязательствами они не должны заговаривать о забастовке. Они не должны критиковать руководство. Они не должны носить футболки с надписями, которые компания может посчитать оскорбительными для своей репутации. Это подлинный «сталинизм», а не что-то «наподобие» его.

Д. Б.: После этих Ваших слов о Сталине хотелось бы поговорить о том, что происходит сейчас в России. Недавние выборы показали возрождающуюся поддержку Коммунистической партии. Вам не кажется это полностью неожиданным?

— Я бы не стал интерпретировать это таким образом. Это ведь происходит не только в России, но и по всей Восточной Европе. Стандартная версия, представленная в New York Times, которую я почти дословно цитирую, что «ностальгия по прошлому возрастает по мере отдаления этого прошлого». Я не думаю, что тут есть какие-либо признаки ностальгии по сталинским лагерям. Дело не в том, что прошлое отдалается. Дело в том, что приближается настоящее, и настоящее — это Бразилия и Мексика. Но сколь ни ужасна советская социально-экономическая система, то, как живут люди в руководимых нами странах, по большей части еще хуже. Для подавляющего большинства населения таких стран,

как, скажем, Бразилия, Гватемала или Мексика, положение Восточной Европы показалось бы очень впечатляющим. А что сейчас видят люди в Восточной Европе? То, что их возвращают к положению стран «третьего мира», к положению тех стран, которыми мы руководим уже очень давно. Поскольку это все ближе, им это не нравится. Точно так же, как это не понравилось бы нашему собственному населению, если бы перед ним стоял такой выбор. Вот что происходит, по моему мнению, а вовсе не возрождение исчезнувшей любви к лагерям и тюрьмам.

Д. Б.: Давайте обратимся к Гаити, где буквально на днях также состоялись выборы. В общем, комментарий США был весьма критичным по отношению к Жану-Бертрану Аристиду и движению Lavalas.

— На самом деле там многое перемешано. Прежде всего, нельзя забывать о том, что некоторые наиболее острые факты все еще держатся в строгом секрете. Взять хотя бы то, что не было никакого эмбарго. Или, к примеру, факт, о котором до настоящего времени не было сказано ни единого слова, — разрешение, полученное Техасо от администрации Буша и Клинтона, на незаконную переправку нефти хунте и ее богатым сторонникам. Другой момент заключается в том, что Аристиду разрешили вернуться на очень суровых условиях, — это крайняя форма структурного регулирования, именно то, против чего на выборах 1990 года проголосовало население, вызвав шок у американских властей. Аристид правил страной, не вполне согласуясь с их

волей. Кое в чем Гаити напоминает Францию. Это одна из очень немногочисленных стран, где имело место народное сопротивление навязываемым извне неолиберальным программам структурного регулирования. У Аристиды есть корни среди народа, и это, в какой-то степени, отразилось на его поведении, — вот почему он не столь охотно, как большая часть элит стран «третьего мира», подчинился приказам из Вашингтона, Всемирного банка и Международного валютного фонда. За это Гаити понесла наказание. Финансирование Гаити, весьма ограниченное, надо сказать, было временно приостановлено из-за отказа с их стороны подчиниться программе, которая бы нанесла огромный ущерб всей правительственной системе и превратила бы ее в беспрецедентную частную власть. Правительство Гаити воспринимало эти идеи без энтузиазма. Народное сопротивление было сильным. Вот почему Аристид в США был подвергнут сокрушительной критике.

Но годы террора не уничтожили демократических институтов и движений, которые привели его к власти. И хотя он во многом следовал указаниям той власти извне, которая разрешила ему вернуться (на мой взгляд, у него выбора не было), но, выполняя эти приказы, он не проявлял достаточного усердия, энтузиазма и преданности по отношению к своим хозяевам, что и вызвало критику.

Д. Б.: Что Вы можете сказать о новом президенте Гаити, Рене Превале?

— Он был близок к Аристиду, и во многом стоит на тех же самых позициях. Я думаю, что база поддержки у него та же самая.

Д. Б.: Гаити — наглядный пример так называемой «гуманитарной интервенции». Другой пример — Сомали. Сюда же можно отнести и Боснию. Существуют ли, с Вашей точки зрения, аргументы, которые можно было бы привести для оправдания акций подобного рода?

— Прежде всего, хочу сказать, что почти любая военная акция в истории человечества преподносилась как «гуманитарная интервенция». Может быть, употреблялись другие слова, но все они были с тем же значением. И цели всегда были в высшей степени благородны. Если же кто-нибудь вознамерится обнаружить в истории примеры подлинных «гуманитарных интервенций», то он найдет немного. С другой стороны, я не думаю, что можно указать общий принцип, согласно которому использование военной силы было бы законным. Это зависит от того, какие имеются альтернативы. Вероятно, существуют обстоятельства, при которых это будет наименьшим злом из имеющихся в распоряжении вариантов. Каждый случай надо рассматривать отдельно. Есть несколько общих принципов, которых можно придерживаться, но они мало что дадут в каждом конкретном случае.

Д. Б.: Мне известно, что по поводу Боснии Вы получили множество просьб поддержать интервенцию для того, чтобы был остановлен так называемый «геноцид». Что такое геноцид?

— «Геноцид» — это термин, который я избегаю употреблять даже в тех случаях, когда, казалось бы, это вполне приемлемо.

Д. Б.: Почему?

— Мне просто кажется, что это термин страдает от чрезмерного употребления. «Гитлер повинен в геноциде». Это верно. В случае с нацистами, это была откровенная попытка уничтожить те народы, которые, по их мнению, должны были бы исчезнуть с лица земли. Это был «геноцид». Основными жертвами его стали евреи и цыгане. Были и другие случаи, где имело место массовое убийство. С 1970-х годов наиболее высокий уровень смертности на душу населения был на Восточном Тиморе. В конце 1970-х годов он в этом плане вышел в безоговорочные лидеры. Тем не менее, я не стал бы называть это геноцидом. Не думаю, что это была запланированная попытка истребить все население, хотя, наверное, около четверти населения было уничтожено. В случае с Боснией, где доля убитых была гораздо меньше, это было ужасно, но несравненно меньше, что бы ни утверждали некоторые, даже высказывающие самые крайние суждения. Мне не хочется использовать этот термин. Мне не кажется, что он соответствует происходящему. Поэтому я сам его не использую. Но если кто-то хочет его использовать, пожалуйста. Он сродни большей части политических терминов: он принимает любое значение, какое вам будет угодно ему придать. Так что ответить на этот вопрос практически невозможно. Все зависит от того, что вы вкладываете в понятие «геноцид».

Что же касается военных интервенций, то у них у всех была одна интересная черта. Они были очень неопределенными. За все эти годы, наполненные стенаниями о крахе западной цивилизации и тому подобным вещам, я не встречал ни единого суще-

ственного предложения о том, что можно было бы сделать. «Сделайте что-нибудь!» — вот что говорили люди. «Посылайте войска!» А они что будут делать? Дельных предложений было крайне мало. То, что было сделано, на мой взгляд, просто безобразно. То, что было сделано, по моему мнению, разрабатывалось долгое время и ведет, по сути, к эффективному разделу региона бывшей Югославии. Словении это не касается, но кроме этого остаются Великая Сербия и Великая Хорватия, плюс сильно поделенная Босния. Они могут называть это государством, но часть ее будет частью Хорватии, а другая часть — частью Сербии.

Великая Хорватия уже во многом клиент Соединенных Штатов. Штаты помогают ей оружием и всячески поддерживают ее. И я думаю, США предвкусывают, что то же самое будет и с Великой Сербией. Если это случится, США получит эффективный контроль над бывшей Югославией, что во многом означает возвращение к прежнему status quo. Значение этого региона весьма существенно. С точки зрения США, это всегда была периферия Ближнего Востока, целой системы защиты и контроля энергетических ресурсов.

Это своего рода база для проникновения в восстановленный «третий мир» Восточной Европы, где существуют общие интересы среди основных промышленных стран, но есть также и конфликты. Таким образом, идеи США, касающиеся того, как эксплуатировать Восточную Европу, несколько отличаются от идеи Франции, скажем, или Германии. Наличие опорного пункта на Балканах дает США возможность осуществить свои собственные силовые и экономические интересы. Таким образом, по-

лучение контроля над этим регионом, а точнее сказать, возвращение контроля над этим регионом, не является неожиданной задачей внешней политики. Как только стало похоже, что военное равновесие установилось, главным образом благодаря американской помощи Хорватии и косвенной помощи боснийским мусульманам, осуществить большую часть которой США предоставили Ирану, теперь, когда баланс более или менее утвердился, все выглядит так, как если бы было возможно просто ввести американские войска, чтобы остановить воюющие армии без особой угрозы или опасности, и конечно же обязательство использовать большие силы, если что-нибудь пойдет не так, — вот тогда США вводит войска.

Теперь предположим, что я являюсь членом Конгресса и мне необходимо выбирать между двумя вариантами. Первый — дать им перебить друг друга. Второй — ввести американские войска, чтобы остановить кровопролитие, разделить страну на две части, обе зависимые от США, с сохранением возможности того, что все может пойти совсем не так, как хотелось бы, — как в Сомали, например, — и тогда может произойти огромная бойня. Если только два варианта, я, возможно, проголосовал бы за ввод войск.

Д. Б.: А как же немецкие интересы в Хорватии, их связи? Вы полагаете, это имеет значение?

— Это имеет огромное значение. На самом раннем этапе Германии принадлежит инициатива слишком поспешного признания Словении и Хорватии, а также Боснии-Герцеговины. В случае со Словенией это

было еще приемлемо, как мне кажется. А что касается Хорватии и Боснии-Герцеговины, их признание было прежде всего инициативой Германии, а Европейский Союз очень быстро за ней последовал, не задумываясь особо над таким серьезным вопросом, как права значительных сербских меньшинств. Это не оправдывает их реакции, но, тем не менее, были законные опасения, но их не приняли в расчет. Несчастье было неминуемым.

Д. Б.: Миша Гленни и другие говорили, что это признание Германией независимости Хорватии и Боснии-Герцеговины разожгло страхи сербов относительно возрождения немецкого владычества на Балканах. Им есть что вспомнить.

— Им многое есть что вспомнить. У всех есть свои воспоминания. Опять-таки, это не оправдывает случившегося. Но признание независимости Хорватии и Боснии-Герцеговины и игнорирование этой очевидно серьезной проблемы было равносильно эффекту спички, брошенной в канистру с бензином.

Д. Б.: Было похоже, что Клинтон очень хотел вытеснить оттуда войска ООН и заменить их войсками НАТО. Вы согласны?

— Только в определенный момент. Пока было трудно, им были нужны там войска ООН. Пока были военные действия, опасность и трудности с продовольствием, США предпочитали держаться подальше. НАТО означает США. Штаты хотят появляться только тогда, когда игра будет закончена и можно будет пожить. Так что тяжелая рабо-

та была сделана европейцами. Другой вопрос, насколько хорошо они ее сделали. С моей точки зрения, крайне плохо. Но тем не менее, это была их задача. Штаты ждали за пределами игрового поля. Они только бомбили с большой охотой, больше ничего. К тому времени казалось, что конфликт можно разрешить путем введения силы, огромной силы, которой ничто не угрожает, к тому времени, когда это казалось вполне возможным, администрация Клинтона хотела, чтобы войска ООН оттуда убрались, хотела все взять в свои руки. Это не очень отличается от Сомали. В случае с Сомали, пока разгорался конфликт, пока свирепствовал голод, люди умирали и не было счета убийствам, США просто стояли в стороне и не хотели ничего предпринимать. Когда военные действия пошли на убыль, появились признаки хорошего урожая и реальный шанс, что голод закончится, когда Красный Крест и другие эффективные организации доставляли продовольствие, — именно в этот момент вступили Соединенные Штаты с развернутой демонстрацией силы и огромной по своим масштабам PR-операцией, рассчитывая извлечь, по меньшей мере, превосходную рекламу. В самом деле, так бы и случилось, если бы не довольно необычная военная доктрина США. Согласно ей, войска Соединенных Штатов никогда не должны подвергаться ни малейшей опасности. Если на них кто-нибудь косо посмотрит, мы тут же вызываем вооруженные вертолеты с отрядом быстрого реагирования. Вот почему Штаты обычно уstraняются от миротворческих операций, предполагающих участие гражданского населения. И в Боснии они дали ясно понять, что собираются поступать так же. Попробуй только встать у них на пути — тут же

поймешь разницу между ними и этими слабаками европейцами, которые не убивают все, что попадается им на глаза. В Сомали это привело к бедствию. Согласно американским источникам, от 7500 до 10000 человек гражданского населения Сомали погибли в период до вывода американских войск. И это не было очень конфликтной ситуацией.

Д. Б.: Вы хотите сказать, что Соединенные Штаты напрямую ответственны за гибель этих людей?

— Во многом так оно и есть. Просто непомерно жестокая реакция в ответ на незначительные провокации, на какие другие страны вообще не считают нужным реагировать. Например, в то же самое время, когда войска США вошли в Боснию, о чем сообщили едва ли не все передовицы, на последних страницах этих газет можно было найти сообщение о том, что норвежские миротворческие силы в Южном Ливане были атакованы израильскими танками и несколько солдат были серьезно ранены и госпитализированы. Чем эта история закончилась, мы не знаем, потому что в наших газетах об этом не печатали. Если бы что-то похожее произошло с войсками США, даже менее серьезное, последовал бы массированный военный ответ.

Д. Б.: А США не могут использовать эти частичные интервенции еще и в качестве оправдания для непомерных военных расходов?

— Разумеется. Фактически так и делается. Во всяком случае, военное вторжение в Сомали было

обрисовано именно так. Колин Пауэлл и другие изложили это практически этими словами, указав, что бюджет Пентагона испытывал трудности и им нужен хороший PR.

Д. Б.: Давайте теперь обратимся к тому, что происходит сейчас на Ближнем Востоке. Общеизвестным считается то, что соглашение, подписанное в Осло в сентябре 1995 года, во многом послужило урегулированию арабо-израильского вопроса. Вот наиболее типичные газетные заголовки: «Израиль согласен покинуть Западный берег», «В Белом доме, Символы Дней Трепета»... «Неоспоримая действительность: палестинцы на пути к независимому государству, евреи говорят „прощай“ той части Святой земли, с которой они исторически были наиболее связаны» и т. д., и т. д. Вы возражаете против такой точки зрения?

— Не вполне. Я думаю, кое-что здесь правильно. Это действительно был день «благоговения». Это была грандиозная победа права силы в международных делах, очень впечатляющая, и небывалая доктринальная победа, помимо прочего. Возможно, это должно вызывать «благоговение». Не исключено, что можно разрешить конфликт практически тем же способом, каким огромные силы разрешили конфликт в Боснии, разделив ее на части. Существуют разные способы разрешения проблем. Была же разрешена проблема коренного населения Америки. Их больше нет. Значит, и проблемы нет. Таким же образом можно решить и палестино-израильскую проблему. Принятые в Осло соглашения, разумеется, большой шаг в этом направлении.

С другой стороны, эти фактические описания — просто фарс. Израиль не ушел с Западного берега. Он не выказал ни малейшего намерения оставить Западный берег. По сути, он ясно показал свои намерения, а его намерения — это намерения Вашингтона, потому что иначе это не происходит. Таким образом, Вашингтон вместе со своей израильской клиентурой дал понять, что они не оставят Западный берег. Чем дальше, тем яснее, что конец этой истории — иностранного происхождения. Вы только взгляните на голые факты. Это соглашение не касается Сектора Газа, где Израиль сохраняет нужные ему примерно 30%. И фактически в недавно принятом бюджете эту часть Сектора Газа Израиль учитывает. Она предусмотрена в бюджете для пустыни Негев. Это лишает области, отданные Палестинской администрации, всякого доступа в арабский мир.

Западный берег, речь о котором идет в соглашении, принятом в Осло, был поделен на 4 части. Одна находится полностью под контролем Израиля. Это 70%. Другая — отдана Палестинской администрации, муниципальные территории полдюжины городов. Остаток, примерно 28%, состоит из почти сотни изолированных секторов внутри 70% израильской территории, которым дана местная автономия под общим израильским контролем. Есть и четвертый регион, это Иерусалим, уже аннексированный Израилем. Говоря «Иерусалим», я имею в виду Большой Иерусалим, обширную территорию, значительную часть Западного берега. Интригующим представляется то, что если взглянуть на карты, не только в Израиле, но и в *New York Times*, эта территория окажется просто приписанной к Израилю. То есть на карте в *New York Times* она закрашена

тем же цветом, что и Израиль. Западный берег — это все, что хотите, но только не это. Этот регион, пусть теоретически, до переговоров уже приписан к Израилю самим Израилем, американским правительством и *New York Times*. Так обстоит дело с этими четырьмя территориями. Говорить о том, что при этих условиях Израиль оставит Западный берег, просто смешно. А если обратиться к дальнейшим условиям, это становится даже абсурдным.

Израиль сохраняет право вето в отношении любого законопроекта, проводимого палестинцами на любой из этих территорий, где есть хоть какой-то уровень местной автономии. От палестинских властей требуют, и они соглашаются, признать законность израильских прав на Западный берег и верховную власть над теми территориями, которые Израиль назовет государственными или свободными территориями. Это расплывчатые категории, но они в основном соответствуют тому, что Израиль хотел бы сохранить. Это по существу полностью отменяет резолюцию ООН № 242, основную политическую схему, требовавшую ухода Израиля с этих территорий. Это аннулирует решения Совета безопасности, гласящие, что поселения незаконны, и что Израиль не имеет никаких суверенных прав на эти территории. Это все аннулируется. Палестинская автономия соглашается признать, что Израиль имеет суверенные права и что его действия законны.

Было много разговоров об удивительном преображении Ицхака Рабина. Он был готов уступить. Израиль был готов на «исторический компромисс». Просто сравните то, что они приняли в Осло-II, с тем, что они заявляли в разгар периода отказа, когда они не хотели вести никаких дел с палестинца-

ми или признавать за ними какие-то права. Например, в 1988 году, когда США и Израиль отказывались вести какие бы то ни было дела с палестинцами и не желали признавать их права, тогда Ицхак Рабин был министром обороны, и он требовал сохранения контроля над 40% территории Западного берега и Сектора Газа. Остального они не хотели. Это традиционная позиция. Теперь им принадлежит что-то около 70% или даже 98%, цифра зависит от того, как производится оценка. Почти в два раза больше, чем то, на что они претендовали при самых крайних требованиях.

Я не думаю, что это будет длиться долго, Это было бы безумием. Я предполагаю, что в последующих навязанных соглашениях они сократят свою интеграцию этих территорий до того уровня, к которому они всегда стремились.

Между тем, это не просто слова. Это еще и действия на земле. И новый бюджет, принятый Кнессетом в прошлом ноябре, после Осло-II и после убийства Рабина, требует 10 миллионов долларов для новых поселений на Западном берегу, в Секторе Газа и на Голанских высотах, и платить за это, так или иначе, будут, как обычно, американские налогоплательщики. Предлагаются даже кое-какие стимулы для новых поселенцев. Посмотрите, что туда входит, и вам станут очевидны крайности этого проекта: есть новопоселенцы, которые отправляются в Сектор Газа, а это очень засушливая территория, питьевой воды там нет. Новый бюджет предусматривает для них специальные субсидии на обустройство прудов для разведения рыбы. Типичный пример. Кроме того, растет военный бюджет Израиля, но расходуется он главным образом на строитель-

ство так называемых «проходных дорог», большой дорожной сети, которая позволит еврейским поселенцам Западного берега свободно путешествовать, минуя разбросанные арабские деревушки, изолированные друг от друга, которые так или иначе должны исчезнуть. Это тоже способствует раздроблению региона. Таким образом, какая бы ни была местная автономия, большого значения она не представляет.

Д. Б.: В своей статье, опубликованной в журнале «Z», Вы проводите аналогию между соглашениями, достигнутыми в Осло, и тем, как штат Нью-Йорк мог бы уступить власть над определенными территориями. В чем тут дело?

— Это примерно то же самое, как если бы власти штата Нью-Йорк решили уступить контроль над Южным Бронксом и трущобами Буффало местным властям, прибрав тем временем богатые городские территории, полезную землю, коммерческие и финансовые центры — по сути, все то, что они всегда хотели прибрать. Они были бы счастливы так поступить, если бы у них была возможность.

Д. Б.: Как, на ваш взгляд, обстоят дела с вопросом о палестинских беженцах в соглашениях, достигнутых в Осло? Их право на возвращение и/или компенсации?

— Это вопрос попросту обойден. О беженцах не было сказано ни слова. Ицхак Рабин и его коллеги дали понять со всей определенностью, что беженцы ничего не получают. Они вне игры. Соединенные штаты поддерживают это вариант. Иначе это не про-

изошло бы. Итак, это политика США, приобретающая при Клинтоне более крайние формы, чем при его предшественниках. Идея состоит в том, чтобы так или иначе где-нибудь рассеять их как человеческие отбросы. Это прямое нарушение давнишних международных соглашений, восходящих к принятой ООН в декабре 1948 года Декларации прав человека, одно из положений которой требует права возвращения людей на те же территории, с которых они были изгнаны. Было определенное намерение подтвердить право палестинцев. На следующий день это прояснили, когда ООН единогласно, включая и Соединенные Штаты, специально закрепила право палестинцев на возвращение или компенсации согласно этому положению, ст. 13 Декларации прав человека, принятой ООН. Все это исчезло. Это всегда была риторика, а сейчас и риторики нет.

Д. Б.: Не хотите ли Вы сказать, что всем руководит Вашингтон, и что такой вещи, как израильский суверенитет, не существует?

— О нет. Нельзя утверждать, что не существует такой вещи, как израильский суверенитет. Штат Невада тоже есть некоторый суверенитет. Но Вашингтон обладает всепоглощающим влиянием. Не забывайте, что Израиль получает иностранную поддержку свыше всякой меры. Его даже нельзя назвать пятьдесят первым штатом США, потому что ни один штат не получает такого количества помощи на душу населения от федерального правительства. Влияние США в этом регионе огромно. Штаты контролируют основных нефтепроизводителей. Египет — клиент США, Турция, во многом, тоже.

Пакистан — очень часто. Пока у власти был шах, Иран был еще одним клиентом США. Конечно, это не тотальный контроль. Он не тотальный даже в Центральной Америке. Но он весьма обширный. Что касается Израиля, зависимость чрезвычайно высока.

Д. Б.: В той же самой статье Вы говорите, что США дают Израилю 3 миллиарда долларов ежегодно, и что «эту сумму можно удвоить, если добавить другие средства». Что это за средства, и как Израиль добился этой помощи?

— Существует целая группа средств, подробно изученных такими людьми, как Дональд Нефф и другие, которые называют цифру в 6 миллиардов. Сюда включаются заемы, превращающиеся в дотации, отсроченные платежи, всяческие финансовые хитрости, передача технологий. Подобных способов неимоверно много. Мне кажется, что эта приблизительная оценка, сделанная Неффом, — 6 миллиардов долларов — не так уж далека от истины. Но и 3 миллиарда — это беспрецедентно много. Как Израиль добился такой помощи? Это вопрос дискуссионный. Есть две основные точки зрения. Это не зависит от того, за вы или против. Какой бы точки зрения не придерживались люди по этому вопросу, они выделяют два фактора. Один — внутреннее лобби. Второй — стратегическая роль, которую Израиль играет в глобальной политике Соединенных Штатов. Моя собственная точка зрения такова, что основной причиной вышеозначенного положения дел является второй из перечисленных факторов.

Д. Б.: Тот, который Вы назвали «полицейский на месте»?

— Это не я так это назвал. Я позаимствовал это определение у никсоновского министра обороны.

Д. Б.: Это был Мелвин Лэйрд. Пока главное управление полиции остается в Вашингтоне.

— А эта фраза уже моя. Им было сказано: «Нам нужны „полицейские на местах“». А я продолжил: «И главное полицейской управление находится в Вашингтоне».

Д. Б.: По совести говоря, как 3 миллиарда долларов, так и 6 миллиардов долларов — это чрезмерно большая зарплата для полицейского.

— Соединенные Штаты много извлекают из этого. Взять эти 3 миллиарда. Значительная их часть составляет военная помощь. Что такое военная помощь? Военная помощь — деньги, выплаченные американскими налогоплательщиками американским корпорациям. Это деньги, которые не покидают банков США. В общем-то, это справедливо относительно многих видов иностранной помощи. Вы хотите поддержать сектор высоких технологий в американской экономике. Это делается под военным прикрытием. Один из способов — производство и экспорт высокотехнологических отходов. Вот большая часть этих 3 миллиардов.

Но кроме этого есть еще многое. Существуют совместные операции технологического развития. Существует обмен информацией. Израиль всегда

был государством наемников. Например, когда Конгресс навязал администрации Картера и Рейгана принудительное соблюдение прав человека и не позволил им напрямую участвовать во все продолжающейся резне в Гватемале, они могли обратиться за помощью к Израилю. Кроме Израиля тут надо упомянуть Тайвань, Великобританию, аргентинских неонацистов. США среди них — главный заправила. К их услугам целая террористическая сеть. Но Израиль принимал в этом активное участие в Африке, Латинской Америке, Азии, и не только. Но главное — он является решающей частью системы поддержки семейных диктатур, — британцы называют их «арабский фасад», — которые управляют энергетическими ресурсами и обеспечивают отток прибылей на Запад. Между Израилем и Саудовской Аравией всегда существовало нечто вроде молчаливого альянса. Сейчас это, похоже, все больше выходит на поверхность. Это важная роль. Обратите внимание, что американская помощь резко выросла в 1967 году, после того, как Израиль разбил египетские войска Насера, а это были передовые силы независимости в арабском мире, и они считались очень опасными. Израиль их уничтожил. Помощь Израилю резко возросла.

Она снова выросла, по сути, больше, чем в четыре раза, в 1970 году, когда Иордания устроила настоящую резню среди палестинцев. В какой-то момент казалось, что Сирия может осуществить вторжение с целью поддержки палестинцев, и США попросили Израиль мобилизовать все возможности, чтобы этого не допустить, и это было сделано. «Черный сентябрь», как его потом назвали, мог продолжиться. Полагали, что это очень важно. Сам Генри

Киссинджер назвал это одной из самых крупных жертв, сделанных Израилем, и военная помощь возросла. Так оно и продолжается до сих пор. К внутреннему лобби я по ряду причин отношусь довольно скептически. По моему мнению, внутреннее лобби добивается успеха, если оно не идет вразрез с интересами власти. Тогда это дает эффект, даже значительный. Но не независимый.

Д. Б.: Есть ли данные о том, сколько денег Израиль получил от США с 1948 года? Известно ли это кому-нибудь вообще?

— Конечно, это можно выяснить. До 1967 года эта цифра не была большой. В сущности, у израильского капитала вплоть до 1967 года были внешние источники: либо из США, либо немецкие репарации. Не забывайте, что США оказывает помощь и иным путем. Израиль — единственная страна, которой можно делать денежные пожертвования, свободные от налогов. Если вы хотите сделать свободное от налогов денежное пожертвование на покупку земли, где не будет арабов, это можно сделать без налогов в США. Это составляет большую сумму. Если сложить все эти деньги, пусть даже до 1967 года, сумма окажется весьма существенной. А потом это вообще начинает переходить всяческие рамки. В 1978 году Израиль получал более половины всей официальной помощи США, оказываемой по всему миру. Обычно ему причитается треть. И это только официальная помощь. Другая, «неофициальная», здесь не берется в расчет.

Д. Б.: Уже есть предположение, что если между

Сирией и Израилем будет достигнуто соглашение относительно Голанских высот, то платить по счету будут в основном те же США.

— В определенном смысле они будут платить по счету, но США в целом оплачивает содержание этого государства. Точно так же обстоит дело и с Египтом. Посмотрите на помощь, оказываемую США другим странам. Основными ее объектами являются Израиль, Египет и Турция. Плюс Пакистан. С течением времени это положение дел несколько меняется, был период, когда среди них был Сальвадор. Но вот уже в течение долгого времени это, в основном, перечисленные государства. Основная часть приходится, конечно, на долю Израиля. Это все звенья системы того, что администрация Никсона называла «полицейским на месте». «Арабский фасад» обеспечивает отток нефтеприбылей на Запад, главным образом, Соединенные Штаты и Великобританию, люди, живущие в том регионе, ничего не получают. Этот «арабский фасад» нуждается в защите от своего собственного населения. Всегда существовало кольцо жандармов, обеспечивающее эту защиту, и они получают за это вознаграждение.

Д. Б.: New York Times сообщает в своих публикациях, что Тель-Авив «опьянел» от роскошных машин. Израиль — это богатая страна. Жизненный уровень там выше, чем в некоторых европейских государствах.

— Эта страна богата во многом благодаря иностранной помощи. С другой стороны, не забывайте, что эта страна — клиент США, значит, она посте-

пенно становится похожей на США. Значит, в этой стране чрезвычайно высок процент людей, живущих в бедности, и уровень неравенства крайне высок. Думаю, среди богатых стран они уступают в этом отношении только Соединенным Штатам.

Д. Б.: Но возникает вопрос, почему сейчас, когда так носятся с финансовой экономией и сокращением бюджета, эти деньги не становятся предметом споров?

— А что вы скажете насчет субсидий богатым в США? Разве это становится предметом споров? Бюджет Пентагона только что вырос. Финансовая экономия означает экономию на малоимущих, а не на богатых. Вот некоторые цифры Израиля, если вам интересно, почерпнутые из Jerusalem Post, вышедшей несколько недель тому назад. Заголовок — «Рекордное количество живущих за чертой бедности — 670000 в 1994, на 24000 больше, чем в 1993». Очень быстрый рост, как видите. Так же растет и уровень богатства. В этом отношении все это тоже напоминает США.

Но «финансовая экономия» — это термин, который всерьез никто не воспринимает. Для Fortune 500, которая только что отметила четвертый год подряд двойной рост прибыли, не существует никакой «финансовой экономии». Одной из причин такого роста прибылей являются, несомненно, федеральные субсидии. Эти ребята забыли, что означает понятие «капитализм». На днях была передовица в Wall Street Journal. Два штата, Мэриленд и Вирджиния, соревновались между собой, используя различные стратегии экономического развития. Не-

которое время лидировал Мэриленд, потом вперед вышла Вирджиния. Статья полна рассуждений о тамошних предпринимательских ценностях, о благоприятном для бизнеса климате и историях большого коммерческого успеха. Сейчас впереди Вирджиния. Присмотритесь к этому делу повнимательней, и вы увидите, что это вовсе не Вирджиния и Мэриленд состязаются между собой. Это те части Вирджинии и Мэриленда, которые граничат с Вашингтоном. Разница стратегий заключается в том, что Мэриленд вкладывал деньги в биотехнологию, надеясь поживиться за счет Национального института здоровья, а деньги Вирджинии были вложены в электронику и высокие технологии, в расчете урвать от пентагоновского бюджета. Вот стратегия их бизнеса: какую часть федерального правительства мы можем использовать, чтобы субсидировать себя? Причина, по которой Вирджиния сейчас продвинулась дальше, очень проста: они примазались к тому, кто в данную минуту победитель, то есть к пентагоновской системе, которая является традиционным средством поддержки высоких технологий. Вот что называется «предпринимательским капитализмом».

Д. Б.: Это создает «общество благоприятных возможностей», которое так расхваливают правые.

— Не существует никакой финансовой экономии. «Финансовая экономия» существует для детей, чьи матери живут не так, как им указывает Ньют Гингрич.

Д. Б.: Давайте снова обратимся к ситуации на Ближнем Востоке. В своих письменных и устных выступлениях Вы время от времени ссылаетесь на Израэля Шахака. Кто это?

— Израэль Шахак в течение многих лет был лидером израильских сторонников предоставления гражданских свобод. Он был очень активным участником движения за гражданские свободы, который начиная с 1967 года и до сих пор защищает права палестинцев и права других угнетенных народов, независимо от того, кто является угнетателем, идет ли речь о властях палестинской автономии и Организации освобождения Палестины или об Израиле. Он также много пишет о религиозном насилии и его результатах, которые в Израиле принимают крайние формы, и на многие другие темы. Он является бесценным источником информации по очень широкому кругу вопросов. Еще он рассылает людям, которые читают на иврите, тонны всякой всячины из израильской прессы. Он делает очень полезные переводы. Израильская пресса с большой точностью освещает разные темы, например, оккупированные территории, у нас такого не встретишь. Так что он всегда был очень ценным источником. Он сам пережил холокост — ребенком он был в Варшавском гетто. Мы дружим с ним многие годы.

Д. Б.: Вы всегда были настроены критически по отношению к Ясиру Арафату и к методам его руководства ООП. Произошло ли в последние месяцы что-нибудь такое, что заставило бы Вас пересмотреть свою позицию?

— Да. Стало еще хуже.

Д. Б.: Что Вы имеете в виду?

— Я всегда был настроен критически, начиная с момента, когда он появился в конце 1960-х, критика моя была весьма едкой, но теперь становится все хуже. Репрессии на Западном берегу достаточно серьезны. Под их огонь попадают не только традиционные мишени, но и самые заметные фигуры: лидеры борцов за права человека, издатели и т. д. Контроль за процессом выборов достиг такого уровня абсурда, что наблюдатели из Европейского Союза признали их недействительными. Израиль дал понять очень ясно, какого рода договоренности были достигнуты с Арафатом после первого соглашения в Осло. Ицхак Рабин, который был премьер-министром (это теперь сентябрь 1993 года, «великий прорыв»), объяснил это своей партии, Израильской партии Труда или, может быть, парламенту. Он сказал, что это неплохая мысль — использовать силы Арафата для осуществления управления на местах, то есть руководить местным населением вместо израильских военных, потому что в таком случае не будет ни жалоб в Верховный суд, ни протестов в правозащитные организации, не будут обливаться кровью родительские сердца. Другими словами, они могут сослужить хорошую службу. Израиль фактически движется к традиционной форме колониального контроля. Когда Великобритания управляла Индией или белые южноафриканцы и родезийцы управляли своими странами, они старались не использовать свои собственные войска. В подавляющем большинстве они использовали местных наем-

ников. То же самое делают Соединенные Штаты в Центральной Америке. Мы стараемся использовать силы безопасности. Если это необходимо, американские войска входят, но местные наемники, будь то войска государственной безопасности или военизированные отряды, оказываются несравнимо эффективнее — по той же причине, о которой говорил Рабин. Такова роль, которая отводится Палестинской автономии. И если Арафат не будет играть эту роль, долго он не продержится. Это его сделка с Израилем. В обмен на это с ними будут очень хорошо обращаться, как и вообще с элитой «третьего мира».

Д. Б.: Интересно сопоставить американскую помощь Израилю и американскую же щедрость по отношению к палестинцам. За пять лет США предоставили 500 миллионов долларов. То есть 100 миллионов в год. Не очень большая сумма.

— Это практически ничто. Пару дней назад я получил письмо от одного израильского друга, профессора Университета Бен-Гуриона, который руководит группой израильских борцов за гражданские права в Секторе Газа. Он ездит туда. Он пишет, что на каждом шагу встречает ужасную бедность. Идет кое-какое строительство и развитие, а американских денег и следа нет. Те деньги, которые есть, поступают из Европейского Союза или из других источников.

Д. Б.: Сегодня рано утром я просмотрел вашу книгу, изданную в 1974 году, — «Мир на Ближнем Востоке?» В конце стоит вопросительный знак. Вы были в числе тех, кто говорил о «двунациональ-

ном» государстве в Палестине. Похоже, что события пошли в диаметрально противоположном направлении. Есть ли какой-нибудь шанс оживить эту мечту?

— Да. На мой взгляд, это единственно возможный выход. По поводу поселений, состоящих из двух округов, как тогда предлагали, я всегда высказывался достаточно скептически, и в той книге, и после. В течение нескольких лет они были, по сути, интернациональным консенсусом. Мне это никогда не казалось разумным. Может быть, какое-нибудь федеральное соглашение или что-то вроде того. Но в этом случае вопрос о двух округах себя изжил. Никакого значимого палестинского государства, по видимому, не будет. Ему пришел конец. По сути, не будет полного вывода израильских войск, что предусматривали международные дипломатические рамки, которые США помогали создать, а потом полностью подорвали. Это совершенно ясно. То, что создается, — это своего рода система апартеида, как указывают израильские комментаторы, имея в виду нечто вроде системы, существовавшей в Южной Африке в 1950-х годах, даже с бантустанами, которые будут называться Палестинским государством. Конечным результатом этого должно стать крушение апартеида, как в Южной Америке, и движение к некоему кантональному устройству, или федеральному устройству, или иной форме устройства, которая наконец признает (я надеюсь, что это случится в не слишком далеком будущем) равные права всех живущих там людей, имея в виду и их коллективные права.

Д. Б.: Если обозреть последние сорок или пятьдесят лет, станет очевидно, что в США никогда особенно не симпатизировали палестинской стороне. Налицо немного сочувствия, которое фактически испаряется. Например, существовало «Сообщество Справедливости Ближнего Востока», и его информационный бюллетень «Прорыв осады». Теперь их нет.

— С этим нужно быть несколько осторожным. Основное население Америки высказывалось за Палестинское государство в соотношении, примерно, два к одному, во всяком случае, в то время, пока проводились такие опросы. И это при том, что нигде про это не говорилось. Так что, большая разница как обычно, между мнением элиты и общим мнением. Но если оставаться в кругу элиты, тут вы совершенно правы. Таким образом, в прессе, в элитных дискуссиях никаких палестинцев не существует. Это только кучка террористов. Вот вам один тривиальный пример: когда New York Times приписала Большой Иерусалим к Израилю, вы услышали хотя бы один звук протеста?

Д. Б.: Нет, ничего такого не было. И в число населения Западного берега и Сектора Газа Иерусалим никогда не входил. Эта цифра — около 130000.

— Это меньше половины. По сути, Тедди Коллек, который был мэром Иерусалима, считается здесь героем, великим демократом и чудесным человеком, обеспечившим арабо-израильскую гармонию в Иерусалиме. А он, в сущности, насаждал дискриминационные правила и процедуры, стремясь пода-

вить арабское большинство в Восточном Иерусалиме, где население запикивали во все более тесные кварталы, не разрешали ничего строить, а землю конфисковали, в то время, как еврейское население получало большие субсидии. Здесь его действия ясны. Он говорил: «Слушайте, я ничего не собираюсь делать, чтобы помочь арабам, если только это не служит на благо евреям». Он говорил: «Мы будем повышать их стандарты здоровья, потому что не хотим, чтобы они подхватили холеру, ведь она может перекинуться и на еврейское население». Но кроме этого — ничего, кроме разве что время от времени «небольшой показухи», как он это называл. Вот за что отдают свои деньги американские налогоплательщики. Не только это, но еще и то, что американские интеллектуалы называют, вслед за Ирвингом Хоу, большими шагами по направлению к социал-демократии, что вдохновляет всех нас.

Д. Б.: Я знаю, как неохотно вы всегда предлагаете людям, что им следует делать. Возможен же какой-нибудь путь, которым люди могли бы следовать в этом конкретном случае?

— Разумеется. Этот случай один из самых простых.

Д. Б.: Почему Вы так считаете?

— Существует четко сформулированное международное соглашение, в выработке которого США принимали активное участие (фактически, сами и вырабатывали), которое требует тотального ухода Израиля с оккупированных территорий и точка.

Такова была официальная позиция США. США ее выработывали. Она могла быть пересмотрена. Но вышло так, что она потерпела крах в правительстве под влиянием Киссинджера в 1971 году, но это не был свободный выбор, потому что люди об этом не знают. Нет никакой поддержки той политики помощи, которая приводит к тому, что я только что описал относительно Иерусалима. То, что называют «помощью» Израилю, — странный вид помощи. Это такая помощь, от которой все большее число людей оказывается за чертой бедности. Это помощь в обычном смысле: помощь некоторым секторам в ущерб другим. Такого не должно происходить. Страны должны получать помощь. Я не думаю, что богатые страны должны иметь преимущество в плане получения помощи, но если уж они его имеют, эта помощь не должна приводить к рекордному числу людей, живущих за чертой бедности, причем это число растет быстрее, чем в любой другой богатой стране, не считая США. Эта помощь не должна быть подобием нашей социальной политики здесь. Американцы многое могут сделать, особенно в этом регионе, где влияние и сила США имеют решающее значение. Но, конечно, как обычно, прежде всего необходимо избежать щупалец нашей системы пропаганды, которая в этом конкретном случае обладает просто ужасающей мощью.

Д. Б.: Каковы Ваши планы на будущее? Я знаю, что Вам предстоит поездка в Индию.

— Да, я уезжаю дня через два.

Д. Б.: Чем Вы там собираетесь заниматься?

— Все как обычно: политические доклады, организованные Институтом экономики в Дели, потом в Калькутте, Хайдарабаде и Тривандраме. В основном, политические, несколько по лингвистике и другим темам.

Д. Б.: Последний раз Вы были в Индии двадцать лет тому назад?

— Даже больше. В 1972 году я читал там лекции, посвященные памяти Неру.

Д. Б.: Будет интересно обсудить с Вами Ваши новые индийские впечатления, когда Вы вернетесь.

— Я боюсь, при взгляде на свое расписание, что мои впечатления будут ограничиваться аэропортами и интервьюерами лекционных залов.

Д. Б.: Мы с Вами начали эту серию интервью, в том числе и с рассуждений о МИТ и о Вашей карьере в качестве преподавателя здесь. Есть ли у Вас какие-то новые мысли на этот счет?

— Нет. У меня на сегодняшний день нет никаких определенных планов. Вообще говоря, я забыл, о чем мы с вами тогда говорили, это было давно.

Д. Б.: Вы намерены сохранить строгий график докладов и постоянных интервью, который сложился у Вас за последние годы?

— «Намерен» — забавное слово в этом контексте. Мне трудно что-либо изменить, но меня никогда не

ИЗРАИЛЬ. БДИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ НА ПОСТУ
покидает чувство, что я занимаюсь не тем, чем дол-
жен.

Д. Б.: Большое спасибо. Приятного путешествия.

Ноам Хомский
КЛАССОВАЯ ВОЙНА
ИНТЕРВЬЮ С ДЭВИДОМ БАРЗАМЯНОМ

Перевод с англ. *С. А. Мельников*

Редактор *В. И. Новиков*
Оформление обложки *А. Кулагин*
Оригинал-макет *А. В. Иванченко*
Корректор *М. А. Костина*

Издательская группа «Праксис»
ИД № 02945 от 03.10.2000

Подписано в печать 30.05.2003. Формат 84 × 108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,6
Тираж 2000 экз. Заказ 667

ООО «Издательская и консалтинговая группа „ПРАКСИС“»
127486, Москва, Коровинское шоссе, д. 9, корп. 2
<http://www.praxis-online.ru>
<http://www.politizdat.ru>
e-mail: praxis@hotbox.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Типография „Новости“»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 5-901574-36-5

